

Федеральное государственное автономное учреждение науки
«Институт Китая и современной Азии Российской академии наук»
(ИКСА РАН)
www.iccaras.ru

Межрегиональная общественная организация
«Ассоциация японоведов»
www.japanstudies.ru

Электронный научный журнал «Японские исследования» издаётся 4 раза в год (ежеквартально) с 2016 г. Журнал носит междисциплинарный характер и охватывает различные сферы японоведческих исследований: политика, экономика, общество, история, культура, филология и др. Все научные статьи рецензируются; всем статьям присваивается DOI.

Учредители: Институт Китая и современной Азии РАН, Ассоциация японоведов.

URL: <http://japanjournal.ru>

Свидетельство о регистрации сетевого издания «Японские исследования»

ЭЛ № ФС 77-86073 выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 13 октября 2023 г.

Входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и базу RSCI на платформе Web of Science.

Входит в Научную электронную библиотеку «КиберЛенинка».

Входит в Web of Science — Emerging Sources Citation Index (ESCI).

Входит в Перечень Высшей аттестационной комиссии (ВАК).

Председатель Редакционного совета: Бабаев К.В., д.филол.н.

Главный редактор: Стрельцов Д.В., д.и.н.

Ответственный секретарь: Добринская О.А, к.и.н.

Редакционная коллегия: Гришачев С.В., к.и.н., Дьяконова Е.М., к.филол.н.; Лебедева И.П., д.э.н.; Мещеряков А.Н., д.и.н.; Нелидов В.В., к.и.н.; Добринская О.А, к.и.н., Стрельцов Д.В., д.и.н., Трубникова Н.Н., д.филос.н.

Редакционный совет: Алпатов В.М., д.филол.н., академик РАН; Войтишек Е.Э., д.и.н.; Гордон Эндрю (США), проф.; Дацышен В.Г., д.и.н.; Катасонова Е.Л., д.и.н.; Кистанов В.О., д.и.н.; Крнета Наталия (Сербия), к.филол.н.; Ларин В.Л., д.и.н., академик РАН; Островский А.В., д.э.н.; Панов А.Н., д.полит.н.; Пестушко Ю.С., д.и.н.; Симотомаи Нобуо (Япония), проф.; Стоквин Артур (Великобритания), проф.; Судзуки Ёсикадзу (Япония), проф.; Тимонина И.Л., д.э.н.; Чугров С.В., д.соц.н.

Редакция: Добринская О.А., к.и.н., Кириченко М.А., Нелидов В.В., к.и.н., Стрельцов Д.В., д.и.н.

Специальности ВАК:

5.2.3 Региональная и отраслевая экономика
5.2.5 Мировая экономика
5.5.2 Политические институты, процессы, технологии
5.5.4 Международные отношения
5.6.2 Всеобщая история
5.6.4 Этнология, антропология и этнография
5.6.7 История международных отношений и внешней политики

OECD Fields of Science:

5. Social sciences
6. Humanities

ISSN 2500-2872

© Авторы (лицензия Creative Commons Attribution License)

**Institute of China and Contemporary Asia
of the Russian Academy of Sciences**

www.iccaras.ru

Non-profit organization “Association of Japanologists”

www.japanstudies.ru

The electronic scientific periodical “Japanese Studies in Russia” has been published 4 times a year (quarterly) since 2016. This edition is an interdisciplinary journal covering various fields of Japanese studies: politics, economics, society, history, culture, philology, etc. All academic articles are peer-reviewed and assigned to DOI.

Founders: Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences, NPO Association of Japanologists.

URL: <http://japanjournal.ru>

Included in Russian Index of Science Citation (RISC) and Russian Science Citation Index (RSCI).

Included in Russian Scientific Digital Library “CyberLeninka.ru”.

Included in Web of Science — Emerging Sources Citation Index (ESCI).

Included in List of Higher Attestation Commission (HAC).

Head of Editorial Council: Babaev K.V., DSc (Philology)

Editor-in-chief: Streltsov Dmitry V., DSc (History)

Executive Secretary: Dobrinskaya Olga A., PhD(History)

Editorial Board: Grishachev Sergei V., PhD (History), Dyakonova Elena M., PhD (Philology); Lebedeva Irina P., DSc (Economics); Meshcheryakov Aleksandr N., DSc (History); Nelidov Vladimir V., PhD (History), Dobrinskaya Olga A., PhD (History), Streltsov Dmitry V., DSc (History), Trubnikova Nadezhda N., DSc (Philosophy)

Editorial Council: Alpatov Vladimir M., DSc (Philology), Academician of the RAS; Chugrov Sergei V., DSc (Sociology); Datsyshen Vladimir G., DSc (History); Gordon Andrew (USA), Prof.; Katasonova Elena L., DSc (History); Kistanov Valerii O., DSc (History); Kmeta Natalija (Serbia), PhD (Philology); Larin Viktor L., DSc (History), Academician of the RAS; Ostrovskii Andrey V., DSc (Economics); Panov Aleksandr N., DSc (Political Science); Pestushko Yurii S., DSc (History); Shimotomai Nobuo (Japan), Prof.; Stockwin Arthur (UK), Prof.; Suzuki Yoshikazu (Japan), Prof.; Timonina Irina L., DSc (Economics); Vojtishchik Elena E., DSc (History)

Editors Office: Dobrinskaya Olga A., PhD (History), Kirichenko Mariya A., Nelidov Vladimir V. PhD (History), Streltsov Dmitry V. DSc (History)

OECD Fields of Science:

5. Social sciences

6. Humanities

ISSN 2500-2872

© Authors (Creative Commons Attribution License)

СОДЕРЖАНИЕ

Исследовательские статьи

<i>Климова О.В.</i> История изучения Сахалина по японским источникам (кон. XVIII — нач. XIX вв.)	5
<i>Матвеева О.К.</i> Скрипторий по переписке сутр эпохи Нара: административные и трудовые практики на примере «Проекта трех сутр» (754 г.)	24
<i>Суховерхов А.В., Криницкая Ю.О.</i> Эстетизация мудрости и обыденности как отличительная особенность интеллектуальной культуры Японии	44
<i>Терзи А.Е.</i> Официальная помощь развитию Японии для Филиппин: оценка эффективности	59
<i>Ясинский А.А.</i> Медицина в «Тикусай-моногатари»	73
<i>Пужаев В.В.</i> Становление юридического образования в Японии в первой половине эпохи Мэйдзи: очерк истории <i>Мэйхо:рё:</i> и <i>Сихо:сё: хо:гакко:</i>	90
<i>Грачев М.В., Онищук С.О.</i> Представления о болезнях и методах врачевания в период Хэйан (794—1185)	112
<i>Дьячков И.В., Шкатов Д.Е.</i> Государственная и частная мемориализация исторических обид в отношении Японии в Республике Корея	125

Рецензии

<i>Авилов Р.С.</i> «В отечественной историографии деятельность разведки японского флота рассматривалась слабо...» Рецензия на книгу А.Г. Зорихина «Российско-японское противостояние на море. Дуэль флотов и разведок. 1875—1922»	145
--	-----

Научная жизнь

<i>Стрельцов Д.В., Нака К.О., Нелидов В.В.</i> Семинар «Япония на этапе политической турбулентности»	154
---	-----

Библиографический перечень публикаций в журнале

«Японские исследования» за 2025 год	173
---	-----

CONTENTS

Research articles

<i>Klimova O.V.</i> History of the study of Sakhalin based on Japanese sources (late 18 th — early 19 th centuries)	5
<i>Matveeva O.K.</i> Nara period sutra copying scriptorium: Administrative and labor practices through the example of the “Three Sutras Project” (754)	24
<i>Sukhoverkhov A.V., Krinitskaya Y.O.</i> The aestheticization of wisdom and homeliness as a distinctive feature of the intellectual culture of Japan	44
<i>Terzi A.E.</i> Japan’s Official Development Assistance to the Philippines: Assessment of effectiveness	59
<i>Yasinskiy A.A.</i> Medicine in the Chikusai Monogatari	73
<i>Puzhaev V.V.</i> The development of legal education in Japan in the first half of the Meiji era: An outline of the history of <i>Meihōryō</i> and <i>Shihōshō Hōgakkō</i>	90
<i>Grachev M.V., Onishchuk S.O.</i> Ideas about disease and healing methods in Heian-era Japan	112
<i>Dyachkov I.V., Shkatov D.E.</i> State-controlled and private memorialization of historical grievances <i>vis-à-vis</i> Japan in the Republic of Korea	125

Book reviews

<i>Avilov R.S.</i> “In Russian historiography, the intelligence activities of the Japanese Fleet were poorly considered...” Book review: Russian-Japanese Rivalry at Sea. A Duel of Fleets and Intelligence Services. 1875—1922 by A.G. Zorikhin	145
---	-----

Academic events

<i>Streletsov D.V., Naka K.O., Nelidov V.V.</i> Seminar “Japan at the Stage of Political Turbulence”	154
---	-----

Bibliography 2025	176
--------------------------------	-----

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТАТЬИ

DOI: 10.55105/2500-2872-2025-4-5-23

О.В. Климова

История изучения Сахалина по японским источникам (кон. XVIII — нач. XIX вв.)

Аннотация. В данной статье будут представлены новые источники по истории изучения Сахалина, которые хранятся в государственных архивах и частных коллекциях Японии и числятся в «Нихон хокухэн канкэй кю:ки мокуроку» 日本北辺関係旧記目録 (Каталог старых книг, посвященных северным окраинам Японии). Автором будут подробно описаны материалы с 1763 г. до первой половины XIX в. и на их основе изучена роль Сахалина в истории российско-японских отношений.

Источники разделены на четыре периода. В результате анализа исторических материалов первого периода (до 1785 г.), стало ясно, что письменные памятники вплоть до 1780-х гг. представляют собой записи общего содержания, в которых описывалось услышанное или увиденное на Сахалине.

Значительная часть исторических материалов, которые относятся ко второму периоду (1781—1791 гг.), посвящена описанию географических особенностей, состоянию рыболовного промысла и истории освоения Сахалина. В 1780-х гг. правительство бакуфу обращает внимание на Сахалин и приказывает организовать первые правительственные экспедиции.

Отдельного внимания заслуживают источники третьего периода (1792—1801 гг.), в перечне которых, помимо описания земель Эдзо и записей старейшин айских поселений, можно найти отчеты вассалов сёгуна, которые совершали патрулирование на Сахалине. Особое внимание уделяется описанию различных частей Сахалина; представлена подробная характеристика природно-климатических условий; имеются списки географических названий и карты острова. Также найдены геодезические документы, с указанием мест, где находились сторожевые посты.

В источниках четвертого периода (1802—1820 гг.) прослеживается тенденция к усилению присутствия бакуфу в северных пределах страны и обороне Сахалина. В начале XIX в., в связи с опасениями расширения Российского влияния, японское правительство принимает беспрецедентное решение включить северные земли Эдзо, в число которых входила и южная часть Сахалина, в состав т.н. внутренних районов страны и берет эти территории под свой контроль. Однако в 1820-х гг., когда Россия была вынуждена прекратить попытки установления торговых отношений с Японией, политический курс правительства бакуфу снова меняется, и оно возвращает контроль над Северными землями Эдзо обратно клану Мацумаэ.

Ключевые слова: Сахалин, Карафуто, Айны, российско-японские отношения, Эдзо, Хоккайдо, японские источники.

Автор: Климова Ольга Вадимовна, PhD, Доцент Института востоковедения и африканистики НИУ ВШЭ СПб (Санкт-Петербург, Канала Грибоедова наб., д. 123), заведующий кафедрой японоведения. ORCID: 0000-0002-6500-4593.
E-mail: o_klimova@hotmail.com

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Климова О.В. История изучения Сахалина по японским источникам (кон. XVIII — нач. XIX вв.) // Японские исследования. 2025. № 4. С. 5—23. DOI: 10.55105/2500-2872-2025-4-5-23.

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 24-28-00764).

O.V. Klimova

History of the study of Sakhalin based on Japanese sources (late 18th — early 19th centuries)

Abstract. This article presents new sources on the history of the study of Sakhalin, which are stored in state archives and private collections of Japan and are listed in *Nihon hokuhēn kankei kyūki mokuroku* 日本北辺関係旧記目録 (An Annotated Catalog of Japanese Manuscripts Sources). The author describes materials from 1763 to the first half of the 19th century and analyzes the role of Sakhalin in the history of Russian-Japanese relations.

The sources are divided into four periods. The first period (before 1785) represent records of general content that described what was heard or seen on Sakhalin.

The second period (1781—1791) is devoted to a description of geographical features, the state of the fishing industry and the history of the development of Sakhalin. In the 1780s, the bakufu government turned its attention to Sakhalin and ordered the first government expeditions.

The third period (1792—1801) deserves special attention. The sources contain not only descriptions of the lands of Ezo and records of the elders of Ainu settlements, but also reports of the shogun's vassals who were patrolling Sakhalin. Particular attention is paid to the description of various parts of Sakhalin, natural and climatic conditions. There are also lists of place names and maps of the island. Newly revealed geodetic documents contain valuable information about the guard posts and their location.

The fourth period (1802—1820s) shows a tendency towards strengthening the presence of the bakufu in the northern borders of the country due to fears of the expansion of Russian influence. Japanese government made an unprecedented decision to include the northern lands of Ezo, which included the southern part of Sakhalin, into the so-called interior regions of the country, taking these territories under its control. However, in the 1820s, when Russia was forced to stop trying to establish trade relations with Japan, the bakufu government's policy changed again, and it returned control of the Northern Ezo Lands back to the Matsumae clan.

Keywords: Sakhalin, Karafuto, Ainu, Russian-Japanese relations, Ezo, Hokkaido, Japanese sources.

Author: Klimova Olga V., PhD, Associate Professor of the Institute of Asian and African Studies, HSE University, Saint Petersburg Campus (Russia, Saint Petersburg, Griboedov Channel Emb., 123), Head of the Department of Japanese Studies.
ORCID: 0000-0002-6500-4593. E-mail: o_klimova@hotmail.com

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Klimova, O.V. (2025). Istoriya izucheniya Sakhalina po yaponskim istochnikam (kon. XVIII — nach. XIX vv.) [History of the study of Sakhalin based on Japanese sources (late 18th — early 19th centuries)]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2025, 4, 5—23. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2025-4-5-23.

Acknowledgements. The research is accomplished under the Russian Science Foundation, grant № 24-28-00764.

Введение

История изучения и освоения Сахалина является одной из ключевых тем в отечественных и зарубежных исследованиях, посвященных русско-японским отношениям. В данной статье будут представлены новые источники по истории изучения Сахалина, которые хранятся в государственных архивах и частных коллекциях Японии и числятся в «Нихон хокухэн канкэй кю:ки мокуроку» 日本北辺関係旧記目録 (Каталог старых книг, посвященных северным окраинам Японии)¹.

Данная коллекция поистине бесценна и уникальна по своему значению. Ее формирование началось почти сто лет назад, в 1937 г., когда был основан отдел по исследованию культуры Севера² при университете Хоккайдо, который тогда еще назывался сельскохозяйственным колледжем Саппоро³. Однако в 1967 г. данный отдел был расформирован, материалы были переданы библиотеке, а при ней был основан новый отдел рукописей по Северу⁴.

Для того, чтобы заполнить существующие пробелы в коллекции письменных источников по данной теме, сотрудниками отдела была проведена титаническая работа не только по упорядочиванию уже имевшихся источников, но и по поиску новых. Итогом стало появление на свет данного каталога, в состав которого вошли письменные памятники, фотографии, карты и различные иллюстрации вплоть до середины XX в.

Каталог состоит из десяти разделов. В первом представлены книжные серии; во втором — материалы, относящиеся к географии и путевым заметкам; в третьем — материалы по истории (по периодам); в четвертом — материалы по истории, имеющие особое значение; в пятом — материалы по айнам; в шестом — по Курильским островам; в седьмом — по острову Сахалин; в восьмом — по международным отношениям (Россия); в девятом — по международным отношениям (помимо России); в десятом — материалы, не относящиеся к северным регионам. В конце каталога представлен перечень приложений и материалов, а также индексы материалов и авторов в алфавитном порядке.

---

¹ «Каталоге старых книг, посвященных северным окраинам Японии. Хоккайдо, Карафуто, Курильские острова, Россия» 日本北辺関係旧記目録. 北海道・樺太・千島・ロシア・北海道大学附属図書館 An Annotated Catalog of Japanese Manuscripts Sources on Hokkaido, Sakhalin, the Kuriles and Russia in Hokkaido. Саппоро: Хоккайдо: дайгаку тосё канко:кай 北海道大学図書刊行会. 1990. 400 с.

² 北方文化研究室 — *Хонпо: бунка кэнкю:сишу* — Отдел по исследованию культуры Севера.

³ 札幌農学校 — *Саппоро но: гакко:* — Сельскохозяйственный колледж Саппоро.

⁴ 北方資料室 — *Хонпо: сирё:сишу* — Отдел рукописей по Северу.

В данной статье мы обратим особое внимание на седьмой раздел каталога, в котором представлены порядка ста девяносто источников по истории исследования Сахалина. Эта солидная коллекция охватывает полуторавековой период с 1763 по 1932 г. Автором будут подробно описаны материалы с 1763 г. до первой половины XIX в. — периода, который в истории российско-японских отношений принято называть додипломатическим, и изучена роль Сахалина в истории российско-японских отношений.

Следует отметить, что как в заголовке данного каталога, так и в письменных источниках, представленных в нем, для обозначения острова Сахалин используется название «Карафуто». Этимология данного слова восходит к айнскому языку. В период Эдо (1603—1868) айны называли этот остров «Камои, карабуто», что можно перевести на русский язык как «пролив, созданный богами». Интересно, что изначально так айны называли не сам остров, а местность, которая примыкала к проливу Соя. Позже «камои» сократили, оставили «Карабуто» и стали обозначать этим словом весь остров. Так родилось название острова «Карафуто» [Климов А. 2010а, с. 11], для написания которого в разное время использовались различные сочетания иероглифов: 唐太, 柯太, 樺太, 哈喇土, 瓦刺弗吐島, 哈刺普杜. В 1809 г. остров стал именоваться «*Кита Эдзо*» 北蝦夷, что в переводе означает Северное Эдзо. Это имя ему присвоило бакуфу Токугава. Примерно в то же время остров стали часто называть «*Оку Эдзо* 奥蝦夷, т.е. отдаленное Эдзо...» [Климов А. 2010а, с. 28], однако это название относилось не к одному острову, а к целому району, в состав которого мог входить Сахалин.

При написании названия раздела «Карафуто то:» カラフト島 (остров Сахалин) авторы каталога придерживаются нейтрального варианта написания топонима — японской слоговой азбукой *катакана*. Они сразу отмечают, что представленные источники непосредственно связаны с материалами из других разделов, а именно: с географией, путевыми заметками, историей и отношениями с Россией. Последний аспект можно было перенести в самое начало, ибо именно по истории исследования Сахалина можно проследить историю развития российско-японских отношений. В данной связи письменные источники в разделе «остров Сахалин», можно условно разделить на четыре периода: первый период — охватывает время до первых экспедиций на Сахалин (до 1785 г.); второй — 1785—1791 гг. — период начала исследования Сахалина, когда правительство *бакуфу* проявляет интерес к данному острову; третий период — 1792—1801 гг. — когда *бакуфу* начинает проявлять беспокойство активностью России на северных территориях; и четвертый период — с 1802 по 1820-е гг., когда оно начинает принимать меры по укреплению острова, берет его южную часть под свой непосредственный контроль, а в 1820-е гг. отдает узды управления этой территорией обратно клану Мацумаэ.

Первый период: до 1785 г.

С первой половины XVIII в. в Японии начало усиливаться внимание к Сахалину, появляются первые записи и совершаются плавания к его берегам. Однако, они не носили официального характера и не сопровождались официальными отчетами. В период до 1785 г. в данном каталоге упоминается два письменных источника, которые представляют собой «записи» общего характера и содержат сведения «о плаваниях».

Так, в 1763 г. появился анонимный труд, посвященный описанию берегов Сахалина — «Карафутто: хё:рю:ки» (唐太島漂流記, «Записи о Карафутто»). Хоть автор источника и не указывается, но из его содержания становится понятно, что записи были сделаны капитаном корабля по имени Токугоро: (徳五郎).

Далее, указывается источник, точная дата появления на свет которого неизвестна, лишь упоминается, что он был создан после 1775 г. — «Яэнкоро айну мондзё» (ヤエンコロアイヌ文書, «Записи айну Яэнкоро»). Данные свитки также известны под названием «Карафутто Наёро со: отона бунсё» (カラフトナヨロ惣乙名文書, «Записи старейшины селения Наёро на Карафутто»). Он представляет собой сборник из семнадцати писем. Два письма на маньчжурском языке, датированные 1781 г., были переданы в дом айнского старейшины Наёро, который располагался на западном побережье Сахалина. Два письма от 1783 г., написанных на *камбуне*¹, являются ценным источником, свидетельствующим о связи айнов с империей Цин (1636—1912). Данные письма являются доказательством того, что айны платили дань Цинскому Китаю. В это же собрание входят тринадцать писем от представителей военного правительства *бакуфу*: письма воинов из Мацумаэ и Аидзу, а также указы, которые получили старейшина селения по имени Ситокурэран и его сын Кантёмантэ в период *бакумацу* (1853—1869) от наместника в Хакодате — *Хакодате бугё: сё* (函館奉行所).

Специфика исторических материалов конца XVIII в. заключается в том, что они представляют собой записи общего содержания, без указания автора. Название острова записывается иероглифами 唐太島 (Карафутто), в чем прослеживается связь с Танским Китаем. Иероглиф 唐 (то:, кара) в переводе с японского языка имеет два значения: Китай династии Тан и чужестранный, что в данном контексте имеет отсылку в первую очередь к Китаю. Действительно, большая часть документов данного периода представляет собой письма на маньчжурском языке, в которых упоминаются торговля между сахалинскими айнами и Китаем. Россия в документах данного периода не упоминается.

Второй период: 1785—1791 гг.

В конце XVIII в. правительство *бакуфу* проявляет интерес к Сахалину и организовывает первые экспедиции к его берегам, которые сопровождались отчетами с подробной информацией относительно географических особенностей местности, а также о торговле, которая там велась местным населением.

В период с 1786 по 1791 г. в каталоге насчитывается восемь источников, ключевыми словами которых являются: «отчет о географии Карафутто», «рыболовные конторы (места *басё*)», «сторожевые посты», «торговля между айнами и народом Сантан».

Сторожевые посты на Сахалине² строились в это время кланом Мацумаэ. Они же занимались и освоением острова, однако, переселенцев было крайне мало и процесс шел очень медленно [Етоги 2008, р. 306]. Военное же правительство *бакуфу* было

¹ 漢文 — *камбун* — один из письменных языков средневековой Японии, основанный на классическом литературном китайском языке.

² На юге — в Сирануси シラスシ и Кусюнкотан クシュンコタン, а также на восточном побережье — в Тоннай トンナイ.

обеспокоено слухами о том, что Россия продвигается по Курильским островам. Оно было заинтересовано в получении достоверной информации о северных землях, таких как Эдзо (Хоккайдо), Тисима (Курилах) и Карафутто (Сахалин), в связи с чем, в 1785—1786 гг. была организована первая правительственная экспедиция.

Среди участников данной экспедиции были известный Могами Токунай (最上徳内, 1755—1836) и Ооиси Иппэй (大石逸平, ? — ?). В 1785 г. члены экспедиции разделились на две группы. Одна, в составе которой был Могами Токунай, отправилась исследовать восточные земли Эдзо и им удалось достичь южных островов Курильской гряды: Уруп и Итуруп. Вторая, в число которых входил Ооиси Иппэй, была командирована в западные земли Эдзо.

Результатами данной экспедиции Ооиси Иппэй делится на страницах своей рукописи «Карафуттоки» (哈喇土記, «Записи о Карафутто», 1786). Данный источник представляет собой компиляцию информации из двух источников «Эдзо сю:и» (蝦夷拾遺, «Записи о Эдзо») и «Сантан дзин-но сэцу» (山丹人之説, «Сказания людей Сантан»). Представляется интересным то, как записано название острова Карафутто — 哈喇土, которое на русский язык может быть переведено как «земля, на которой отрубают головы» или «земля, на которой убивают».

До появления следующего источника в 1790 г. следует четырехлетний перерыв, что можно объяснить сменой политических сил в правительстве Японии. Дело в том, что в 1786 г. пост главы правительства перешел от Танума Окицугу (田沼意次, 1719—1788), который являлся одним из инициаторов упомянутой экспедиции, к Мацудайра Саданобу (松平定信, 1787—1793). Последний отказался от каких-либо проектов относительно айских земель. Однако восстание айнов годов девиза правления Кансэй¹ в 1789 г. заставило его обратить свое внимание на эти земли, ибо японцы предполагали, что данное восстание произошло из-за сближения айнов с русскими [Щепкин 2014, с. 194].

В 1790 г. Такахаси Хиромицу (Сэйдзаэмон) (高橋寛光 (清左衛門), ? — ?) — воин клана Мацумаэ, который был отправлен на Сахалин для развития рыболовных и торговых мест *басё*, составляет документ под названием «Карафутто: дзакки» (瓦刺弗吐島雜記, «Различные записи о Карафутто»). В данном каталоге числится два варианта этого источника: один хранится в библиотеке кабинета министров и состоит из 25 рукописных страниц, а второй находится в частной коллекции книг Ооцука Кадзуёси г. Тоёнака и состоит из 18 листов. На страницах рукописи можно найти важную информацию относительно географии Сахалина и земель Сантан; подробное описание людей Сантан; иллюстрации и карты. Примечательно, что в приложении к данному источнику приводится карта Сахалина, составленная автором, где он ошибочно изображает его в виде вытянутого с запад на восток острова.

В этом же 1790 г. на свет появляется еще один источник, посвященный Сахалину: «Карафутто то: мэйсайгаки» (唐太嶋明細書, «Подробные записи об острове Карафутто»), автором которого является Китамура Дэнго (北村伝吾, ? — ?). На странице рукописи содержится описание различных частей Сахалина, направления ветра, благоприятствующего для пересечения моря; особенностей и размеров каждого района; информация о товарах, количестве домов и переписи населения. Это геодезический

¹ По-японски: *Кансэй-но ран* 寛政の乱 — смута годов Кансэй.

документ, относящийся ко времени основания первых рыболовных контор *басё* клана Мацумаэ на Сахалине, с указанием мест, где находились сторожевые посты. К рукописи прилагается документ «Карафуту-то: тимэйсан» (哈刺普杜島地名纂, «Список географических названий острова Карафуту»).

Следует отдельно упомянуть отчеты и записи, автором которых является Мацумаэ Хэйкаку (松前平角, ? — ?): «Эдзо Карафуту то: но ки» (蝦夷唐太嶋之記, «Записи об Эдзо и о. Карафуту», два варианта 1791 г.), «Эдзо Карафуту то: но ки. Сантан Мансю: надо но ки» (蝦夷唐太嶋之記・山艸満州等之記, «Записи об острове Эдзо и Карафуту. Записи о Сантан, Манчжурии и пр.», 1791) и «Карафуту то: кэмбунсё» (唐太嶋見聞書, «Записи об увиденном и услышанном об острове Карафуту», 1791). Оригиналы рукописей хранятся в национальном архиве Хоккайдо.

Интересно отметить, что в 1789 г. Мацумаэ Хэйкаку был участником подавления восстания айнов Кунашира и Мэнаси, а в 1791 г. был отправлен на Сахалин. В вышеперечисленных рукописях представлены его отчеты о поездке: информация о географических особенностях восточного и западного побережья острова; о торговле между айнами и народом Сантан, которые приплывали на этот остров; о встрече с русскими, попавшими сюда и т.д. В приложении представлен сборник материалов, составителями которого являются вассалы клана Мацумаэ: Аояма Соноэмон (青山園右衛門), Такахаси Со:дзиро: (Такэдзиро:) (Хиромицу) 高橋壯次郎 (寛光) и Судзуки Кумадзо: (鈴木熊蔵, ? — ?).

Основной особенностью документов данного периода состоит в том, что они представляют собой отчеты с обширной информацией относительно Сахалина. Даются детальные географические описания местности, сопровождающиеся подробными картами с указаниями названий поселений. Этот факт объясняется тем, что данные отчеты в своем большинстве были написаны участниками экспедиций на Сахалин, а также воинами, которые были направлены на остров для развития рыболовных и торговых мест *басё*. Название острова Карафуту записывается иероглифами 哈喇土, 瓦刺弗吐島, 唐太嶋. Интересен перевод данных названий. Так, как было указано выше, сочетание иероглифов 哈喇土 на русский язык может быть переведено как «земля, на которой отрубают головы» или «земля, на которой убивают». В названии 瓦刺弗吐島 обращают на себя внимание иероглифы 瓦刺, которые переводятся как «ойраты»¹. Один из вариантов перевода названия: «Остров не изгнанных ойратов». Далее следует ранее упомянутое иероглифическое сочетание 唐太. Среди документов имеются упоминания о Маньчжурии. Впервые упоминается Россия в качестве соперника на Северных территориях, как сила, угрожающая Японии и являющаяся одной из причин айнских восстаний против японцев. Исходя из отчетов, направленных в японское правительство, начинает формироваться образ России как страны, представляющей угрозу Японии на севере.

Третий период: 1792—1801 г.

Источники начала XIX в. представляют собой официальные отчеты центральному правительству Японии, а также записи воинов, которые «по приказу бакуфу были от-

¹ Близкородственных монгольские народности, которые воевали с Цинским Китаем.

правлены исследовать Карафуто». Это не удивительно, ибо приезд миссии Адама Лаксмана в 1792 г., заставил правительство Японии обратить свое внимание в том числе и на Сахалин. Именно тогда, в 1792 г., на Сахалин был отправлен экспедиционный отряд, в состав которого входил Могами Токунай (最上徳内, 1755—1836). В ходе экспедиции ему удалось составить подробную карту западного побережья Сахалина.

Семь лет спустя, в 1799 г. *бакуфу* берет восточные земли Эдзо и южную часть островов Тисима (Курилы), которые до этого находились под управлением клана Мацумаэ, под свой непосредственный контроль. Именно по этой причине в источниках фигурируют слова «официальный отчет» и «по приказу правительства *бакуфу*».

В период с 1792 по 1801 г. в каталоге фигурируют пять источников. Все они датируются 1801 г., а их автором является Накамура Коитиро (中村公市郎, 1757 (?) — 1811). Он состоял на должности мелкого чиновника (яп. *фусин-яку* 普請役) в финансово-казначейском ведомстве. В его обязанности входило следить за ирригацией, водоотводом, строить мосты, дороги и прочие объекты [Климов В. 2022, с. 131]. В 1801 г. по приказу правительства Японии он вместе с Такахаси Дзидаю: (高橋次太夫, ? — ?), был отправлен на Сахалин, с целью его тщательного исследования. Отметим, что Такахаси Дзидаю: занимал должность надсмотрщика сыскного ведомства¹ (яп. *окобито мэцукэ дэяку* 御小人目付出役²) в восточных землях Эдзо и является автором приложений к данным источникам [Климов В. 2021, с. 175].

Среди рукописей, относящихся к 1801 г. числятся: «Карафуто то: дзюнси» (唐太島巡視, «Патрулирование острова Карафуто», 1801), «Карафуто то: кэмбун цукамацури со:ро: омомуки сани мо:сиагэтатэ мацури со:ро:» (唐太島見分仕候趣左二奉申上候, «Осмотр острова Карафуто и отчет о проведенной работе», 1801), «Кё:ва синью: Карафуто дзидзё:» (享和辛酉唐太事状, Состояние дел на Карафуто в год Синью: девиза правления Кё:ва, 1801) (этот документ в двух вариантах), «Карамацу но нэ» (唐松³の根, «Корень Карамацу», 1801).

Рукопись «Карафуто то: дзюнси» (唐太島巡視, «Патрулирование острова Карафуто», 1801) хранится в библиотеке университета Хоккайдо, и представляет собой отчет Такахаси Дзидаю и Накамура Коитиро. Интересно, что слово «патрулирование» появилось позже, изначально отчет назывался «Карафуто то: кэнбун цукамацури со:ро: омомуки са-ни мо:сиагэтатэ мацури со:ро:» (唐太島見分仕候趣左二奉申上候, «Инспекция острова Карафуто и отчет о проведенной работе»)⁴. Оригинал рукописи хранится в национальном архиве Хоккайдо и является частью рукописи

¹ Позднеев Д.М. должность *о-мэцукэ* переводит как инспектор.

² Это одно из названий должности в административном аппарате сёгуната периода Эдо. Обычно *мэцукэ* контролировали выполнение официальных обязанностей различными чиновниками, а в случае инцидента выезжали на место происшествия и были свидетелями пыток, казней и т. д. Они также иногда расследовали работу различных кланов в качестве секретного агента (наблюдателя за даймё).

³ 唐松 — *карамацу* — дословно: лиственница Кемпфера. Однако есть вероятность того, что автор в этом слове зашифровал два слова: «Кара» 唐 от Карафуто 唐太 — японского названия о. Сахалин и «Мацу» 松 — от названия княжества Мацумаэ 松前.

⁴ Опубликован в 5 томе «Новой истории Хоккайдо» (新撰北海道史, Синсэн хоккайдо: си), в первой части исторических материалов. Седьмой свиток, девятая часть «Приложение к Записям о Светоносном правлении [землями варваров] добродетельного Государя» (休明光記附録, Кю:мэй ко:ки фуоку).

«Эдзо со:ги» (蝦夷奏議, «Отчеты правительству о Эдзо»), что подчеркивает важность данного документа.

Далее следует источник «Кё:ва синью: Карафуто дзидзё:» (享和辛酉唐太事状, «Состояние дел на Карафуте в год Синью:¹ девиза правления Кё:ва»², 1801) с подзаголовком: «Карафуте нараби Сантан дзин-но ги аитадзунэ мо:си со:ро: какитомэ» (唐太嶋並山丹人之儀相尋申候書留, «Официальный отчет об острове Карафуте и информация, полученная от людей Сантан»). Данный отчет составлен на основе информации, полученной от охранников рыболовецкого места *басё* по имени Таро:кити (太郎吉) и Уэмон (卯右衛門), которые оставались на зимовку на Сахалине до 1801 г. В нем содержится информация, полученная от ороков, проживающих на Сахалине, а также ульчей³, которые приезжали сюда с материка. Также имеются записи об айнах и маньчжурских чиновниках с земель Сантан.

В августе 1801 г. Накамура Коитиро пишет рукопись «Карамцу-но нэ» (唐松の根, «Корень Карамцу»), которая хранится в Библиотеке Осацкого университета. Отличие этого источника от вышеупомянутого состоит в том, что помимо отчета, схожего по содержанию с предыдущим, здесь представлены несколько уникальных карт северного Сахалина и Нижнего Приамурья. Эта рукопись также известна под названием — «Карафуте дзакки» (唐太雜記, «Разные записи о Карафуте»)⁴.

Исторические материалы данного периода представляют собой официальные отчеты чиновников и воинов, которые были направлены бакуфу для исследования Сахалина. Происходит унификация иероглифического написания названия острова, которое во всех источниках теперь записывается как 唐太 (Карафуте). Правительство берет восточные земли Эдзо и южную часть Курильских островов под свой контроль и собирает подробную информацию относительно данного региона. В источниках появляются уникальные карты северного Сахалина и Нижнего Приамурья, а также имеется подробная информация относительно айнов и маньчжурских чиновников с земель Сантан. Что касается информации о России, то становится ясно, что после приезда Адама Лаксмана японское правительство обращает особое внимание на Сахалин. Меняется и тон указов бакуфу: если до 1792 г. предписывалось только исследовать остров, то на данном этапе уже приказывается осуществлять патрулирование и инспекцию данной территории.

Четвертый период: с 1802 по 1820-е гг.

В начале XIX в. активность со стороны Российской империи на северных территориях вызвала сильное беспокойство и серьезные опасения в правительстве Япо-

¹ Год Синью: (острой курицы). Эра была изменена 5 февраля 1801 года (13 год Кансэй). Смена эпохи была осуществлена потому, что 1801 год был годом Синью, годом, когда сменилась династия.

² Опубликовано в 5 томе «Новой истории Хоккайдо» (新撰北海道史, Синсэн хоккайдо си) в первой части исторических материалов. Седьмой свиток, седьмая часть (休明光記附録, «Кю:мэй ко:ки фуруку»). Оригинал рукописи хранится в библиотеке кабинета министров (内閣文庫, *Найкаку бунко*) Материалы в приложении: Такахаси Дзидаю: 高橋次太夫. В каталоге указано два текста рукописи. Второй с таким же названием хранится в библиотеке Токийского университета.

³ В источниках также упоминаются, как «люди сантан».

⁴ Опубликовано в сборнике материалов Сайсэнкай Сирё: (犀川会資料) №21 (Разные записи о Карафуте «Карафуте дзакки» 唐太雜記).

нии. Это отражается и в резком увеличении количества письменных источников (33), ключевыми словами которых становятся: «обеспечение безопасности Карафутто», «отправка войск» и «оборона Карафутто».

Правительство *бакуфу*, в попытке усиления своего присутствия в северных пределах страны, во 2 луну 1802 г. (2-й год девиза правления Кёва 享和二年) основывает новую должность в структуре военного правительства — «наместник в землях айнов» (Эдзо бугё: 蝦夷奉行), а спустя всего три месяца, в 5-ю луну того же года переименовывает в должность наместника в Хакодате (Хакодате бугё: 函館奉行) [Климов В. 2021, с. 175].

Через два года в 1804 г. в Японию, в Нагасаки, прибывает миссия Н.П. Резанова, целью которой было установление торговых отношений, но в 1805 г. получает отказ от Японского правительства. В 1806 г., в попытке защитить страну от дальнейшего вмешательства извне, *бакуфу* издает закон, по которому иностранные корабли у берегов Японии могли рассчитывать только лишь на питьевую воду и топливо¹.

Однако в тот же 1806 год Н.А. Хвостов совершает первую экспедицию на Сахалин, после чего в 1807 г. отправляется уже совместно с мичманом Давыдовым во вторую экспедицию не только на Сахалин, но и на Курильские острова. Он передает письмо с требованиями открыть торговлю на Курилах и Сахалине, и предоставить ответ о своем решении весной следующего 1808 г. В случае же отказа японской стороны в торговле, он грозил продолжать чинить беспорядки [Roshia Ibun].

На фоне подобных событий на свет появляется письменный источник «Карафутто Эдзоти нарабини Сантан кокудзики» (唐太蝦夷地並ニ山丹国事記, «Записи о Карафутто, Эдзоти, а также стране Сантан»)², который датируется 1807 г. Автором данной рукописи является Одасима Имбу (小田嶋允武, ? — ?) — географ периода Эдо, в первую очередь известный своим трудом «Этиго я си» (越後野誌, «Топография Этиго», 1815 г.), которая состоит из 120 томов. Именно ему было поручено собрать информацию по Сахалину. На титульной странице источника указан подзаголовок: «Эдзо Карафутто Сантан дзуймонки» (蝦夷唐太山丹随聞記, «Записи услышанного об Эдзо, Карафутто и Сантан»). Данные записи были сделаны на основе рассказов художника Акаяма, который в 1801 г. (享和元年, 1-й год правления Кёва) сопровождал Такахаси Дзидо, отправленного по приказу *бакуфу* исследовать Сахалин. Имеются изображения посуды страны Сантан, доспехов жителей Сахалина, катаний на собачьих упряжках, музыкального инструмента тонкори³. Несмотря на то, что поездка на Сахалин состоялась в 1801 г., записи об этом были сделаны лишь 1807 г., спустя целых шесть лет, как раз после экспедиций российских офицеров на Сахалин и Курильские острова.

Экспедиции Хвостова и Давыдова, несомненно, вызвали опасения среди правительства *бакуфу*. В 3-ю луну 1807 г. (4 г. девиза правления Бунка) оно, из соображе-

¹文化の薪水給与令 — Бунка-но Синсуи Кюё рей, также известный как Постановление Бунка-но Будзюцу рэй 文化の撫恤令, позволяющий иностранным судам получать питьевую воду и топливо.

² Оригинал данного письменного источника хранится в библиотеке города Ниигата и входит в книжную серию Коидзуми Со:кэн (小泉蒼軒叢書).

³ Тонкори — トンコリ — щипковый струнный инструмент, на котором играют айны с Хоккайдо, северной Японии и Сахалина. Обычно у него пять струн, которые не останавливаются и не нажимаются, а просто играют «открыто». Считается, что прибор был разработан на Сахалине.

ний безопасности, перенесло резиденцию наместников из Хакодате в Мацумаэ, и они стали именоваться наместниками Мацумаэ — Мацумаэ *бугё*: [Климов В., 2021, с. 175]. Все земли Эдзо, до этого находившиеся в ведомстве клана Мацумаэ, а именно: Хоккайдо, о. Кунашир, о. Итуруп и южная часть Сахалина — перешли под прямое управление центрального правительства Японии [Emori 2008, p. 306].

В связи с данными событиями, с 1808 г. наблюдается резкий рост количества источников, в которых имеются упоминания о Сахалине. Среди документов, датированных 1808—1820 гг. числятся 33 источника. В основном это отчеты, военные дневники *гунки* (軍記), записи воинов, которые были отправлены на остров с целью охраны и обороны территории (острова Эдзо), а также большое количество источников, автором которых является Мамия Риндзо: (間宮林蔵, 1780—1844).

Серию этих источников открывает рукопись «Мацумаэ Карафутто сё хикаэ» (松前唐太諸控, «Отчеты Мацумаэ о Сахалине»), автором которой является Канэко Кацутака (金子勝高, ? — ?). Она представляет собой записи воина клана Аидзу, который был отправлен на Кусюнкотан для обеспечения безопасности Сахалина в апреле 1808 г. (5-й год девиза правления Бунка). Помимо записей о пребывании, там имеется список должностных лиц администрации Мацумаэ и клана Аидзу на каждом участке в землях Эдзо.

Далее в июле 1808 г. на свет появляются девять рукописей под общим названием «Эдзо Карафутто Хокусэй дзю:гунки» (蝦夷唐太北征従軍記, «Записи о северных военных экспедициях на Эдзо и Карафутто»), автором которого является Хиратэ Хидэкацу (平手秀勝, ? — ?). Он по приказу правительства бакуфу был направлен в княжество Аидзу, где с 4-ю по 7-ю луну 5 года девиза правления Бунка (1808 г.) участвовал в отправке войск на Сахалин. Данные рукописи представляют собой военные дневники, на страницах которых имеются иллюстрации айских жилищ, рыбной ловли и ритуала Омуся.

К этому же 1808 г. относится ксилограф на 45 страницах «Сю:хокуроку (Итимэй Карафутто никки)» (終北録 (一名戌唐太日記), «Записи о Севере (Другое название: Дневниковые записи о Карафутто)»). Это записи одного из воинов княжества Аидзу по имени Такацу Ясуси (Хэйсукэ) (高津泰 (平甫)). В 1808 г. после нападения русских кораблей на северные районы он, по приказу правительства *бакуфу*, был направлен на Сахалин охранять земли Эдзо.

Одновременно с этими источниками, в 1808 г. появляется рукопись «Аидзухан Карафутто кэйэй нисси» (会津藩唐太警衛日誌, «Дневник об обороне Карафутто княжеством Аидзу»). Эта рукопись представляет собой дневниковые записи воина из княжества Аидзу, которого в 5 году девиза правления Бунка (1808 г.) также отправили на Сахалин для обороны. На страницах данного источника можно почерпнуть не только информацию о жизни гарнизона на Карафутто, но и описания обычаев айнов. В конце приводится список слов на айском языке.

Далее, на свет появляется источник «Карафутто тотти-но ё:су Арай Хэйбээ э отадзунэ мо:си со:ро: обоэ» (唐太土地之様子荒井平兵衛江御尋申候覚, «Сведения о допросе Арай Хэйбээ о состоянии земель Карафутто», 1-я луна 6 го г. Бунка (1809 г.)), автором которого является Касахара Хатиروبээ (Томомаса) (笠原八郎兵衛 (皆当)). По приказу правительства *бакуфу* княжество Аидзу передало оборону Сахалина княжеству Цугару. В связи с этим, воин княжества Цугару по имени Касахара Хатиروبээ

отправил запрос на имя Араи Хэйбээ (荒井平兵衛, 1770—1830) — чиновника правительства *бакуфу*, с просьбой предоставить информацию относительно общей ситуации на Сахалине, жилья и товаров первой необходимости. Здесь также имеется письменное уведомление на имя ответственного в Мацумаэ княжества Цугару.

В 1808 г. *бакуфу* отправляет экспедицию на Сахалин с участием младшего чиновника по делам северных территорий Мамия Риндзо: (間宮林蔵, 1780—1844), и картографа Мацуда Дэндзю:ро: (松田伝十郎, 1769—1843), во время которой были исследованы западное и восточное побережья Сахалина. По результатам данной экспедиции в 6 луну 1808 г. был составлен отчет: «Мацуда Дэндзю:ро: Мамия Риндзо: рё:нин Карафуто кэмбун мо:сиагэсё» (松田伝十郎間宮林蔵兩人カラフト見分申上書, «Отчет Мацуда Дэндзюро и Мамия Риндзо: об осмотре Карафуто»), в котором указывается информация относительно отдаленных районов Сахалина, которую они узнали от ульчей¹. Обращает на себя внимание и то, что название острова «Карафуто» в данном отчете написан катаканой, а не иероглификой, как прежде. Это можно объяснить тем, что Мамия Риндзо: и Мацуда Дэндзю:ро: фиксировали все айнские названия слоговой азбукой *катакана*, а «Карафуто», как уже упоминалось раньше, происходит от айнского языка. Однако сам факт отхода от написания названия иероглифами 唐太, один из которых 唐 обозначает название правившей в Китае Танской династии — представляется интересным.

В 1809 г., основываясь на исследованиях Мамия и Мацуда, астроном бакуфу Такахаси Кагэясу (高橋景保, 1785—1829) пишет сочинение «Хокуи ко:сё:» (北夷考證, «Исследование северных варваров»). В данном источнике содержатся географические описания Сахалина, основанные на восточной и западной литературе. Основной акцент делается на исследованиях Мацуда Дэндзю:ро: и Мамия Риндзо:, которые они провели в 1808 г. Подробно исследуя «Сагарин» на зарубежных картах и «Карафуто» на отечественных, Такахаси Кагэясу высказывает предположение о том, что Карафуто является островом. Помимо карт Карафуто, которые были сделаны в Китае и Европе, имеются наброски и исправления, которые были сделаны рукой Мамия Риндзо:².

Тем временем, не удовлетворившись результатами экспедиции 1808 г., Мамия Риндзо: просит дозволения продолжить начатые и еще не до конца законченные исследования. В 1809 г. он повторно побывал на Сахалине и смог добраться до Дэрэна — китайского административного поста³, который располагался в Низовьях Амура. Из экспедиции Мамия Риндзо: вернулся в конце 9 луны 6 года Бунка (в ноябре 1809 г.). Интересно, что буквально за три месяца до его возвращения, в 6 луну 6 г. Бунка (1809 г.) по указу правительства бакуфу, «Карафуто» был переименован в «Кита Эдзоти» (北蝦夷地, «Северные земли Эдзо») [Hokuidan 1969, p. 306]. Таким образом, Эдзоти — земли Эдзо, которые до этого позиционировались как «внешние районы» *иики* (異域⁴), теперь стали «внутренними районами страны» *кокунай* (内国).

¹ Жителей Сантан.

² В каталоге еще два варианта этого источника под номерами 2515 и 2516. Все рукописи хранятся в библиотеке университета Хоккайдо. Однако в первой — 24 листа, во второй — 39, в третьей — 19.

³ Сезонный пункт управления цинского Китая.

⁴ 異域 — *иики* — дословно «другая область», «чужая страна».

В результате, местное население (айны) этих территорий оказалось под контролем и юрисдикцией японского правительства, что привело к их постепенной японизации.

Именно по этой причине, во всех дальнейших отчетах, написанных Мамия Риндзо:, фигурирует название «Северные земли Эдзо» (北蝦夷地), а не «Карафутто», как прежде. Результаты повторной экспедиции Мамия изложены на страницах пятнадцати источников, что составляет практически половину исторических материалов данного периода (1809—1820-е гг.). Их можно разделить на две группы: одни посвящены исследованиям Сахалина, а вторые — результатам экспедиции к Низовьям Амура.

К историческим материалам, которые описывают результаты экспедиции на Сахалин относится восемь источников, среди которых выделяется рукопись в четырех томах: «Кита Эдзоти до:тё: ёроку» (北蝦夷地銅柱餘録, «Записи на медных столбах на Северных землях Эдзо»¹, 1810 г.). Она была написана под диктовку Мамия Риндзо: и содержит информацию о Сахалине. Имеются отдельные комментарии относительно названия острова Карафутто, его топографии и товаров, которые производились на острове. Представляется интересной информация относительно обычаев айнов, ороков² и нивхов³, которые он исследовал в 1808—1809 гг. Имеются множество цветных иллюстраций. На основе данной рукописи были созданы еще семь источников, которые представляют собой либо ее точную копию, либо выдержки из нее.

- «Кита Эдзо дзусэцу (Итимэй до:тё: ёроку)» (北蝦夷図説 (一名 銅柱餘録), «Иллюстрированное описание северного Эдзо» (Другое название: «Записи на медных столбах»)). В описании к данному источнику говорится о том, что это распространенная версия рукописи «Хокуи бункай ёва со:ко:» (北夷分界餘話草稿, «Черновик Повествования о северных границах»). Представляется интересным тот факт, что дата создания данного источника не указана, однако, имеется упоминание о том, что он был переписан в 1855 г. (2 г. Ансэй) — т.е. в год заключения Симодского трактата — первого договора между Россией и Японией, что, скорее всего, не является пустым совпадением.

- «Хокуи кико:» 北夷紀行 (Путеводные записи по Северу Эдзо) Подзаголовок: «Кита Эдзоти кико:» 北蝦夷地紀行 (Путеводные записи по Северным землям Эдзо)⁴.

- «Кита Эдзоти Мамия-си-но ки» 北蝦夷地間宮氏之記 (Записи Мамия о северных землях Эдзо). Дата создания рукописи не указана, но имеется упоминание о том, что данный источник был переписан в 1919 г. Содержание такое же, как и в «Кита Эдзоти до:тё: ёроку» (北蝦夷地銅柱餘録, «Записи на медных столбах на Северных землях Эдзо»).

¹ В каталоге есть отметка о том, что данные записи были сделаны Мураками Тэйсукэ (приемным сыном Мураками Симаномура), который занимал чиновнический пост в управлении Мацумаэ. На титульном листе имеется надпись: «До:тё: ёдан» 銅柱餘談 «Рассуждения относительно медных столбов История медного (главного) столпа».

² Яп. オロッコ — ороки (уйльта, уильта, ороконы) — самый малочисленный коренной народ, проживающий на острове Сахалин. Уйльта — это самоназвание народа на их родном языке: «олений народ».

³ Яп. スメレンクルスムэрэнкуру — нивх «человек» — малочисленный народ, проживающий на Дальнем Востоке России. Устаревшее название этого народа — гиляки.

⁴ Без введения и легенды. Содержание такое же, как и в «Кита Эдзоти до:тё: ёроку» (北蝦夷地銅柱餘録).

- «Кита Эдзоти синсэцу» (北蝦夷地新説, «Новые сведения о Северных землях Эдзо») находится на хранении в библиотеке университета Хоккайдо и представляет собой выдержки из «Кита Эдзоти до:тё: ёроку» (北蝦夷地銅柱余録, «Записи на медных столбах на Северных землях Эдзо»). Существует еще два варианта данного источника с идентичным содержанием: «Кита Эдзо сима синсэцу» (北蝦夷島新説, «Новые сведения об острове Северных земель Эдзо»). Отличие состоит в том, что в название этих двух источников добавлено слово «остров». Один источник хранится в библиотеке Токийского Университета, другой — в библиотеке кабинета министров (内閣文庫, найкаку бунко). Дата создания источников не указана. На страницах рукописей можно найти записи относительно товаров на Сахалине, обычаев и состоянии торговли на Сантан.

- В библиотеке университета Хоккайдо хранится копия рукописи «Хокуи бункэн року: тэн, ти, дзин» (北夷聞見録 天・地・人, «Хроники Северных земель Эдзо: небеса, земля и люди»). Отмечается, что содержание такое же, как и у «До:тё: ёроку», с двумя отличиями: здесь отсутствует легенда, но, при этом, имеется «Карта от Северных земель Эдзо до восточных земель Татарии» (從北蝦夷至東韃靼地図).

- Копия рукописи «Хокуи бункай ёва со:ко:» (北夷分界餘話草稿, «Черновик повествования о северных границах», 1811 г.), оригинал которой хранится в библиотеке префектуры Коти, состоит из четырех тетрадей (со второй по пятую). Она написана со слов Мамия Риндзо: и представляет собой отредактированную версию «До:тё: ёроку». Хотя в этой рукописи отсутствует первый том, она изобилует множеством искусных иллюстраций¹.

Сведения относительно результатов экспедиции Мамия Риндзо к Низовьям Амура легли в основу таких источников, как «Мамия Риндзо: манко: бундзусё» (間宮林蔵滿江分図書, «Записи Мамия Риндзо: о [реке] Манко», 1809 г.) и «То:дацу Кико:» (東韃紀行, «Поездка в Восточную Татарию, 1810) и прочие.

Источник «Мамия Риндзо: манко: бундзусё» (間宮林蔵滿江分図書, «Записи Мамия Риндзо: о [реке] Манко», 1809) представляет собой сложенную книгу, длина которой в разложенном состоянии составляет более семи метров. Фактически, это подробная карта береговой линии нижнего Амура, сделанная Мамия Риндзо: во время его путешествия в Дэрэн в Манчжурию в 1809 г. Второй вариант данного источника представляет собой рукопись в количестве 24 страниц — это копия, сделанная в 1938 г. с документа, который хранится в администрации префектуры Хоккайдо.

«То:дацу Кико:» (東韃紀行, «Поездка в Восточную Татарию», 1810) — это путевые заметки Мамия Риндзо:, на страницах которых описывается то, как в 1809 г. он отправился с материка на Сахалин, прибыл в представительство Маньчжурского правительства в Дэрэн и вернулся обратно через устье реки Амур. Содержит географические описания, а также информацию относительно фольклора Нижнего Приамурья, состояния торговли различных этносов в Дэрэне, сведения о маньчжурских чиновниках и прочую важную информацию. Также имеется множество иллюстраций.

В каталоге указаны еще три варианта данного источника.

---

¹ Печатная версия книги «Сборник материалов периода Кинсэй (раннего Нового времени)»: То:ё: бунко 484 (Хэйбонся).

• Одноименный «То:дацу Кико:» (東韃紀行, «Поездка в Восточную Татарию») — также хранится в библиотеке университета Хоккайдо. Здесь отсутствует легенда и оглавление, приложение неполное, но имеются превосходные иллюстрации.

• «То:дацу тихо: кико:» (東韃地方紀行, «Путевые заметки по району Восточной Татари»). Датирована 3 луной 8 года девиза правления Бунка (1811). Книга библиотеки кабинета министров¹.

• Кю:хацу китан (窮髮紀譚, «Удивительные записи о бесплодных далеких землях», 1812), записан со слов Мамия Риндзо: (Томомунэ) 間宮林蔵 (倫宗). Также имеется дополнительный том с материалами под редакцией Кога До:ан (古賀侗庵, 1788—1847) — конфуцианского чиновника, приближенного к правительству бакуфу, который выслушал рассказы Мамия Риндзо: о районе Восточной Татари и приказал своим ученикам зафиксировать все услышанное².

В исторических материалах 1810-х гг. все чаще начинает фигурировать упоминание о «северных границах». Эту риторику не нарушает и следующий источник: «Хэньё: бункай дзуко: кита Эдзоти мэйсэйго» (辺要分界図考北蝦夷地名正誤, «Иллюстрированные разыскания о территориях и границах. Правильные и неправильные названия Северных земель Эдзо»). Фактически, он представляет собой доработанный вариант рукописи Кондо: Дзю:дзо: (近藤重蔵 1771—1829) «Хэньё: бункай дзуко:» (辺要分界図考, «Иллюстрированные разыскания о территориях и границах»), которая была написана в 1804 г. Автором доработанной рукописи является кангакуся³ по имени Коидзуми Со:кэн (小泉蒼軒, 1797—1873) из провинции Этиго. Интересно отметить тот факт, что в названии доработанной версии вместо Карафутто значится топоним, укрепившийся в то время: «Кита Эдзоти» — «Северные земли Эдзо». Дата создания источника не указана, но в хронологической последовательности он стоит после материалов, которые датируются 1810-ми гг. Этими же годами датируется и источник, автором которых также является Кондо Дзюдзо: «Эдзо фу:дзоку дзу» (蝦夷風俗図, «Иллюстрации обычаев Эдзо»). Семь страниц рукописи содержат иллюстрации обычаев ороков на Сахалине, изображения яматанцев, русского человека по имени Иванов и оленей.

В 1810-х гг. намечается интересная тенденция обращения к источникам более раннего периода и к их переизданию. Это не удивительно, особенно если учитывать тот факт, что в 1811—1813 происходит инцидент с В.М. Головниным (1776—1831), во время которого отношения России и Японии накаляются, а вопрос о границах между государствами встает с новой силой.

К источникам начала XIX в. также относится рукописи «Карафутто ханаси» (唐太はなし, «Рассказы о Карафутто») и «Карафутто банаси» (唐太話, «Рассказы о Карафутто»), автором которых является Михо Кайко: (Кидзаэмон) (三保海幸 (喜左衛門), ? — ?). Отмечается, что они были созданы в 1842 г., однако, содержание этих источников относится к более раннему времени, а именно к 1804—1818 гг. — периоду де-

¹ «Найкаку бунко» 内閣文庫. Возможно, рукописная книга Мураками Тэйсукэ. Отредактированный вариант «То:дацу кико:».

² Отмечается, что в коллекции имеется только источник, опубликованный издательством То:ё: бунко (東洋文庫), а сама рукопись отсутствует.

³ 漢学者 — кангакуся — китайский ученый, исследователь или знаток Китая.

виза правления годов Бунка. Этот факт объясняет и иероглифическое написание «Ка-рафуто» — 唐太, свойственное более раннему периоду. Рукопись содержит ценные топографические данные, информацию относительно обычаев местного населения, имеющих там товаров и описывает ситуацию в сфере безопасности в княжестве Аидзу. Помимо этого, рукопись изобилует иллюстрациями.

В 1813 г. на свет появляется труд Ёкоока Мокудаю: (横岡奎太夫, ? — ?) под названием «Синобу гуса» (忍ぶ草, «Семена душераздирающих мыслей»)¹. Это записи воина клана Цугару, которого отправили охранять Сахалин. На страницах данного источника помимо слов песни «Эдзо-но сима» (夷嶋, остров Эдзо), в которой содержится важная информация относительно географических названий местности Сахалина, также имеются 11 ценных еще не опубликованных зарисовок, иллюстрирующих отправку войск для обороны Сахалина.

Подробное описание Сахалина и Курильских островов можно найти в труде Мацуда Дэндзю:ро: (松田伝十郎, 1769—1843) «Хокуидан» (北夷談, «Рассказы о северных варварах»). Это дневник Мацуда Дэндзю:ро:, который занимал должность *эдзоти торисимэ го-ё:сакари* (蝦夷地取締御用係 исполняющего обязанности чиновника военного правительства по контролю за землями варваров) и принимал активное участие в управлении Хоккайдо и Сахалином в период 1799 г. по 1821 г. Содержит множество ценных записей относительно перечисленных территорий, а также иллюстраций и карт этих регионов. В каталоге указывается два текста данного источника. Один хранится в отделе рукописей библиотеки кабинета министров и представляет собой книгу из пяти томов в переплете, в которую входят семь рукописных тетрадей «рассказов». Датируется этот вариант источника началом девиза правления Бунсэй (1818—1831). Второй текст хранится в библиотеке университета Хоккайдо. Указывается, что он содержит пять тетрадей Мацуда Дэндзю:ро: и представляет собой рукописную копию материалов, хранящихся в администрации префектуры Хоккайдо, которая была сделана на линованной бумаге «Императорского университета Хоккайдо».

На страницах данного источника Мацуда Дэндзю:ро: пишет, что «вечером 15-го дня 1-й луны 5-года Бунсэй (6 февраля 1822 г.) пришло официальное сообщение, что все земли айнов по приказу сёгуна вернули под управление клана Мацумаэ, было дано указание, что торговля с аборигенами продолжится по прежде установленным правилам». Мацуда получил новое назначение с повышением в столице 27-го дня 11-й луны 5-года Бунсэй (8 января 1823 г.) [Климов А. 2010b, с. 279].

Действительно, в 1822 г. прямое управление землями клана Мацумаэ и прилегающих земель Эдзо было отменено, и земли Эдзо были вновь переданы под контроль клану Мацумаэ. В связи с этим, в этом же году появляется рукопись на 39 листах под названием «Кита Эдзоти хикиватаси мокуроку (Сирануси цукэ)» (北蝦夷地引渡目録 (白主附), «Список передачи Северных земель Эдзо (Сирануси)», 1822). Данный источник представляет собой каталог передачи земель Северного Эдзо, который был составлен губернаторским управлением Мацумаэ *бугё:сё* для княжества Мацумаэ в 5 году девиза правления Бунсэй (1822 г.). Он состоит из восьми книг, среди которых присутствуют такие документы, как «Требования», «Процедурный кодекс торговли с людьми с Сантан», «Опись населения Эдзо в год Змеи».

¹ Также есть значение «незабудка».

Источники данного периода представляют собой официальные отчеты японскому правительству, военные дневники гунки 軍記, записи воинов, которые были отправлены на остров с целью охраны и обороны территории, а также отчеты об экспедиции на Сахалин Мамия Риндзо: и Мацуда Дэндзю:ро:. Название острова Сахалин в 1807—1808 гг. записывалось, как и прежде иероглифическим сочетанием 唐太, в 1808 г. в отчете об экспедиции Мамия Риндзо: и Мацуда Дэндзю:ро: используется написание слоговой азбукой катакана カラフト (Карафуту). В 1809 г., по указу правительства бакуфу, «Карафуту» был переименован в «Кита Эдзоти» (北蝦夷地 — Северные земли Эдзо), в состав которых входили Хоккайдо, о. Кунашир, о. Итуруп и южная часть Сахалина. Данные земли перешли под прямое управление центрального правительства Японии и стали рассматриваться уже как часть территории Японии. Принятие данного решения было спровоцировано большим количеством отчетов относительно угрозы со стороны России, особенно после экспедиции Хвостова и Давыдова на Сахалин и Курильские острова в 1806—1807 гг. На страницах исторических источников данного периода делается акцент на обеспечение безопасности Сахалина, для обороны которого были направлены войска. Более того, впервые делается упоминание о северных границах страны.

Заключение

Анализ источников данного каталога, посвященных о. Сахалин показал, что до 1785 г. информация об острове была достаточно скудной. Правительство Японии еще предполагало, что данная территория находится под управлением Китая, в связи с чем и название острова записывалось с отсылкой к Танскому Китаю. После 1785 г. отправляются первые экспедиции и составляются подробные карты. Появляются новые варианты написания названия острова. Теперь это не просто земля Китая, это место, где отрубают головы, территория не выгнанных ойратов и т.д. Начинается формирование образа России как страны, представляющей угрозу с Севера и подготавливающих айнов к восстаниям против японцев.

В 1799 г. бакуфу берет под контроль восточные земли Эдзо и южную часть островов Тисима (Курилы), которые до этого находились под управлением клана Мацумаэ, под свой непосредственный контроль. В официальных отчетах правительству все чаще упоминаются проблемы обороны территорий и северных границ. Сахалин стал объектом географических и геодезических исследований. Появилось множество карт острова, информации относительно местных жителей. Иероглифическое написание названия острова унифицировалось и во всех источниках стало записываться одинаково — 唐太 (Карафуту). В 1809 г. после приезда Н.П. Резанова в Японию и экспедиции лейтенанта Хвостова и мичмана Давыдова на Сахалин, этот остров по приказу японского правительства был переименован в Кита Эдзоти и стал частью т.н. Северных земель Эдзо, которые теперь стали позиционироваться, как внутренняя часть страны. Правительству Японии направляется множество отчетов, в которых говорится о необходимости укрепления острова и отправке войск, для защиты территории в случае нападения со стороны России.

После инцидента с Головинным в 1811—1813 гг. отношения России и Японии накаляются еще больше и ставится вопрос о границе между двумя странами. Намеча-

ется тенденция обращения бакуфу к источникам более раннего периода, в которых содержалась подробная информация относительно географии и населения острова. Таким образом, происходит обобщение информации относительно Сахалина за весь период его исследования. Россия была вынуждена отказаться от попыток установления торговых отношений с Японией и приостановить свою деятельность в исследовании и освоении северных территорий. На фоне данных событий в 1822 г. земли Эдзо снова были переданы под управление клана Мацумаэ.

Таким образом, в источниках конца XVIII — начала XIX вв., постепенно создается образ России как угрозы, что заставило бакуфу обратить на о. Сахалин пристальное внимание и заняться его освоением и обороной.

Библиографический список

Климов А.В. Происхождение названий острова Сахалин // Восточный институт. Японоведческие исследования — 2010. Материалы международной научной конференции (08-09 октября 2010 г., Санкт-Петербург). СПб., 2010а. 11 с.

Климов А.В. Рассказы о северных эдзо [Хокуидан] // История и культура традиционной Японии 3. М.: Наталис. 2010b. С. 258, 279.

Климов В.Ю. Записи о Светоносном правлении [земли варваров] добродетельного Государя» (Кю:мэй ко:ки). Первая и вторые тетради. Новые источники по истории и культуре айнов / под ред. В.В. Щепкина. Ин-т Восточных рукописей РАН. СПб.: Изд-во «ЛЕМА». 2021. С. 177, 219.

Климов В.Ю. Инспекционные поездки японских чиновников в земли айнов в 1801 г. (по третьей тетради «Записей о Светоносном правлении добродетельного Государя»). Четыре века экспедиций в земли айнов / под ред. В.В. Щепкина. Ин-т Восточных рукописей РАН. СПб.: Арт-Экспресс, 2022. С. 109, 151.

Щепкин В.В. Восстание Айнов 1789 г. и реакция Мацудайра Саданобу. Япония: культурные традиции в меняющемся социуме / под ред. В.В. Рыбина, Н.А. Самойлова. СПб.: ЛЕМА, 2014. С. 194 — 219.

Щепкин В.В. Экспедиция И.М. Антипина и Д.Я. Шабалина 1778—1779 гг. в российских и японских источниках // *Актуальные проблемы современной Японии*. Выпуск XXIX. М.: ИДВ РАН, 2015. С. 111 — 131.

References

Klimov, A. (2010a). Proiskhozhdenie nazvaniy ostrova Sakhalin [Origin of the Names of Sakhalin Island]. In Vostochnyi institut. Yaponovedcheskie issledovaniya — 2010. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (08-09 oktyabrya 2010 g., Sankt-Peterburg) [Oriental Institute. Japanese Studies-2010. Materials of the International Scientific Conference (October 8—9, 2010)]. Saint Petersburg. (In Russian).

Klimov, A. (2010b). Rasskazy o severnykh edzo (Hokuidan) [Tales of Northern Ezo (Hokuidan)]. In Istoriya i kul'tura traditsionnoi Yaponii 3 [History and Culture of Traditional Japan 3]. Moscow: Natalis. (In Russian).

Klimov, V. (2021). Zapisi o Svetonosnom pravlenii [zemli varvarov] dobrodetel'nogo Gosudarya (Kyūmei kōki). Pervaya i vtoryie tetradi [Records of the Luminous Rule [of the Land of the Barbarians] of the Virtuous Sovereign. (Kyūmei kōki<1 First and second notebooks]. In Novye istochniki po istorii i kul'ture ainov [New Sources on the History and Culture of the Ainu]. Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences. Saint Petersburg: LEMA. (In Russian).

Klimov, V. (2022). Inspektsionnye poezdki yaponskikh chinovnikov v zemli ainov v 1801 g. (po tret'ei tetradi «Zapisei o Svetonosnom pravlenii dobrodetel'nogo Gosudarya») [Inspection Trips of Japanese Officials to the Lands of the Ainu in 1801 (Based on the Third Notebook of “Records of the Luminous Reign of the Virtuous Sovereign”)]. In Chetyre veka ekspeditsii v zemli ainov [Four Centuries of Expeditions to the Lands of the Ainu]. Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences. Saint Petersburg: Art-Express. (In Russian).

Shchepkin, V. (2014). Vosstanie ainov 1789 g. i reaktsiya Matsudaira Sadanobu [Ainu Rebellion of 1789 and Matsudaira Sadanobu's reaction]. In Yaponiya: kul'turnye traditsii v menyayushchemsya sotsiume [Japan: Cultural Traditions in a Changing Society] (pp. 194—219). Saint Petersburg: LEMA. (In Russian).

Shchepkin, V. (2015). Ekspeditsiya I.M. Antipina i D.Ya. Shabalina 1778—1779 gg. v rossiiskikh i yaponskikh istochnikakh [Expedition of I.M. Antipin and D.Ya. Shabalin of 1778—1779 in Russian and Japanese sources]. In Aktual'nye problemy sovremennoi Yaponii. Vypusk XXIX [Current Problems of Modern Japan. Issue XXIX]. Moscow: IDV RAN. (In Russian).

* * *

Emori, Susumu. (2008). *Ainu minzoku no rekishi* [History of the Ainu People]. Chiba: Sōfūkan. (In Japanese).

Hokuidan [Tales of the Northern Barbarians]. (1969). In *Nihon sho minzoku seikatsu shiryō shūsei* [Collection of Japanese Ethnic Life History Materials], Vol. 4. Tokyo. (In Japanese).

Nihon hokuhen kankei kyūki mokuroku. Hokkaidō, Karafuto, Chishima, Roshia. Hokkaidō daigaku fuzoku toshokan [An Annotated Catalog of Japanese Manuscripts Sources on Hokkaido, Sakhalin, the Kuriles and Russia in Hokkaido University Library]. (1990). Sapporo. (In Japanese).

Roshia Ibun [Rumors about Russia]. Tōkyō daigaku shiryō hensanjo [The Archives of Tokyo University]. (In Japanese).

Поступила в редакцию: 19.05.2025

Принята к публикации: 21.07.2025

Received: 19 May 2025

Accepted: 21 July 2025

О.К. Матвеева

Скрипторий по переписке сутр эпохи Нара: административные и трудовые практики на примере «Проекта трех сутр» (754 г.)

Аннотация. Настоящая статья является исследованием организации, функционирования и внутренних практик японского скриптория VIII в., чья делопроизводственная документация сохранилась до наших дней в составе документов сокровищницы Сёсоин (正倉院文書, Сё:со:ин-мондзё). Автор рассматривает деятельность скриптория по воспроизводству буддийских религиозных текстов не только как технический процесс, но и как социально-религиозную практику, в которой воплощались властные отношения, экономические механизмы и сакральные смыслы. Центральный объект анализа — это проект скриптория по переписке «Махапраджняпарамита-сутры» и двух вариантов «Аватамсака-сутры» в 754 г., который в историографии принято называть «Проектом трех сутр» (三部經写経事業, санбукё: сякё:дзигё:)¹. Он представляет собой инициированный государством проект, выполненный в контексте централизованной бюрократической системы. В качестве ключевых источников исследования рассматриваются два важных административных документа этого проекта: докладная записка Бюро по строительству храма Тодайдзи (造東寺司解), ходатайствующая о выделении материалов для переписки, и документ, подтверждающий прием, проверку и помещение переписанных сутр в храм Хоккёдзи (法華寺安置經勘受文). Перевод и детальный анализ этих документов позволяет реконструировать общую картину деятельности скриптория в середине VIII в., конкретные детали повседневной трудовой жизни его работников, механизмы распределения ресурсов, систему оплаты труда и многое другое. Также можно сделать предположение о сущности скриптория как бюрократической единицы, совмещающей как секулярные, так и религиозные практики. Таким образом, изучение деятельности скриптория и его внутренних административных процессов позволяет осветить широкие социо-политические и культурные функции подобных учреждений как центров воспроизводства сакральных текстов, книжной культуры и государственности эпохи Нара.

Ключевые слова: историческая антропология, история Японии, период Нара, буддизм, Сёсоин, Сякёдзё, проекты по переписке сутр.

Автор: Матвеева Ольга Константиновна, магистрант Института классического Востока и Античности Национального Исследовательского Университета «Высшая Школа Экономики» (адрес: 105066, Москва, Старая Басманная, ул., 21/4); лаборант-исследователь Института Востоковедения РАН (адрес: 107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12). ORCID: 0009-0009-5515-2777. E-mail: LM171708@mail.ru

¹ Документы Сёсоин: 大日本古文書: 編年文書 (DNK) [Древние документы великой Японии] // под редакцией 東京大學史料編纂所 [Кафедры историографии токийского университета]. 25 томов. Токио: Токио тэйкоку дайгаку, 1901—1940 // 正倉院文書マルチ支援データベース [Электронная база Токийского института историографии] [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wap.hi.u-tokyo.ac.jp/ships/w08/search>

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Матвеева О.К. Скрипторий по переписке сутр эпохи Нара: административные и трудовые практики на примере «Проекта трех сутр» (754 г.) // Японские исследования. 2025. № 4. С. 24—43.
DOI: 10.55105/2500-2872-2025-4-24-43.

O.K. Matveeva

Nara period sutra copying scriptorium: Administrative and labor practices through the example of the “Three Sutras Project” (754)

Abstract. The article explores the organization, functioning, and internal practices of an 8th century Japanese scriptorium, the administrative records of which have been preserved as part of the Shōsōin documents (正倉院文書, *Shōsōin monjo*). The author views the activities of the scriptorium as not only a technical process, but as a social and religious practice reflecting power relations, economic mechanisms, and sacral meanings. The central focus of the analysis is the scriptorium’s project of transcribing the Mahāprajñāpāramitā Sūtra and two versions of the Avataṃsaka Sūtra in 754 — a project commonly referred to in historiography as the “Three Sūtras Transcription Project” (三部経写経事業, *sanbukyō shakyo jigyo*). This undertaking was not only a religious initiative, but also a state-sponsored enterprise carried out within the framework of an emerging centralized bureaucratic system. Two key administrative documents from this project are examined as primary sources: a memorandum submitted by the Bureau for the Construction of Tōdaiji Temple (造東寺司解), petitioning for the allocation of materials for transcription, and a record from Hokkeji Temple (法華寺安置經勘受文) confirming the receipt, inspection, and enshrinement of the completed sutras. The translation and close analysis of these documents make it possible to reconstruct the overall operations of the scriptorium in the mid-8th century, revealing specific details of its workers’ daily labor, the mechanisms for resource distribution, the logic of administrative procedures, and the system of remuneration. The study suggests that the scriptorium functioned as a bureaucratic unit combining both secular and religious practices. Thus, the investigation of its activities and internal administrative processes sheds light on the broader sociopolitical and cultural functions of such institutions as centers for the reproduction of sacred texts, the cultivation of literary culture, and the articulation of statehood in Nara-period Japan.

Keywords: historical anthropology, history of Japan, Nara period, Buddhism, Shōsōin documents, sutra transcription projects.

Author: Matveeva Olga K., first-year graduate student, Institute of Classical East and Antiquity, HSE University: 21/4, Staraya Basmannaya Street, Moscow, Russian Federation, 105066; Research Assistant, Institute of Oriental Studies of RAS: 12, Rozhdestvenka Street, Moscow, Russian Federation, 107031. E-mail: LM171708@mail.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Matveeva, O.K. (2025). Skriptorii po perepiske sutr epokhi Nara: administrativnye i trudovye praktiki na primere «Proekta trekh sutr» (754 g.) [Nara period sutra copying scriptorium: Administrative and labor practices through the example of the “Three Sutras Project” (754)]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2025, 4, 24—43. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2025-4-24-43.

Скрипториев по переписке буддийских сутр в VIII в. было много, но до нас дошла внутренняя документация лишь одного из них. При своем создании этот скрипторий (в историографии его принято называть Сякёдзё) находился в компетенции ведомства по управлению делами государыни-супруги Комё (光明皇后, 701—706), а с 747 г. перешел в ведение бюро строительства храма Тодайдзи. Ныне документы Сякёдзё хранятся в сокровищнице Сёсоин (г. Нара) и являются уникальным источником, позволяющим изучать быт, менталитет, организацию труда и бюрократический аппарат в Японии VIII в.

«Проект трех сутр» и его документы

Скрипторий выполнял множество проектов по переписке буддийских текстов. Осуществленный в 754 г. «Проект трех сутр» (это условное название, данное современными учеными) был одним из них. В это время государь Сёму (聖武天皇, 724—749)¹, известный своей приверженностью буддизму, уже отрекся от престола, но сохранил авторитет и влияние при дворе. Власть находилась в руках его дочери государыни Кокэн (孝謙天皇, 749—758)² и сановника Фудзивары-но Накамаро (藤原仲麻呂, 706/709—764), который впоследствии после смерти государя Сёму укрепил свою власть, продвигая конфуцианские принципы управления.

В рамках указанного проекта переписывались три сутры: «Махапраджняпарамита-сутра» (大般若經, «Дайханьякё:», «Великая сутра о праджня парамите», 600 свитков) и две версии «Аватамсака-сутры» (花嚴經, «Кэгонкё:», «Сутра о величии Цветка», 60 и 80 свитков).

«Махапраджняпарамита-сутра» является центральным произведением в группе сутр «праджня-парамиты», посвященных концепции совершенной премудрости (般若, ханья). Компоновка сутры приписывается китайскому монаху-переводчику Сюаньцзану (玄奘, 600—664), который привез ее из Индии и переработал на основе ранее существовавших версий. Сутра представляет собой собрание 16 самостоятельных сочинений, сгруппированных по принципу «четыре места — шестнадцать собраний», в которых Будда проповедовал основные положения учения. Согласно буддологу М. Виссеру, числа 4 и 16 символизируют стороны света и охраняющих их архатов [Visser de, 1935, т. 2, 402].

В контексте японского буддизма «Махапраджняпарамита-сутра» воспринималась не только как философский текст, раскрывающий природу «пустоты», но и как мощное средство защиты государства. В период Нара чтение этой сутры было частью ритуалов, направленных на умиротворение страны, предотвращение бедствий и защиту от эпидемий. Особенно значимую роль текст играл при дворе государя Сёму, который активно покровительствовал буддизму и организовал переписывание сутр для личного спасения и охраны государства. Таким образом, значимость этой сутры в Японии выходила далеко за рамки философского учения о природе мудрости — «Махапраджняпарамита-сутра» стала сакральным текстом, обеспечивающим не толь-

¹ Когда речь идет о японских государях и государынях, мы указываем годы правления, а не годы жизни. В отношении других исторических личностей даются годы жизни.

² Во время второго правления (764—770) носила имя Сётоку (称徳天皇).

ко личное просветление, но и защиту государства в целом. Эта сутра переписывалась множество раз, о чем в том числе и сообщает государственная хроника «Сёку Нихонги» (797 г.)

«Аватамсака-сутра» также является значимым текстом японского буддизма. Она не является единым текстом и состоит из проповедей Будды, произнесенных после его пробуждения. В сутре утверждается, что весь мир тождественен сущности Будды Вайрочаны (大日如来, Дайнити Нёрай). Эта идея была популярна в Японии VIII века. Например, школа Кёгон провозглашала принцип «все в одном, и одно во всем», а статуя гигантского Будды в храме Тодайдзи олицетворяет Вайрочану. В государственной хронике «Сёку Нихонги» зафиксированы три случая копирования этой сутры в VIII в.

Дошедший до нас текст «Аватамсака-сутры» был отредактирован в Хотане (ныне Суар, КНР) в III в. н.э. и переведен на классический китайский в 418—420 гг. Буддхабхардой (佛陀跋陀羅, 359—429) (60 свитков) и в 695—699 гг. Шикшанандой (實叉難陀, 659—710) (80 свитков). Обе эти версии были переписаны в рамках проекта трех сутр. Имеется также более поздний перевод миссионера Праджни (般若, 759—762), который состоит из 40 свитков [Игнатович 1988, с. 183], но эта версия не копировалась в рамках «Проекта трех сутр».

Документы «Проекта трех сутр»

На сегодняшний день в нашем распоряжении имеются 11 документов, относящихся к «Проекту трех сутр».

[1] Докладная записка бюро по строительству храма Тодайдзи (造東寺司解). Тэмпё: сё:хо 6-2-18 (754)¹.

[2] Книга учета приема бумаги для переписки сутр (經紙出納帳). Тэмпё: сё:хо 6-3-16.

[3] Книга учета приема кистей и туши, запрошенных Сякёдзё (寫書所請間写筆墨帳). Три записи разного времени: Тэмпё: сё:хо 6-3-12/3-18/4-22.

[4] Книга учета поставки в бюро по строительству храма Тодайдзи кистей, туши, валиков и т.п. (造東寺司紙筆墨軸等充帳). Три записи разного времени: Тэмпё: сё:хо: 6-3-27(26)/4-22/6-28.

[5] Книга учета распределения бумаги между обработчиками (寫經疏間紙充裝潢帳). Запись от Тэмпё: сё:хо: 6-3-16.

[6] Книга учета распределения бумаги для «Махапраджняпарамиты-сутры» и «Аватамсака-сутры» (大般若并華嚴經充紙帳). Тэмпё: сё:хо: 6-3-19 — 6-6-8.

[7] Книга учета распределения бумаги, кистей и туши для «Махапраджняпарамиты-сутры» и «Аватамсака-сутры» (大般若經華嚴經充紙筆墨帳). Тэмпё: сё:хо: 6-3-19 — 6-4-11.

[8] Книга учета корректорской работы (經疏間校帳). Три записи, разного времени: Тэмпё: сё:хо 6-5-6/5-10/6-7.

¹ В традиционной датировке указываются: девиз правления, порядковый номер девиза, месяц, день. В скобках приводится год по григорианскому календарю.

[9] Отчет переписчика сутр Когами-но Ацуси (經師古神徳手実). Тэмпё: сёхо: 6-5-25.

[10] Книга учета использования бумаги и ее остатки (写経料紙用残). Одна запись, датируемая Тэмпё: сёхо: 6-7-30.

[11] Документ, подтверждающий прием, проверку и помещение [трех] сутр в храме Хоккэдзи (法華寺安置経勘受文). Тэмпё: сёхо: 7-2-9.

В этой статье рассматриваются только два документа проекта 754 г. Документ [1] — самый ранний документ проекта, тогда как документ [11] — самый поздний. Их перевод и анализ позволяют выявить основные принципы работы с документами Сёсоин, а также реконструировать общую картину деятельности скриптория. Анализ остальных девяти документов предполагается представить в последующих публикациях автора.

Документ [11] написан позже документа [1], но мы начнем анализ именно с него, так как он дает подсказку о причине заказа сутр и о личности заказчика.

Документ [11]

Перевод:

- (1) «Махапраджняпарамита-сутра» в 1 экземпляре.
- (2) «Аватамсака-сутра» в 2 экземплярах [два варианта]¹.
- (3) Вышеупомянутые сутры были помещены в Западный Павильон храма Хоккэдзи в 7 год эры Тэмпё: сёхо [755], во 2 луне, 9 числа.
- (4) Тэмпё: сёхо: 7 год [755], 2 месяц, 9 число.
- (5) Ответственная за священные тексты монахиня.
- (6) Проверила и приняла монахиня Дзэнъё.

Комментарий:

Сутры переписывались по заявке заказчика: государства, храма и частных лиц. Выяснение заказчика важно для понимания характера проекта. В случае «Проекта трех сутр» заказчик не указан. Однако документ [11] свидетельствует, что в 755 г. в Южный павильон храма Хоккэдзи были помещены три сутры, а их прием осуществила монахиня Дзэнъё (全曜), одна из семи главных монахинь храма. С большой вероятностью можно утверждать, что это оригинальный документ, так как он написан аккуратно без исправлений и хранится в архиве Сякэдзё, куда был прислан в подтверждении доставки сутр заказчику (имена составителя и курьера неизвестны).

Храм Хоккэдзи (法華寺) тесно связан с государственным буддизмом. Он был построен в 745 г. под патронажем государыни-супруги Комё и ее дочери принцессы Абэ (будущей государыни Кокэн / Сётоку). В рамках учрежденной в 741 г. системы «провинциальных храмов» (国分寺, кокубундзи), подразумевавшей в качестве мер ритуальной защиты нахождение в каждой провинции по одному мужскому и женскому монастырю / храму, Хоккэдзи стал женским храмом для провинции Ямато, где

---

¹ Здесь и далее написанное в круглых скобках — это перевод текста, написанного более мелким почерком или другим цветом; в квадратных скобках — это переводческая ремарка, необходимая для лаконичности и понятности перевода.

располагалась столица Нара. Храм был построен на территории усадьбы отца Комё — видного сановника Фудзивара-но Фухито (藤原 不比等, 659—720). Подношение защитных сутр этому храму в 754 г. имело государственное значение и в роли заказчика выступало, вероятно, само государство.

Смета «Проекта трех сутр». Документ [1]

Документ [1] — это докладная записка с прошением о материалах для переписки проекта, то есть аналог сметы. В ней перечислены необходимые для работы ресурсы, структурированные по разделам. В работе мы приводим структуру сметы «Проекта трех сутр», согласно буквенным и тематическим разделам классификации смет документов Сёсоин, созданной Ёсида Такаси. [Yoshida 1983].

Структура документа [1]:

А. Название.

В. Название сутр, количество свитков.

С. Заказ бумаги.

Д. Жалование [подавание].

Е. Одежда [рясы].

Г. Материалы для изготовления свитков.

Н. Требуемые деньги.

И и Л. Количество людей, задействованных в проекте переписки сутры, и крестьяне, отбывающие трудовую повинность (в этой смете И и Л объединены).

Ј. Пища для служащих.

К. Разное.

М. Подпись.

Н. Дата.

В смете «Проекта трех сутр» пропущен обычный для других смет раздел F, в котором оговаривается количество кистей и туши, так как эти материалы заказывались для этого проекта за деньги (раздел Н).

Раздел А. Название документа

Перевод раздела А:

(1) Докладная записка бюро по строительству храма Тодайдзи: прошение о расходах на переписку сутр.

Комментарий:

Документ [1] в «Дайнихон комондзё» (далее ДНК) назван «Докладная записка бюро по строительству храма Тодайдзи», поскольку скрипторий подчинялся этому бюро. Исследователи добавляют к названию (案, ан) — «черновик», так как он имеет исправления и остался в скриптории, а не был отправлен заказчику. Оригинал, видимо, утерян.

Разделы М, N. Получатель и дата

Перевод раздела М:

(1) Перечисленные выше нужды для переписки трех сутр, о чем почтительно докладываем (крестьян 8: 6 отбывающих бумагу, 2 повара).

Перевод раздела N:

(1) Тэмпё: сё:хо: 6 год [754], 2 луна, 18 день.

Комментарий:

Документ не уточняет, в какое ведомство он направлялся, и кто отвечал за его отправку, что подтверждает его статус черновика. Однако вежливый бином 謹解 («почтительный доклад», кинкай), как предписывает свод законов «Тайхо рицурё» (701 г.), указывает на адресацию документа в Палату большого государственного совета Дайдзёкан, бывшего главным административным органом Японии VIII в. [Свод законов «Тахорё», XVI-XXX 1985, с. 66]. Это свидетельствует о государственном значении проекта — материалы для переписки поставляло само государство. Возможно, это был государев дар храму.

По другим сметам из корпуса документов Сёсоин можно узнать, что их составлением обычно занимался заведующий административной работой, курировавший проект (案主, андзу). В смете «Проекта трех сутр» подписи нет, но имя андзу, как и многих людей работавших над проектом, восстанавливается с помощью остальных документов. Его звали Курэхара-но Икухито (呉原生人).

Черновик датирован вторым месяцем 754 г., а уже в третьем месяце скрипторий получил материалы, что указывает на быстрое создание чистовика (об этом говорят документы [2], [3] и [4]).

Разделы В, С. Предполагаемое количество свитков и бумаги

Перевод раздела В:

(1) «Махапраджняпарамита-сутра» в одном экземпляре (600 свитков), «Аватамсака-сутра» в двух экземплярах (первый экземпляр — 80 свитков, второй экземпляр — 60 свитков).

Комментарий:

В буддийской традиции «Махапраджняпарамита-сутра» всегда состоит из 600 свитков; старый перевод «Аватамсака-сутры» — из 80 свитков, новый — 60. Служащие скриптория придерживались этого обыкновения.

Перевод раздела С:

(1) Общее количество требуемой бумаги 15 224 листа.

(2) Бумага для переписи сутр — 14 327 листов.

(3) 10679 листов для одного экземпляра «Махапраджняпарамита-сутры».

(4) 1385 листов для одного экземпляра [старого перевода] «Аватамсака-сутры».

(5) 1133 листа для одного экземпляра [нового перевода] «Аватамсака-сутры».

(6) Ожидаемое количество бумаги, которое будет испорчено или не заполнено, 740 листов.

(7) 390 листов для использования в качестве обложек (20 листов про запас).

(8) Обычная бумага — 897 листов.

(9) 358 листов вспомогательной бумаги для защиты свитка — (1 лист на 40 переписанных листов).

(10) 143 листа оберточная бумага [используется в процессе отбивания] (1 лист на 40 листов).

(11) 222 листа бумаги для трафаретов, подкладок и хранения письменных принадлежностей (на один футляр 3 листа).

(12) 74 листа бумаги для футляров.

(13) 100 листов бумаги на прочие нужды.

Комментарий:

Данные о заказе бумаги дают представление о работе скриптория. Всего было заказано 15 224 листа (張, тё:). Размер листа в эпоху Нара, по нашим наблюдениям за музейными экземплярами, варьировался: ширина 25—30 см, длина различалась, но в строке всегда было 17 знаков.

Использовалось два типа бумаги: для переписывания сутр (経紙, кё:си) — 14 327 листов, и обычная (凡紙, бонси) — 897 листов. Точную цену каждого типа бумаги мы назвать не можем, но по базе Национального музея истории Японии обычная бумага стоила 2,5—3 мон за лист, а специальная для сутр — 5—7 мон¹.

В документе указано количество бумаги, необходимое для переписывания 740 листов проекта: 13 127 листов. Один свиток (巻, маки) состоял из 20 листов. Такого количества бумаги хватило бы на 656 свитков, но в «Проекте трех сутр» их 740. Можно предположить, что часть затрат скрипторий покрывал из собственных запасов, подобные случаи были обычны, что следует из документов о других проектах. Уточняется также, что около 6% бумаги могло быть испорчено.

Для обложек (表紙, хё:си) предназначалось 390 листов. С учетом 20 испорченных, оставалось 370. Так как свитков 740, значит, один лист шел на две обложки. Они представляли собой закрепленные тесемкой небольшие накрахмаленные листы с названием сутры и номером свитка [Kurihara 1972, p. 641].

В пунктах С8—13 указана обычная бумага, не использовавшаяся для копирования сутр. В С9 — 358 листов для временных обложек (端継, хатицугу), то есть по 1 листу на 2 свитка. Эти обложки использовались во время работы, прикреплялись к правому концу свитка, снабжались временным валиком (仮軸, каридзiku) для удобства работы.

В пункте С10 указывается количество бумаги для отбивки (裏紙, хо:гами) — 1 лист на 40. Отбивка бумаги была этапом ее обработки, необходимым для придания плотности после склеивания листов (継, цугу).

Кроме того, было запрошено 222 листа для трафаретов (式, сики), оберток кистей (下纏, камитэн) и подкладок (敷紙, сикигами) — по 3 листа на футляр.

74 листа бумаги предназначалось на футляры, то есть 1 лист на футляр, рассчитанный на 10 свитков.

100 листов выделялось на непредвиденные нужды.

Эти данные демонстрируют весьма прагматичные и выверенные подходы, указывая на значительный опыт переписывания сутр, что позволяло производить точные подсчеты.

¹ 古代・中世都市生活史物価データベース URL: <https://www.rekihaku.ac.jp/doc/gaiyou/ktsb.html> (дата обращения: 03.04.2025).

Раздел D. Жалование (подавание)

Лексема, переведенная как «жалование», записывается в документе иероглифами 布施 (фусэ) — «подавание». Согласно правилам буддийской общины, монах может питаться только подаванием мирян. Вероятно, жалование работников Сякёдзё — институции, связанной с буддийскими сакральными текстами, — приравнивалось к такому подаванию. Это еще раз подтверждает, что копирование сутр воспринималось как религиозный акт. Поэтому работе над текстом предшествовали очистительные ритуалы. Брайн Лёве указывает, что писец должен был очистить ум и тело (身心清淨, синсинсэйдзо:), словно вступая на путь Бодхисаттвы [Lowe Bryan D. 2017, с. 37]. «Сутра о сетях Брахмы» (梵網經, «Бонмо:кё:») и документы Сёсоин (к примеру, ДНК 13/284-317¹) подтверждают такие предписания.

Неблагочестивый писец мог «испортить» весь проект ввиду своей «треховности». Таким образом, скрипторий был институтом, в котором нераздельно существовали секулярное и религиозное.

Перевод раздела D:

- (1) Ткани 443 отреза по 2 дзё 5 сяку 5 сун².
- (2) На жалование 397 отрезков по 2 дзё 3 сяку 5 сун.
- (3) В отдел копирования 329 отрезков по 3 дзё 8 сяку 8 сун за работу над 13197 листами (1 отрез за 40 листов).
- (4) В отдел корректуры 26 отрезков по 1 дзё 6 сяку за работу над 26394 листами (1 отрез за 1000 листов, 2 корректорские проверки).
- (5) В отдел обработки бумаги 33 отреза по 3 дзё 6 сяку 7 сун за работу над 13567 листами (1 отрез за обработку 400 листов).
- (6) Для написания заголовков 7 отрезков по 1 дзё 6 сяку за работу над 740 свитками (1 отрез за написание заголовков на 100 свитках).

Комментарий:

Представляется, что это одна из самых информативных частей сметы, из которой неявными штрихами вырисовывается процесс работы над проектом.

В скриптории существовало распределение обязанностей по отделам (区分, кубун), непосредственно работающих с бумагой:

- отдел копирования (見写区分, кэнсякубун), служащие переписчики (経師, кё:си);
- отдел корректуры (校区分, ко:кубун), осуществлявший сверку. Служащие — корректоры (校生, ко:сэй);
- отдел обработки бумаги (装潢区分, со:ко:кубун), служащие — обработчики бумаги (装潢, со:ко:).

Обработка бумаги осуществлялась соответствующим отделом перед копированием и после него³, отдел копирования занимался непосредственно переписыванием

---

¹ Ссылка на «Дайнихон комондзё» дается в формате: том/страница.

² Дзё (丈) — 3,78 м; сяку (尺) — 30,3 см; сун (寸) — 3,03 см.

³ О работе обработчиков повествует документ [4].

сутр¹ и написанием заголовков (для этого выбирались писцы-дайси (題師) с самым хорошим почерком), отдел корректуры — сверкой².

Жалование выплачивалось тканями, всего на него использовали 397 отрезов из 443, а 46 пошли на другие неуточненные нужды.

Раздел Е. Одежда

Как уже было сказано, работа в скриптории мыслилась как религиозный акт, а сам скрипторий — учреждением, в котором сосуществовало секулярное и религиозное, поэтому одежда, которую носили работники скриптория, называлась «фрясами» 淨衣 (дзё:э, буквально «чистое одеяние»). Это общий термин для одежды, по документу видно, что комплекты ряс были разными.

Перевод раздела Е:

- (1) 43 отреза по 4 сяку на рясы.
- (2) 19 отрезов по 3 дзё на 46 верхних накидок (на одну накидку 1 дзё 8 сяку).
- (3) 7 отрезов по 2 дзё 8 сяку на штаны, 46 пар (на одну пару 7 сяку) (накидки и штаны предназначены для переписчиков, обработчиков бумаги, корректоров и разно-рабочих — 46 человек).
- (4) 3 отреза по 6 сяку на носки с завязками, 44 пары (на каждую пару 3 сяку).
- (5) 12 отрезов по 2 дзё 4 сяку на 44 халата (на каждый халат 1 дзё 2 сяку, халаты и носки предназначены для переписчиков, обработчиков бумаги и корректоров — 44 человека).
- (6) [12]³ отрезов по 2 дзё 6 сяку на полотенца, 22 полотенца (на одно полотенце 5 сяку).
- (7) Отрез в 1 дзё 4 сяку для двоих служащих на кухне, призванных по повинности. Каждому по переднику и шапке (на один комплект 7 сяку).
- (8) 59 тон⁴ грубого шелка (1 отрез в 5 дзё 4 сяку) .
- (9) 59 тон грубого шелка (1 отрез в 2 дзё 4 сяку) на изготовление рабочего одеяния для переписчиков сутр, корректоров и обработчиков бумаги, всего 44 комплекта.
- (10) 33 тон грубого шелка (1 отрез в 4 дзё — [сначала была допущена ошибка и написано 4 сяку]) для теплых курток (на один комплект 4 дзё 6 сяку).
- (11) 28 тон грубого шелка (1 отрез в 5 дзё 2 сяку) для нательного белья (на одну сорочку 2 дзё 3 сяку).
- (12) 8 тон грубого шелка (1 отрез в 4 дзё 8 сяку) для фундоси [набедренная повязка] (на один фундоси 1 дзё 2 сяку).
- (13) 3 сяку матерчатой ткани из осоки.
- (14) 984 тон шелковой ваты⁵.
- (15) 88 тон для верхних накидок (на одну накидку 2 тон).
- (16) 44 тон для теплых курток (на одну куртку 1 тон).
- (17) 44 тон для штанов (на одни штаны 1 тон).
- (18) 308 тон для одеял (на одно одеяло 7 тон).

¹ О работе переписчиков повествуют документы [6], [7] и [9].

² О работе корректоров повествует документ [8].

³ Нет точной уверенности в расшифровке, но, скорее всего, это 12.

⁴ 疋 (яп. тон) — мера измерения тканей, 10,6 м.

⁵ 匁 (яп. тон) — мера веса для хлопчатобумажной ткани, 223,8 г.

- (19) 44 пар обуви.
 (20) Готовых ряс на десятерых (в комплекте по накидке и штанам).
 (21) Два комплекта двоим разнорабочим.
 (22) Шесть комплектов шестерым служащим по повинности крестьянам, помогающим заниматься отбивкой бумаги.
 (23) Два комплекта двоим служащим по повинности крестьянам на кухне.

Комментарий:

Раздел «Е» дает ценные сведения о функционировании скриптория. Поскольку «Проект трех сутр» выполнялся зимой (смета составлена во 2-м месяце), работники трудились в теплых куртках (E11). Помимо переписчиков, корректоров и обработчиков бумаги, к работе привлекались разнорабочие (雜使, дзо:си) и крестьяне, отбывавшие трудовую повинность (駄使丁, куситё:). В проекте участвовало восемь крестьян: шесть занимались отбивкой бумаги (打つ, уцу), двое работали на кухне.

Восстанавливается и планировка скриптория. В нем были кухня, где трудились крестьяне (F7), и умывальни (F5, 6), поскольку работа с сутрами требовала чистоты души и тела. Хотя наш документ не позволяет точно реконструировать планировку, Ямасита Юми восстановила облик Сякёдзё [Yamashita 2006, p. 15—19]:

Скрипторий представлял собой деревянные постройки, окруженные плетеным забором (柴垣, сибагаки). За забором находились: офис администрации (曹司, дзо:си), зал переписывания сутр (経堂, кё:до:), зал обработки бумаги (紙屋, камия), спальни (宿所, сюкусё), кухня (料理供養所, рёрикуё:дзё), умывальни (湯屋, юя) и хранилище (檜皮葺殿, кивадафукидэн), где, вероятно, хранились документы скриптория до их переноса в Сёсоин в конце VIII в.

Примечательно, что в названии кухни использовано слово 供養 (куё:) — «подношение буддам», что еще раз подчеркивает религиозный характер работы. Скрипторий обеспечивал все необходимое для работы и гигиены. Работники стирали одежду сами (ДНК 22/58), а ее выдача была дифференцированной: те, кто работал с текстами, были на полном обеспечении, разнорабочие и крестьяне — по остаточному принципу. Однако полотенца для омовений получали все, что указывает на обязательность телесной чистоты для всех сотрудников Сякёдзё (табл. 1).

Таблица 1. Нормы выдачи ткани и одежды разным категориям служащих и работников

Количество ткани на человека	Переписчики сутр, корректоры и обработчики бумаги, норма на 1 человека	Разнорабочие, норма на 1 человека	Крестьяне, призванные по повинности, занимающие отбивкой бумаги, норма на 1 человека	Крестьяне, призванные по повинности, работавшие на кухне, норма на 1 человека
Верхние накидки с широкими рукавами (袍, хо:)	Ткани 18 сяку [≈ 5 м] и 2 тон хлопка [≈ 448 г]	Ткани 18 сяку [≈ 5 м], а также по целому комплекту штанов и накидки каждому	Комплект из штанов и накидок каждому	Комплект из штанов и накидки каждому
Штаны (袴, хакама)	Ткани 7 сяку [≈ 2 м] и 1 тон хлопка [≈ 224 г]	Ткани 7 сяку [≈ 2 м], а также по целому комплекту из штанов и накидок каждому	Комплект из штанов и накидок каждому	Комплект из штанов и накидки каждому

Количество ткани на человека	Переписчики сутр, корректоры и обработчики бумаги, норма на 1 человека	Разнорабочие, норма на 1 человека	Крестьяне, призванные по повинности, занимающие отбивкой бумаги, норма на 1 человека	Крестьяне, призванные по повинности, работавшие на кухне, норма на 1 человека
Носки с завязками (蔑, бэцу)	Ткани 3 сяку [≈90 см]	Не получали	Не получали	Не получали
Халаты для омовений (湯帷, юи)	Ткани 12 сяку [≈ 3 м]	Не получали	Не получали	Не получали
Теплые куртки (襖子, о:си)	Грубого шелка 46 сяку [13 м] и 1 тон шелка [224 г]	Не получали	Не получали	Не получали
Сорочки (汗衫, кадзами)	Грубого шелка 23 сяку [≈7 м]	Не получали	Не получали	Не получали
Фундоси (褌, набедренная повязка)	Грубого шелка 12 сяку [≈ 4 м]	Не получали	Не получали	Не получали
Одеяла (衾, фусума)	Хлопка 7 тон [≈ 1,5 кг]	Не получали	Не получали	Не получали
Обувь (沓, куцу)	44 пары	Не получали	Не получали	Не получали
Передник (前裳, дзэнсё:) и головные уборы (冠, каммури)	Не получали	Не получали	Не получали	7 сяку [≈ 2 м]
Полотенца (手巾, сюкин)	Ткани на 22 комплекта [комплект 5 сяку ≈ 1,5 м, всем]			
Матерчатая ткань из осоки (蓆, муги)	3 сяку [[≈ 1 м, всем]			

Источник: составлено автором по материалам исследования.

Раздел G. Материалы для украшения бумаги и свитков

Священные сутры писались на узорчатой бумаге. К свиткам прикреплялись тесемки и валики. Раздел «G» описывает заказ этих материалов.

Перевод раздела G (метрические соответствия в тексте в квадратных скобках):

(1) 125 дзё 8 сяку [≈ 714 м] шелковых узорчатых тесемок (на один свиток 1 сяку 7 сун [≈ 52 см]).

(2) 740 штук валиков.

(3) 74 комплекта ткани для футляров (на один футляр 1 сяку 8 сун [24 см])

(4) 358 кин¹ [≈ 215 кг] (исправлено на 359 [≈ 216 кг]) красителя из китайского пробкового дерева требуется (1 кин на покраску 40 листов). [Далее приписка] Еще 80 кин [48 кг] получены заранее.

(5) 2 то² 6 сё³ [46 л] темно-серой краски из отвара желудей полагается (1 сё на покраску 50 листов для обложек).

¹ Кин (斤) — мера веса, 600 г.

² То (斗) — мера емкости, 18 л.

³ Сё: (升) — мера емкости сосуда для сыпучих тел, вмещавшего 1,8 л.

Комментарий:

Из этого раздела следует, что бумага, на которой переписывались сутры для «Проекта трех сутр» была желтой: бумага окрашивалась красителем из китайского пробкового дерева (黄藥, кавада), придавая им желтый цвет. В G4 можно увидеть, как составитель сметы сначала ошибся в подсчетах, а потом исправил ошибку. Сначала он посчитал, что необходимо будет 358 кин красителя, однако, если мы будем исходить из того, что нужен 1 кин (600 г) на 40 листов, а всего необходимо покрасить 14 327 листов (см. C2), то, как минимум, на 7 листов красителя не хватит. При этом он ошибся повторно, так как обложки (C7, 390 листов) не окрашивались в желтый краситель, а окрашивались в краску темно-серого цвета из отвара желудей (橡, кунуги) (G5). Поэтому ему нужно было заказать красителя желтого цвета на 13 937 листов: 348 или 349 кин красителя, иначе 9 или 10 кин (5—6 л) будут лишними.

Количество темно-серого красителя, запрашиваемого для обложек, полностью соответствует количеству обложек в разделе C (C7).

К сожалению, в ходе исследования нам не удалось выяснить, на каком этапе красили бумагу. Понятно лишь то, что переписчики получали бумагу уже окрашенной, поэтому, скорее всего, окраской занимались обработчики.

После завершения копирования свитки возвращались обработчикам, которые добавляли декоративные элементы. К свиткам приклеивались узорчатые тесемки (綺緒, аяо) или «пояса» (帶, оби). Их прикрепление было сложным процессом: сначала тонкую бамбуковую палочку (発装の竹, хассо: но такэ) диаметром 2 мм заворачивали в левый край обложки, затем наносили клей, делали надрезы по 5 мм и вставляли тесемку, фиксируя ее на палочке [Kurihara 1972, с. 630].

Валики (軸, дзику) представляли собой бамбуковые стержни с обточенными концами для удобного прокручивания свитка. Они изготавливались в разных цветах и с узорами. Их заказывали в точном соответствии с количеством свитков — 740 штук. Прикреплением валиков также занимались обработчики: они загибали уголки бумаги и фиксировали валики к левому концу свитка.

Раздел Н. Денежные расходы

Перевод раздела Н:

- (1) Необходимая сумма: 15 кан¹ 736 мон².
- (2) 4 кан 400 мон на 88 кистей из кроличьего волоса (на одну кисть 50 мон) (одну кисть использовать на переписывание 150 листов).
- (3) 1 кан 760 мон на 44 бруска туши (на один брусок 40 мон) (один брусок на переписывание 100 листов).
- (4) 44 мон на 22 кисти из оленьего волоса для разлиновки бумаги (на одну кисть 2 мон) (одна кисть на разлиновку 600 листов).
- (5) 9 кан 532 мон на покупку салата-латука.
- (6) 8 кан 652 мон на 2163 переписчиков сутр, обработчиков бумаги и писцов заголовков (на одного человека 4 мон).
- (7) 880 мон для 440 корректоров (на одного человека 2 мон).

¹ Кан (貫) — денежная единица, равная 1000 монет в один мон.

² Мон (文) — мелкая денежная единица.

Комментарий:

Для начала следует понять ценность денег, которые предполагалось уплатить за эти предметы. Известно, что обменный курс для внешней торговли составлял 1 дзё ткани = 5 мон (文). А для 50-х гг. VIII в. (покупательская способность денег постоянно снижалась, поэтому ограничиваемся десятилетием) ученые по табличкам-моккан (木簡) вычислили, что в Нара можно было купить следующие единицы товаров за минимальную денежную единицу мон (0,001 кан) (табл. 2)¹.

Таблица 2. Цена продовольственных товаров

Товар	Цена
Рис, 1 сё	5 мон
Сакэ, 1 сё	1 мон
Лосось, 1 штука	20 мон
Утка, 1 штука	25 мон
Баклажан, 1 сё	3 мон
Хурма, 1 то	6 мон
Кувшин с длинным горлышком (瓶, хэй), 1 штука	10 мон

Источник: составлено автором по материалам исследования.

По данным этой таблицы видно, что материалы для скриптория стоили недешево. Одна кисть, как указано в документе, стоила 50 мон, за эти же деньги можно было купить 10 сё риса.

Для «Проекта трех сутр» заказывали два типа кистей: из кроличьего волоса и оленьего. Кисти из кроличьего волоса предназначались переписчикам: 88 кистей на 44 переписчиков, т. е. по 2 кисти на человека. Кисти из оленьего волоса предназначались для разлиновки бумаги (界, кай). Одна такая кисть стоила 2 мон — несравненно дешевле кисти из кроличьей шерсти (табл. 3).

Таблица 3. Сводные данные стоимости материалов, поставленных в скрипторий

Материал и его стоимость в мон	Стоимость за штуку	Сё риса, которое можно купить за цену 1 штуки материала, приведенного в таблице (если исходить из того, что 1 сё риса — это 5 мон)
Кисти из кроличьей шерсти, 4400 мон	50 мон	10 сё риса [0,018 л]
Кисти из оленьей шерсти, 44 мон	2 мон	0,4 сё риса [0,0018 л]
Бруски туши, 1760 мон	40 мон	8 сё риса [0,0144 л]
Салат латук, 9532 мон	—	—

Источник: составлено автором по материалам исследования.

¹ 和同開珎にみる税と給料 URL: https://www.imes.boj.or.jp/cm/research/zuroku/mod/07kikaku_wadocatalogue11-15.pdf (дата обращения: 01.04.2025).

Интересными представляются строки Н6—7: в них прописываются денежные выплаты для работников скриптория, причем не только для задействованных в проекте, а для почти всего штата Сякёдзё. По таблице видно, что выплаты были не слишком большие (табл. 4).

Таблица 4. Сводные данные о денежных выплатах работникам скриптория

Сумма выплат в мон	Количество человек	Количество на человека	Сё риса, которое может купить 1 человек (если исходить из того, что 1 сё риса — это 5 мон)
8652 мон	2163	4 мон	0,8 сё риса [0,00144 л]
880 мон	44	2 мон	0,4 сё риса [0,0018 л]

Источник: составлено автором по материалам исследования.

Разделы I. и L. Работники

В разделе I рассчитывается количество людей, которые будут задействованы в проекте, а в части L уточняется количество крестьян, отбывающих трудовую повинность в скриптории.

Перевод раздела I:

(1) Переписчики сутр — 37 человек, писцы заголовков — 1 человек, обработчики бумаги — 3 человека, корректоры — 4 человека, разнорабочих — 2 человека.

(2) Общее количество [штат скриптория] — 2783.

(3) 1885 переписчиков (на одного человека [задействованного в «Проекте трех сутр»] 7 листов [в день]).

(4) 7 писцов заголовков (на одного человека [задействованного в «Проекте трех сутр»] 100 свитков [в день]).

(5) 271 обработчиков бумаги (на одного человека [задействованного в «Проекте трех сутр»] 15 листов [в день]).

(6) 404 корректора (на одного человека [задействованного в «Проекте трех сутр»] 60 листов [в день]).

(7) 180 разнорабочих (будут работать над проектом 90 дней).

Перевод раздела L:

(1) 8 крестьян, отбывающих трудовую повинность в скриптории (6 на отбивку бумаги, 2 на кухню).

Комментарий:

В штате скриптория насчитывалось 2783 работника. В «Проекте трех сутр» были задействовано 55 человек: 37 переписчиков, 1 писец заголовков, 3 обработчика, 4 корректора, 2 разнорабочих и 8 крестьян. В разделе F запрашивалось 44 комплекта одежды, в I — 45 (может указывать на ошибку или наличие запасов).

Количество разнорабочих и крестьян, мобилизованных по повинности (L1), совпадает с количеством одежды, запрашиваемых для этих категорий работников в разделе F (табл. 5).

Таблица 5. Сводные данные о работниках скриптория, их количестве и функциях в рамках «Проекта трех сутр»

Специальность	Число работников «Проекта трех сутр»	Всего работников скриптория	Нормы минимальной дневной выработки
Переписчики	37	1885	7 страниц
Писцы заголовков	1	7	Заголовки на 100 свитках
Обработчики бумаги	3	271	Обработка 50 страниц
Корректоры	4	440	Редактура 60 страниц
Разнорабочие	2	180	
Крестьяне (2 повара и 6 отбитчиков бумаги)	8		
Общее количество	55	2783	

Источник: составлено автором по материалам исследования.

Раздел J. Поставка еды

В предыдущих разделах мы видели смету, то есть, запрос на необходимые ресурсы. Что до раздела J, то он представляет собой отчет о поставке еды в скрипторий. Еду в скрипторий поставляли по общей смете для всех 2783 работников, поэтому отчет о ее поставке (не совсем понятно, за какое время) вклеили в смету для «Проекта трех сутр». Отдельно для работников проекта Трех Сутр поставляли только салат-латук (см. раздел H).

Перевод раздела J:

- (1) Риса поставлено 52 коку¹ 4 то и 6 сё.
- (2) 43 коку 2 то и 6 сё для переписчиков сутр, писцов заголовков и обработчиков бумаги, которых всего 2163 человека (на одного человека 2 сё).
- (3) 7 коку 4 то на корректоров, которых всего 440 человек (на одного человека 1 сё 6 го²).
- (4) 2 коку 1 то и 6 сё для разнорабочих, которых всего 180 человек (на 1 человека 1 сё и 6 го).
- (5) Соли поставлено 1 коку 6 то 6 сё 7 го и 8 сяку³ для всех работников, начиная с переписчиков и заканчивая разнорабочими [не считая крестьян]. Всего для 2783 человека. (на одного человека 6 сяку) (приписка, сделанная другой рукой: «сверх того был прислан еще 1 коку риса»).
- (6) Соевого соуса поставлено 2 коку 5 то 1 сё и 5 го (приписка, сделанная другой рукой: «в 6 месяц 8 числа было поставлено еще 7 то. Не достает 4 сё 8 го. Сверх того, поставлены 1 коку 7 то. Не достает 3 сё »).
- (7) Пасты мисо поставлено 2 коку 5 то 1 сё и 5 го (для всех: переписчиков, писцов заголовков, обработчиков бумаги — всего 2163 человека, на одного человека [знак поврежден]). [Приписка, сделанная другой рукой]: Сверх того было прислано 7 то. Снова прислан 1 коку 8 то. Не хватает 5 сё.

¹ Коку (斛) — мера емкости, ≈ 180 л. Чаще используется иероглиф 石.

² Го: (合) — мера емкости, 180 мл, 1/10 сё.

³ Сяку (勺) — мера емкости, 0,018 л, 1/10 го.

(8) Уксуса поставлено 1 коку 3 то 1 го и 5 сяку. Для всех — переписчиков, обработчиков и корректоров — 2603 человек (на одного человека 5 сяку). [Приписка, сделанная другой рукой]: Сверх поставлено 6 то. Не достает 4 сё 5 го. Снова прислано 4 сё 2 го. Не достает 3 сё.

(9) Забродивших соевых бобов поставлено 2 коку 6 то 3 го. Для всех переписчиков, обработчиков и корректоров — 2603 человек (на одного человека 1 го).

10) Водорослей поставлено 347 кин и 17 рё¹.

(11) Бурых водорослей-арамэ поставлено 347 кин и 14 рё (для всех 2783 человек от переписчиков до разнорабочих. На одного человека 2 рё).

(12) Желе из водорослей поставлено 325 кин и 6 рё. Для всех 2603 человек, на одного человека 2 рё.

(13) Чая поставлено 5 то 2 сё и 6 сяку. Для 2603 человек: переписчиков, обработчиков и корректоров. На одного человека 2 сяку.

(14) Масла поставлено 8 то 6 сё 5 го 2 сяку. Для переписчиков, писцов заголовков и обработчиков бумаги — всего 2163 человека (на одного человека 4 сяку).

Комментарий:

Рацион работников скриптория в VIII в. был достаточно скромным и напоминал монашеский: мясо и алкоголь исключены. Б. Лёве связывает это с влиянием «Сутры о сетях Брахмы», предписывавшей особую диету благочестивым мирянам [Lowe Bryan D. 2017, с. 37].

Распределение пищи было неравномерным (табл. 6). Отбывающие трудовую повинность крестьяне не получали пайков, их, согласно «Тайхо рицурё», кормили деревни (на сумму в 600 мон в год на человека). Разнорабочие довольствовались лишь рисом, солью и водорослями. Из тех, кто работал с сутрами, меньше всех получали корректоры.

Масло считалось «элитарным» продуктом и выделялось только переписчикам, писцам заголовков и обработчикам бумаги.

Таблица 6. Сводные данные о поставке еды в скрипторий

Ежедневные нормы выдачи продуктов питания	Переписчики	Писцы заголовков	Обработчики бумаги	Корректоры	Разнорабочие
Рис (米)	2 сё [≈ 3,6 л]	2 сё [≈ 3,6 л]	2 сё [≈ 3,6 л]	1 сё 6 го [≈ 2,9 л]	1 сё 2 го [≈ 2,9 л]
Соль (塩)	6 сяку [≈ 0,108 л]	6 сяку [≈ 0,108 л]	6 сяку [≈ 0,108 л]	6 сяку [≈ 0,108 л]	6 сяку [≈ 0,108 л]
Соевый соус (醬)	1 го [≈ 0,18 л]	1 го [≈ 0,18 л]	1 го [≈ 0,18 л]	8 сяку [≈ 0,144 л]	Не получали
Мисо (末醬)	1 го [≈ 0,1 л]	1 го [≈ 0,1 л]	1 го [≈ 0,1 л]	8 сяку [≈ 0,144 л]	Не получали
Забродившие соевые бобы (糟醬)	1 го [≈ 0,1 л]	1 го [≈ 0,1 л]	1 го [≈ 0,1 л]	1 го [≈ 0,1 л]	Не получали
Водоросли (海藻)	2 рё [≈ 75 л]	2 рё [≈ 75 л]	2 рё [≈ 75 л]	2 рё [≈ 75 л]	2 рё [≈ 75 л]

¹ Рё (両) — мера веса. 37,3 г.

Ежедневные нормы выдачи продуктов питания	Переписчики	Писцы заголовков	Обработчики бумаги	Корректоры	Разнорабочие
Бурые водоросли (滑海藻)	2 рё [≈ 75 л]	2 рё [≈ 75 л]	2 рё [≈ 75 л]	2 рё [≈ 75 л]	2 рё [≈ 75 л]
Уксус (酢)	5 сяку [≈ 0,09 л]	5 сяку [≈ 0,09 л]	5 сяку [≈ 0,09 л]	5 сяку [≈ 0,09 л]	Не получали
Желе из водорослей (心太)	2 рё [≈ 75 л]	2 рё [≈ 75 л]	2 рё [≈ 75 л]	2 рё [≈ 75 л]	Не получали
Чай (茶子)	2 сяку [≈ 0,036 л]	2 сяку [≈ 0,036 л]	2 сяку [≈ 0,036 л]	2 сяку [≈ 0,036 л]	Не получали
Масло (油)	4 сяку [≈ 0,072 л]	4 сяку [≈ 0,072 л]	4 сяку [≈ 0,072 л]	Не получали	Не получали

Источник: составлено автором по материалам исследования.

Раздел К. Разное

В разделе К приведены заказы на разные материалы, необходимые при процессе копирования.

Перевод раздела К:

- (1) 1 то 4 сё и 3 го [стертая надпись] [10,65 л] соевых бобов нужны в объеме (1 сё скрепляет 1000 листов).
- (2) 2 то [0,2 л] бобов-адзуки.
- (3) 4 [исправлено на 3] маленьких ножа.
- (4) 1 точильный камень.

Комментарий:

Раздел К включает материалы, заказанные в небольшом количестве.

Обработчики бумаги скрепляли листы, превращая их в свитки. В качестве клея они использовали толченые соевые бобы, смешанные с водой. По реконструкции Сакаэхара Товао этот состав обладал высокой степенью водостойкости [Sakaehara 2011, p. 129].

Бобы-адзуки служили моющим средством для рук и одежды, а маленькие ножи применялись для выскабливания ошибок в тексте.

На этом черновик сметы завершался, далее следовали уже изученные разделы В и С.

Заключение

Анализ материалов «Проекта трех сутр» 754 г. позволил реконструировать ключевые аспекты деятельности скриптория на начальном этапе работы над проектом, процесс подготовки к переписке, систему распределения обязанностей, принципы снабжения, размеры жалования и особенности пищевого рациона служащих.

Скрипторий представлял собой государственное ведомство, в котором совмещались как религиозные практики, так и светские, и основной задачей которого было воспроизведение сакральных текстов. В 754 г. Сякёдзё находился в ведении Бюро по строительству Тодайдзи и имел тесные связи с государственными структурами.

Служащие скриптория, находясь почти на полном государственном обеспечении, вели образ жизни, близкий к монашескому: они были обязаны соблюдать физическую и духовную чистоту, следовали особой диете, получали жалование в форме монашеского подаяния, а их одежда служила эквивалентом рясы. В 754 г. штат скриптория насчитывал 2783 человека, распределенных по трем основным отделам: обработка бумаги, переписка сутр и корректура. В их состав входили обработчики бумаги (271 человек), переписчики (1885 человек), писцы заголовков (7 человек) и корректоры (440 человек), составлявшие ядро работников, непосредственно занятых в переписке сутр. Кроме того, в штате числились разнорабочие (180 человек) и крестьяне, отбывавшие трудовую повинность (их точное количество неизвестно). Руководство проектами по переписке осуществлял заведующий административной работой *андзу* и его помощники.

Процесс переписки начинался с поступления заказа от государства или частного лица. После этого скрипторий, скорее всего под руководством *андзу*, составлял смету и направлял ее заказчику. В случае «Проекта трех сутр» инициатором выступало государство, а непосредственным заказчиком — храм Хоккэдзи, игравший важную роль в системе кокубундзи.

Таким образом, деятельность скриптория в 754 г. представляла собой не просто административное управление, контроль за ресурсами и трудовыми обязанностями, но и религиозную практику. Исследование позволило выявить некоторые механизмы функционирования этого учреждения: от подготовки материалов до взаимодействия с государственными органами. «Проект трех сутр» демонстрирует, что скрипторий выступал как важный центр книжной культуры и являлся важным звеном государственной политики периода Нара.

Библиографический список

Игнатович А. Н. Буддизм в Японии. Очерк ранней истории. М.: Наука, 1988.

Свод законов «Тайхорё», 702—718 гг., XVI—XXX законы / пер. и комм. К.А. Попова. М.: Наука, 1985.

References

Ignatovich, A. N. (1988). *Buddizm v Yaponii. Ocherk rannei istorii* [Buddhism in Japan: An Outline of Early History]. Moscow: Nauka. (In Russian).

Popov, K. A. (1985) *Svod zakonov «Taikhore», 702—718 gg., XVI—XXX zakony* [The Taihoryo Code of Laws, 702—718, Laws XVI—XXX]. Moscow: Nauka. (In Russian).

* * *

Kurihara, Haruo. (1974). *Nara-chō shakyo no seizaku tejun* [The Process of Sutra Copying in the Nara Period]. In *Zoku Nihon Kodai-shi Ronshū* [Collected Essays on the History of Ancient Japan] (pp. 633—652). Tokyo: Yoshikawa Kobunkan. (In Japanese).

Lowe, B. D. (2017). *Ritualized Writing: Buddhist Practice and Scriptural Cultures in Ancient Japan*. Honolulu: University of Hawai Press.

Sakaehara, Towaō. (2011). *Shōsōin Bunsho Nyūmon* [Introduction to the Documents of the Shōsōin]. Tokyo: Kadokawa Gakugō Shuppan. (In Japanese).

Visser, M.W. de. (1935). *Ancient Buddhism in Japan*. Vols. 1—2. Leiden: E. J. Brill.

Wadō Kaichin ni Miru Zei to Kyūryō [The Coinage of Wadō in the 8th Century: Money and Prices]. Retrieved April 3, 2025, from https://www.imes.boj.or.jp/cm/research/zuroku/mod/07kikaku_wadocatalogue11-15.pdf. (In Japanese).

Yamashita, Yumi. (2006). *Tenpyō no shakyo to shakyojo* [Sutra Copying and Scriptoriums of the Tenpyō Period]. In *Tenpyō Shakyo to Sono Shūhen* [Sutras of the Tenpyō Period and Its Surroundings] (pp. 15—26). Kyoto: Bukkyō Bijutsu Kenkyū Ueno Kinen Zaidan Jōsei Kenkyūkai. (In Japanese).

Yoshida, Takashi. (1983). *Ritsuryō Kokka to Kodai no Shakai* [The Society of the Ritsuryō State and Ancient Society]. Tokyo: Iwanami Shoten. (In Japanese).

Поступила в редакцию: 05.04.2025

Received: 05 April 2025

Принята к публикации: 23.10.2025

Accepted: 23 October 2025

А.В. Суховерхов, Ю.О. Криницкая

Эстетизация мудрости и обыденности как отличительная особенность интеллектуальной культуры Японии

Аннотация. В статье проводится сравнительный анализ и выявляется уникальная специфика японской эстетической культуры, показаны мировоззренческие основания таких ее основных категорий, как *моно-но аварэ*, *югэн*, *ваби-саби* и *ма*. Рассматриваются также современные японские исследования, не переведенные на русский язык, направленные на изучение менее известных эстетических понятий, например, категорий *фурю* (風流) или *датэ* (だて). Показано, что в отличие от европейской *рациональной* эстетической культуры, для которой характерен поиск «логики» и «числа красоты», японская эстетика *иррационально* интеллектуальна. Такая иррациональность показана на примере категории *югэн* (幽玄, сокровенный, тайный), описывающей потаенную красоту, которую нельзя описать числом или формой. Другой особенностью традиционной японской культуры является универсальная эстетизация жизни, умение превращать в искусство даже повседневность. В связи с этим утверждается, что японский интеллект эстетичен, а эстетика отражает мудрость познания природы вещей. В работе также сопоставляется идея древнегреческой *калокагатии*, объединяющей прекрасное и нравственно совершенное, с моральными аспектами японской теории красоты. Показано, что культ аскетичности, простоты и естественности, например, в теории *ваби* (侘 — скромная простота) является важным условием постижения красоты мира, эстетизации повседневного, создания архитектуры. В работе выявлено, что любование «печальным очарованием вещей» сближает русские и японские эстетические чувства. Особое внимание в работе уделяется изучению того, как теория прекрасного и общее мировоззрение японцев находят свое отражение в уникальных архитектурных концепциях, в частности, в идее *ма* (間) — «осмысленной пустоты». В заключении обосновывается, что эстетика в Японии — это не просто одно из направлений ее культуры, а ее *modus vivendi* — образ жизни, определяющий сущность и мудрость всей ее *традиционной* культуры. Предполагается, что популяризация японского эстетического мировоззрения может сыграть важную роль в мировой культуре для формирования «экологического мышления», созерцательного, а не потребительского отношения к природе.

Ключевые слова: японская эстетика, моно-но аварэ, югэн, ваби-саби, ма, архитектура Японии, эстетизация повседневности.

Авторы: Суховерхов Антон Владимирович, кандидат философских наук, доцент Кубанского государственного аграрного университета им. И.Т. Трубилина (адрес: 350044, Краснодар, ул. Калинина, д. 13).

ORCID: 0000-0002-0357-4013. E-mail: sukhoverkhov.ksau@gmail.com

Криницкая Юлия Олеговна, студентка Кубанского государственного аграрного университета им. И.Т. Трубилина (адрес: 350044, Россия, Краснодар, ул. Калинина, д. 13). E-mail: krinitaskayay@gmail.com

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Суховерхов А.В. Криницкая Ю.О. Эстетизация мудрости и обыденности как отличительная особенность интеллектуальной культуры Японии // Японские исследования. 2025. № 4. С. 44—58.
DOI: 10.55105/2500-2872-2025-4-44-58.

A.V. Sukhoverkhov, Y.O. Krinitskaya

The aestheticization of wisdom and homeliness as a distinctive feature of the intellectual culture of Japan

Abstract. The article reveals the distinctive features of Japanese aesthetic culture and the conceptual foundations of its main aesthetic categories (*mono no aware*, *yugen*, *wabi-sabi*, *ma*). It is shown that, in contrast to European rational aesthetic culture, which is characterized by the search for “logic” and “the number of beauty,” Japanese aesthetics is irrationally intellectual. Such irrationality is illustrated by the example of the category *yugen* (“intimate, secret”), which describes hidden beauty that cannot be described by number or shape. Another feature of traditional Japanese culture is the universal aestheticization of life, ability to transform everyday life into art. In this regard, it is argued that Japanese intelligence is aesthetic, and aesthetics reflects the wisdom of the true nature of things. Further, the idea of the ancient Greek *kalokagathia*, which unites the beautiful and morally perfect, is compared with the moral aspects of the Japanese theory of beauty. It is shown that the Japanese practice of asceticism, simplicity and naturalness, for example, in the theory of *wabi* (“modest simplicity”), is an important precondition for comprehending the beauty of the world, aestheticizing everyday life, and designing architecture. The work reveals that admiring the “sad charm of things” brings Russian and Japanese aesthetic feelings closer together. Particular attention is paid to the study of how the theory of beauty and the general worldview of the Japanese are reflected in their unique architectural concepts, in particular, in the idea of *ma* — “meaningful emptiness.” In conclusion, it is argued that aesthetics in Japan is not just one of the directions of its culture, but its *modus vivendi* — a way of life that determines the essence and wisdom of its entire *traditional* culture. It is assumed that the popularization of the Japanese aesthetic worldview can play an important role in global culture, contributing to the formation of “ecological thinking” and a contemplative, rather than consuming, attitude towards nature.

Keywords: Japanese aesthetics, *mono no aware*, *yugen*, *wabi-sabi*, *ma*, Japanese architecture, aestheticization of everyday life.

Authors: Sukhoverkhov Anton V., Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Kuban State Agrarian University named after I. T. Trubilin (address: 13 Kalinina Str., Krasnodar, 350044, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-0357-4013.

E-mail: sukhoverkhov.ksau@gmail.com

Krinitskaya Yulia O., student, Kuban State Agrarian University named after I. T. Trubilin (address: 13 Kalinina str., Krasnodar, 350044, Russian Federation).

E-mail: krinitskayay@gmail.com

Conflict of interests. The authors declare the absence of the conflict of interests.

For citation: Sukhoverkhov, A.V., Krinitskaya, Y.O. (2025). Estetizatsiya mudrosti i obydennosti kak otlichitel'naya osobennost' intellektual'noi kul'tury Yaponii [The aestheticization of wisdom and homeliness as a distinctive feature of the intellectual culture of Japan]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2025, 4, 44—58. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2025-4-44-58.

Введение

Особенность японской эстетической культуры состоит в ее глубокой связи с пониманием мимолетной природы мира и вещей, осознанием краткости человеческого существования [Скворцова 2011; Carter 2019]. Утонченный колорит японского мировоззрения во многом определяется идеями буддизма, но и сам буддизм наполнился в Японии новым, эстетическим содержанием. Японская эстетика вещей наполнена мудростью, что выражается в действиях, доведенных до простоты и совершенства. Философ Куки Сюдзо, исследовавший понятие *ики* (粋), показал, что это не просто эстетическая категория, означающая изысканность, простоту, спонтанность; за ней стоит жизненная философия, «эстетика повседневности», находящая выражение в поведении, моде, архитектуре и искусстве. *Ики* — это искусство быть настоящим, эстетическое поведение как способ утверждения духовной свободы в рамках строгой социальной формы [Nara 2004; Петрова 2021].

В древнегреческой культуре сформулировано понятие «калокагатия», означающее единство прекрасного и нравственно совершенного [Семушкин 2007]. О культуре Японии можно сказать, что в ней также соединяются красота и мудрость. Искусство каллиграфии (*сёдо*), создания цветочных композиций (*икэбана*) или же владения мечом (*кэндзюцу*) показывают, что ум и интеллигентность проявляются не только в накоплении и демонстрации знаний, но и в доведении любой деятельности до степени искусства. Судзуки Дайсэцу Тэйтаро не зря говорил, что «японцы — мастера превращать философию в искусство» [Скворцова 2021, с. 5]. В то же время традициям Востока близка идея калокагатии; многие наставники под влиянием идей Конфуция стремились достичь в своей деятельности единства прекрасного и нравственно совершенного [Sukhoverkhov et al. 2021; Луценко 2022]. При этом японцы тяготеют и к любованию естественной, нерукотворной красотой, достаточно назвать традиции *ханамы* (花見) — любования сакурой, *момидзигари* (紅葉狩) — любования кленовыми листьями и *цукими* (月見) — любования луной. Еще одна особенность — умение находить красоту в несовершенном, необработанном, видеть прекрасное в трещинках камня или шершавости старинных бытовых предметов (эстетика *ваби-саби*).

Статья ставит перед собой задачу выявить мировоззренческие (аксиологические, этические, когнитивные) основания японской эстетической культуры, показать влияние на ее становление китайской культуры и традиций буддизма. Мы попытаемся рассмотреть культурно-философские и исторические причины возникновения таких эстетических понятий, как *моно-но аварэ*, *югэн*, *ваби* и *саби*, сравнить перекликающиеся мотивы русского и японского эстетического мировосприятия. Отдельное внимание мы уделим изучению влияния природных и мировоззренческих факторов на формирование традиционной и современной архитектуры Японии, в частности, концепции *ма* (間) в дизайне интерьеров и садов.

Японская эстетическая культура в поисках собственной идентичности

Японское искусство стало предметом исследования европейских ученых лишь в конце XIX — начале XX в. Однако формирование основных принципов эстетики в Японии началось задолго до знакомства с методами западной науки. Японская эсте-

тика охватывает широкий спектр категорий — от минималистской красоты *ваби-саби* до скрытой *югэн*. Проанализировав развитие категории прекрасного в разные эпохи, Такахаси Хиронобу выявил восемнадцать понятий для обозначения различных аспектов красоты: *уцукуси*, *куваси/кухаси*, *киёси*, *киёра/киёгэ*, *саякэси*, *омосириси*, *уруваси*, *кирэи*, *намэмэкаси*, *кокоро-никуи*, *сабисии*, *датэ*, *моно-но-аварэ*, *саби*, *ваби*, *югэн*, *ики*, *мияби* [Takahashi 2017]. По словам Такахаси, японская эстетика как система сформировалась в эпоху Хэйан, тогда же появилось и большинство упомянутых эстетических понятий [Takahashi 2017, p. 163]. Фудзивара Сигэкадзу предлагает популяризировать еще один эстетический и мировоззренческий термин — *фурю* (風流, кит. *фэнлю*), Понятие это трактуется как красота, возникающая в движении, особое чувство изысканности, умение наслаждаться мимолетными и тонкими проявлениями прекрасного [Fuziwara Shigekazu 1994].

Появление эстетики как научной дисциплины в эпоху Мэйдзи связывают с именем Ниси Аманэ. Для термина «эстетика» предлагались разные варианты перевода, наиболее распространенным стал вариант Накаэ Тёмина 1882 г. — *бигаку* (美学), «наука о красоте» [Скворцова 2021, с. 10]. Для Японии вопрос национального основания культуры, отдельного от китайского и индийского влияний, был особенно актуален именно в эстетической сфере: в области традиционных искусств, ремесел и поэзии [Скворцова 2018⁶, с. 384]. Окакура Какудзо определил главные направления эстетического развития для Японии так: с одной стороны, поиск истоков самобытности, с другой — поиск путей взаимодействия с эстетической мыслью Запада [Скворцова 2021, с. 12].

Анализируя культуры Японии и Китая, философ Нисида Китаро приводил любопытное сравнение: «Как противоречивое существование аполлонической (оформленной) и дионисийской (бесформенной) частей способствовало развитию греческого общества в целом, конфуцианская (ритуализованная) и даосская (бесформенная) части взаимодополняют друг друга» [Скворцова 2021, с. 34]. По мнению Нисиды, японская культура не является интеллектуальной, рациональной; напротив, ее главная характерная черта — эмоциональность; она непостоянна, текуча. «Западные художники ищут форму, а мы — форму бесформенного», — говорил он [Скворцова 2018⁶, с. 399].

Для древнегреческой культуры и европейской культуры в целом характерно рациональное понимание красоты [Полякова, Суховерхов 2019; Pavlenko et al., 2020]. У Пифагора и Платона, а затем у художников и мыслителей эпохи Возрождения мы видим попытки осмысления природы прекрасного при помощи логики разума. Пифагор, Витрувий, Леонардо да Винчи и многие другие мыслители искали «число красоты», числовые закономерности прекрасного, наиболее популярной из которых было «золотое сечение» [Сучилин, Архипова 2008]. Основой западного эстетического сознания является та мысль, что чувство красоты вызывают предметы, обладающие объективными характеристиками, такими как симметрия, пропорциональность. В японской культуре мы видим обратное: разум и числа не способны отразить красоту, для ее постижения необходима иррациональная интуиция, поскольку «красота» воспринимается как особое состояние сознания того, кто ее ощущает [Chijiwa 1984; Takahashi 2017].

Под влиянием идей буддизма восточный эстетический опыт предполагает выход за пределы обыденного восприятия, «поиск образа вне образа» [Жюльен 2014; Филоненко, Третьякова 2022]. Процесс создания и восприятия произведения искусства мыслится как форма медитации, ведущей к прямому видению истины. Творчество само по себе является одной из форм духовного просветления. В частности, каллиграфия — это не просто искусство красивого написания иероглифов, а своеобразная «динамическая медитация», выходящая за пределы текста [He Jingsong 1991; Sato 2014]. Практика каллиграфии рождает момент *асоби-гокоро* (遊び心), «играющего сердца», позволяет пишущему на мгновение отказаться от привязанностей и достигнуть каллиграфического «просветления» [Филоненко, Третьякова 2022, с. 176]. Для европейской культуры использование письма как средства постижения высшей мудрости, как медитативной практики или искусства нравственного совершенствования представляется по большей части избыточным усложнением обыденного действия, хотя практики, схожие с японскими, иногда и встречаются.

Таким образом, к отличительным чертам японской эстетики можно отнести: опору на внутренние переживания, идею процессуальности, «текучести» реальности, эстетизацию бесформенного и асимметричного, созерцательность, иррациональность. Другим важным аспектом является ее тесная взаимосвязь с традициями буддизма, даосизма и конфуцианства, которые уникальным образом преобразовались в Японии. Рассмотрим в первую очередь иррациональные аспекты японского мировосприятия красоты и их взаимосвязь с идеями буддизма и даосизма.

Иррационализм японской эстетической культуры:

моно-но аварэ и югэн

Сакабэ Мэгуми утверждал, что прекрасное — это не то, что можно познать и чем можно овладеть; с ним можно только соприкоснуться, но нельзя сделать объектом: «Красота несовместима с научностью, она по своей сути противоречит самому понятию науки. Сегодня в области эстетики по отношению ко многим аспектам эстетического сознания и эстетической деятельности употребляется метаязык, связанный с пустыми понятиями, которые описывают трансцендентный слой бытия» [Скворцова 2018^a, с. 179]. Нисида Китаро в свое время дал похожее определение: «Красота как таковая — это непосредственно-интуитивно постигаемая истина, выходящая за пределы рациональной аналитики» [Скворцова 2021, с. 64].

Многие японские эстетические категории не имеют прямых аналогов в европейских языках, а сам японский язык, с его многообразием семантических нюансов и зависимостью от контекста, хуже других поддается машинному переводу [Суховерхов и др. 2019]. Это приводит к тому, что создаются системы, пытающиеся учитывать контекст в переводе [Honda et al. 2023], но смогут ли они передать, например, все многообразие оттенков смыслов и эмоций хокку? Эту же проблему, но в восприятии цвета, показывает Тидзиива Хидзаки в работе «Видеть цвет сердцем» [Chijiiwa 1984]. Автор противопоставляет западную систему *объективных* цветовых измерений и японскую традицию интуитивного, «нелогичного» восприятия цвета. Он утверждает, что цвет нельзя объяснить только длиной волны или физическими свойствами, в «чувстве» цвета всегда присутствует нечто, выходящее за пределы слов и логики

(воспоминания, ассоциации, культурные традиции). Такой же интуитивный и «импрессионистский» подход может быть применен и в методологии изучения природы языка [Sukhoverkhov, Karipidi 2024].

Иррациональное восприятие прекрасного нашло свое отражение в таких эстетических категориях, как *моно-но аварэ* и *югэн*, которые олицетворяют своеобразные архетипы японской культуры. *Моно-но аварэ* обычно с японского переводится как «печальное очарование вещей». В толковом словаре «Кодзиэн» *моно-но аварэ* концептуально объясняется как «ощущение гармонии мира, вызываемое слиянием субъективного чувства (*аварэ*) с объектом (*моно*)» [Ганова 2018, с. 174]. *Моно-но аварэ* акцентирует внимание на временном, преходящем характере вещей и явлений, а также нашей эмоциональной связи с ними, подчеркивает их бренность и изменчивость, вызывая печаль. В интерпретации Такахаси Хиронобу *моно-но-аварэ* обозначает как «тонкое, глубокое чувство, возникающее при созерцании едва уловимых изменений природы, так и признание неизбежности судьбы» [Takahashi 2017, p.161]

Термин *аварэ* несколько раз появлялся в историко-мифологических текстах VIII в. «Кодзики» и «Нихонги», однако его смысл продолжал меняться вплоть до эпохи Токугава [Скворцова 2021, с. 202]. В антологии «Манъёсю» (VIII в.) тонкое и неоднозначное чувство, вызываемое, например, жалобными криками птиц или других животных, передается междометием *аннаре* («ах») [Ганова 2018, 174]. Насколько сложно выразить в словах эмоции, вызывающие у нас «ах», настолько же сложно передать всю суть *моно-но аварэ*. «*Аварэ* — голос печали, который вырывается, когда сердце печалится от того, что видит, слышит, с чем соприкасается» [Скворцова 2021, с. 206]. Олицетворением мимолетной красоты с нотками грусти являются цветы сакуры [Prusinski 2012, p. 28]. Можно задаться вопросом: почему из многих цветущих деревьев именно она стала символом Японии? Вся суть в длительности цветения. Сакура цветет неделю с небольшим, а ее лепестки практически сразу начинают осыпаться. Ониси Ёсимори считал, что *аварэ* соединяет природный Универсум и человека: человек погружается в Природу и именно при таком погружении достигает состояния *аварэ*. Оно находится на границе человеческих эмоций и природного феномена, субъект и объект соединяются в моменте *аварэ* [Скворцова 2021, с. 188]. М.П. Герасимова отмечает, что именно *моно-но аварэ* «стало исходной точкой в цепи пониманий прекрасного — *югэн*, *ваби-саби*, которые проявились позже, под влиянием даосизма и буддийских учений» [Герасимова 2013, с. 71].

Югэн — другая эстетическая категория, которую трудно перевести на западные языки и подвергнуть научной рационализации. Монах-поэт XV века Сётэцу писал: «*Югэн* можно постичь умом, но невозможно выразить словами. О его качестве можно судить по виду тонкого облака, скрывающего луну, или по осеннему туману, окутывающему алые листья на склоне горы» [Скворцова 2021, с. 1]. Сложное и многогранное понятие по сей день является предметом дискуссий. Оно призвано описать скрытую и потаенную красоту, возникающую из вещей тонких, неуловимых и неопишуемых. В «Похвала тени» Танидаки Дзюнъитиро воплощением *югэн* выступает образ двери, скрывающей таинство жизни семьи от посторонних глаз [Бурцева 2014, с. 55].

Некоторые исследователи соотносят понятие *югэн* с даосским понятием *Дао*, которое невозможно выразить словами [Мухаметзянов, Сомкина 2018, с. 166]. В Японии термин был эстетизирован, приобретя эмоциональную и философскую окраску.

ность [Takahashi 2017, p. 162]. *Югэн* постулирует: в мире есть скрытая глубина и сложность, которые нам не видны. Практику постижения этой глубины и красоты вещей поэт XIII в. Фудзивара-но Тэйка сравнивает с буддийским понятием *сатори* — озарением, интуитивным пониманием [Takahashi 2017, с. 166]. В этом смысле постижение прекрасного является иррациональным, глубоко духовным процессом, содействующим эмоциональному обогащению и духовному возвышению [Бурцева 2014, с. 58]. Как и буддизм традиции дзэн, *югэн* побуждает смотреть за пределы поверхности вещей и ценить скрытую суть мира. Эту глубину, находящуюся за пределами нашего понимания, можно найти в любом моменте повседневности — в падающих лепестках цветущей сливы или лучах солнца в лесной чаще (木漏れ日, *коморэби*). Такую мудрость не провозглашают с общественных трибун и не излагают в абстрактных понятиях, она проста и постигается скромностью и одиночеством, молчаньем ума и интуицией сердца. Как говорит исследователь искусства каллиграфии Хэ Цзинь-сун, «глубокое содержание, простое выражение» [He Jinsong 1991, p. 95].

Этика и эстетика скромности: *ваби* и *саби*

Другими фундаментальными понятиями японской эстетики являются категории *ваби* и *саби*, появление которых во многом обусловлено идеями синтоизма и буддизма. Эти категории наиболее ярко отражают специфику японской культуры и по сей день влияют на формирование особого отношения японцев к природе, художественным традициям и быту [Ганова 2018, с. 173].

Слово *ваби* (侘) имеет значение «простота», «естественность», «грубость», «асимметричность» [Ганова 2015, с. 190]. Как философское и эстетическое понятие оно означает способность смириться с материальным дефицитом и неудобствами и ощутить красоту в простоте и спокойствии. *Ваби* — это когда даже в стесненных обстоятельствах не возникает мысли о трудностях, даже в условиях нехватки чего-либо человек не движим чувством нужды, столкнувшись с неудачей, не размышляет о несправедливости. В классической поэзии *вака* понятие *ваби* употребляли при описании утраты, бедности, чуждости, печали, одиночества, эмоциональной истощенности [Takahashi 2017, p. 162; Скворцова 2021, с. 281]. Поэты считали, что не стоит переоценивать красоту природы в моменты ее наивысшего расцвета. Считается, что олицетворением *ваби* стало стихотворение поэта Фудзивара-но Садаиэ (1162—1241):

Не вижу я вокруг
Ни цвета нежных вишен,
Ни алых кленов.
Только унылая хижина на пустом берегу,
В дымке осенних сумерек [Балакаева, Османова 2017, с. 151].

Необходимо отметить, что такие нотки грустного любования красотой природы встречаются и в русской поэзии и прозе [Грудева 2012, с. 6]. Например, А.С. Пушкин любил именно осень и считал это время года лучшим для поэзии: «Унылая пора! очей очарованье! // Приятна мне твоя прощальная краса — // Люблю я пышное природы увяданье...». В связи с этим некоторые исследователи сближают японскую эсте-

тику и идеи «русской тоски», «неброской красоты», широко представленные в русской литературе [Ткаченко, Потапчук 2018; Третьякова, Аганина 2023].

В контексте изобразительного искусства и дизайна принципы *ваби* проявляются в красоте, проистекающей из простоты, несовершенства и скромности. По мнению Окакура Какудзо, такую традицию заложили мастера чая, именно они привили японцам «естественную любовь к простоте» и показали им «красоту смирения» [Окакура 2014, с. 53].

Таким образом, «эстетизация повседневности», «эстетика упрощенной формы» *ваби* имеет не только эстетический, но и этический аспект [Третьякова, Аганина 2023, с. 120]. Идея *ваби* в «Пути чая» радикально изменила смысл самого направления эстетического стиля жизни, а также характер художественной выразительности и восприятие японцев [Скворцова 2021, с. 279]. В частности, стали высоко цениться в качестве эстетических достоинств такие внешние аспекты, как асимметрия, незавершенность, бесформенность и грубая простота [Скворцова 2021, с. 280].

Ваби отражает идею деревенской простоты, скромной жизни. Быть бедным согласно *ваби* — значит не зависеть от мирских вещей (от состояния, власти и репутации) и при этом обладать достоинством, чувством внутренней ценности, которое не зависит от времени и социального положения [Аветисян 2014, с. 256]. В этом понятии находят отражение буддийские идеи жизни, свободной от привязанностей, и достижения просветления через практику аскезы. Принцип естественности, жизни в гармонии с природой, вероятно, сформировался под влиянием даосских идей [Третьякова, Аганина 2023, с. 122].

В понятии *саби* отражается японская эстетика красоты в несовершенствах и изъянах, возникающая в результате течения времени, в эффектах выветривания и естественного распада. Эстетическое чувство могут вызывать ветхие и изношенные вещи, такие как старое, склонившееся под собственным весом дерево или ржавый металл, покрытый мхом камень или потрескавшаяся керамика со сколами и трещинами. Эти объекты, главной внешней характеристикой которых выступает обветшалое их состояние, рассматриваются как отражение непостоянства и быстротечности всех вещей, что также было присуще *моно-но аварэ*. Д. Судзуки в книге «Дзэн и японская культура» писал: «Когда эта красота несовершенства вещи сочетается с ее древностью или примитивной грубоватостью, мы имеем проблеск *саби*... *Саби* состоит в простой естественности или в архаическом несовершенстве, во внешней простоте или в отсутствии усилия в исполнении» [Аветисян 2014, с. 255].

Саби — это также одна из основных эстетических концепций поэзии в стиле Басё, означающая состояние внутреннего покоя, изысканности и сдержанности автора, создающей атмосферу уединенности, скудости и духовной глубины [Takahashi 2017, p. 162]. Л. Т. Балакаева и М. С. Османова показывают, что примером *саби* в японской поэзии являются строки ученика Мацуо Басё поэта Мукай Кёрай, в которых он стремился зафиксировать момент непостоянства в естестве увядающей природы:

Два седых старика

Голова к голове

Любуются цветом вишни [Балакаева, Османова 2017, с. 151].

Сопоставляя понятия, Такахаси Хиронобу утверждает, что *ваби* — это красота, основанная на принятии бедности, простоты и отказе от мирской суеты, красота аскезы, тогда как *саби* — стремление возвысить одиночество и уединение до уровня красоты [Takahashi 2017, p. 162]¹.

Важно отметить, что со временем, эти два понятия объединились в одну эстетическую концепцию *ваби-саби*. В эпоху Камакура (1185—1333) *аварэ* свелось к постижению скрытой, таинственной, непознаваемой сути всего сущего *югэн*, выраженной в любовании простыми, неброскими, одинокими предметами, вызывавшими чувство *ваби-саби* [Ганова 2018, с. 174—175]. По мнению японцев, *ваби-саби* — это ускользающее чувство истинной красоты, пронизывающей все живое и не свойственной всему «отлакированному» и симметричному.

Часто *ваби-саби* рассматривается в качестве главного японского философского термина мировоззренческого характера, который появился в ответ на чрезмерное украшательство в предметах искусства. Новая концепция олицетворяла собой целостную эстетику, включающую в себя красоту несовершенства, мимолетность естественного мира. Она распространилась через *хайку* (поэзия *вака*), через очарование храмов в Киото, японские сады, такие как Карэ-сансуй, а также через картины, написанные тушью. Метафизика *ваби-саби* уходит корнями в философию дзэн-буддизма, которая подчеркивает важность жизни в настоящем моменте и нахождение красоты в непостоянстве (無常, *мудзё*), в понимании отсутствия собственной природы вещей (空, *ку*) и их исходном несовершенстве. Это не просто визуальная эстетика, это образ жизни, мировоззрение и духовная практика. Дух *ваби-саби* присутствует в ощущении японцами смены времен года и их любви к сакуре и саду камней. Также в мероприятиях, посвященных любованию луной, считается красивым не только полнолуние, но и полумесяц, и луна, частично скрытая облаками и дымкой, что оставляет пространство для воображения. Это соответствует и принципам *ваби-саби*, и принципам *югэн*.

Особенности архитектурных и интерьерных решений японской культуры

Одна из основных климатических проблем в Японии — чрезмерная влажность, достигающая 100% в летнее время и создающая благоприятные условия для распространения различных грибов, инфекций и плесени, а также ускоряющая процесс гниения. Следствием этого становится снижение износостойкости как строений, так и предметов быта, убранства помещений. Адаптируя свои жилища, японцы стали поднимать здания над уровнем земли. К периоду Кофун (300—538 н.э.) над уровнем земли строятся даже святилища (например, Исэ). С целью сквозного проветривания, появляются *сёдзи* — раздвижные стены, выполняющие функцию дверей или окон, что влияет на восприятие пространства японцами и формирует непривычное для нас зонирование жилья. Чтобы защитить бумажные и тканевые сте-

---

¹ Автор также отмечает, что главная особенность японского эстетического сознания — отказ от яркости и показной роскоши. Эта концепция нашла отражение и в другом старинном эстетическом термине, забытом в современной культуре Японии, — *датэ*, означающем скромность, глубокую, но незаметную заботу и отсутствие преувеличений [Takahashi 2017, p. 165].

ны, а также деревянный каркас дома от осадков, свес крыши продляется благодаря хвостовым стропилам.

Так климатический фактор формирует японский минимализм или же эстетику в простоте — основной принцип *ваби-саби*. Из-за чрезмерной влажности, а также тайфунов и землетрясений вытекает концепция избавления от излишеств и идея непостоянства жилища. Например, святилище Исэ перестраивается каждые 20 лет. Климат словно ускоряет цикл жизни всех вещей, увядание и изнашивание всего не могут остаться незамеченными человеком. Неудивительно, что наблюдение за этими процессами формирует у японца ощущение временности бытия — важный принцип *ваби-саби*. Отсюда же и пристрастие к неидеальным, изношенным временным вещам: старинной мебели, покрытому мхом камню и изветшалому дереву. Поэтому в дизайне и архитектуре Японии часто используются ассиметричные и природные формы.

Другой яркий образ, который характеризует японскую архитектуру, — это комната традиционного каркасного домика с окном и перегородкой *сёдзи*, которые открывают вид на зеленый сад, а также одинокой жаровней *котацу* в центре комнаты. В этом образе главным является «осмысленная пустота» как отсутствие наполнения, обозначаемое понятием *ма* (間). *Ма* обозначает пространство между чем-либо, пустоту в пространстве и времени, паузу, пограничную зону. «Этот концепт органично соотносится как с фундаментальной идеей пустоты как отсутствием наполнения в буддийской метафизике, так и с постулатами синтоизма, основанными на всеобъемлющей гармонии с явлениями природы и в целом со вселенной» [Лихолетова 2019, с. 93]. Концепция воплощается в планировке помещений и садов, образуя свободное пространство, пустоту между объектами. Например, в саду камней *ма* — это пространство между камнями: вода или же песок, гравий, которые символизируют воду. Своего апогея *ма* достигает в обустройстве *тясицу* — чайного павильона, находящегося в глубине чайного сада, где убранство чайной комнаты человеком западной культуры скорее будет воспринято как отсутствие убранства, пустота. «Помещение для проведения чайной церемонии должно быть свободно от привязанности к материальным объектам... Незаполненное пространство увеличивает энергетику общения участников чайной церемонии, а каждый предмет, использующийся во время церемонии, приобретает особую значимость и ценность» [Лихолетова 2019, с. 94].

Еще менее очевидны в архитектурных и дизайнерских проектах использование принципов *югэн*. *Югэн* в архитектуре — это уровень глубины, неочевидной, неосознанной и интерпретируемой каждым человеком по-своему. Такого эффекта добиваются отсутствием видимости общей картины и концентрацией внимания на определенном, менее значимом фрагменте, посредством игры со светом и тенью, перегородками или оконными проемами. «Отсюда мы можем проследить и особенность освещения в интерьере традиционного японского жилища, где свет не призван выделить предметы из среды, он как бы помогает “укутать” предметы в пелену тени» [Бондаренко 2020, с. 92—93].

Принципы *югэн* воплощались и в японских садах. Наполнение территории сада с высоты человеческого взгляда по большей части скрыто: одни элементы декора перекрывают другие, а фасад здания частично заслонен озеленением. Традиционно сад проектировался вместе с интерьером, что подразумевало любование им в первую

очередь изнутри, тем самым создавалась удивительная диффузия помещения с внешней средой.

Главный принцип синтоизма заключается в жизни в согласии с природой и людьми. Поэтому на фасадах, в отделке помещения и в элементах декора используются природные мотивы и формы, естественные материалы: дерево, камень, глина и т. д. И по сей день в японской архитектуре при проектировании здания одной из задач является достижение гармонии внутреннего и уличного пространства, искусственного и естественного.

Заключение

Японская культура в целом и эстетические чувства японцев в частности довольно сложны для понимания западной цивилизацией. Мы можем теоретически/рационально понять концепции, проследить их генезис, но, чтобы в полной мере познать культурные особенности японского чувства прекрасного, предмет созерцания этого чувства, необходимо погружение в культуру, непосредственное чувствование живого предмета или пространства, «нахождение в прекрасном». Традиционная японская мудрость проявляется в умении видеть красоту обычных вещей и доводить повседневные действия до эстетического совершенства. В этом смысле красота — это образ жизни, в котором проявляется мудрость, знания и забота человека. М. С. Третьякова и Н. С. Аганина отмечают, что даосизм научил японцев «искусству пребывания в мире», а дзэн-буддизм — идее «жизни как искусства», эстетизации повседневности [Третьякова, Аганина 2023, с. 122]. Однако верно и другое суждение — даосизм и буддизм сами были эстетизированы в Японии. Превращение повседневного в искусство необходимо отнести к уникальной особенности традиционной японской культуры и мировоззрения. В целом японская эстетическая культура может быть оценена именно как уникальная философия жизни, образ жизни японцев, реализующийся в гармонии с природой. Такое мировоззрение может быть широко популяризировано в мировой практике как основа для развития «экопоэзиса», «экологического мышления», созерцательного, а не потребительского отношения к природе [Elliot, Gare 1983; Корутин, Gare 2023]. В то же время необходимо отметить, что в современной японской культуре мы видим все меньше такой утонченной эстетики, происходит смешение европейской и восточных культур, рационализация искусства и природы, а ускорившийся темп общественной жизни приводит к потере глубины и созерцательности. Однако сохранение и популяризация лучших достижений традиционной японской культуры может содействовать их дальнейшей интеграции в мировую культуру.

Библиографический список

- Аветисян А.Д. Эстетика югэн, саби, ваби, нарэ и вкус умами. Декоративное искусство и предметно-пространственная среда // *Вестник РГХПУ им. СГ Строганова*. 2014. №1. С. 248—263.
- Балакаева Л.Т., Османова М.С. Дзен буддизм в японской поэзии // *Journal of Oriental Studies*. 2017. Т. 80. №. 1. С. 148—153.

Бондаренко А.О. Роль света и тени в традиционном японском интерьере. *Синтез искусств в проектировании среды*. 2020. С. 91—96.

Бурцева М.А. Интерпретация эстетического принципа югэн в трактате Д. Танидзаки «Похвала тени» // *Проблемы востоковедения*. 2014. № 2(64). С. 53—58.

Ганова К.С. Эстетические категории японской культуры // *Культурное наследие Сибири*. 2018. № 1(25). С. 172—177.

Ганова К.С. Критерии художественности в японском искусстве через эстетические категории «ваби» и «саби». *Ломоносовские чтения на Алтае: фундаментальные проблемы науки и образования. Алтайский государственный университет*. Барнаул. 2015. С. 3697—3700.

Герасимова М. П. Изменение массового сознания в японском обществе // *Историческая психология и социология истории*. 2013. Т. 6. № 2. С. 65—78.

Грудева Е.А. Динамика концептуальных признаков имени концепта осень в текстах русской художественной литературы XIX и XX веков // *Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета*. 2012. №. 75. С. 1073—1084.

Жюльен Ф. Великий образ не имеет формы, или через живопись-к не-объекту. Москва: Ад Маргинем Пресс. 2014.

Лихолетова О.Р. Концепт «間 МА» и способы его репрезентации в японском языке // *Филологические науки в МГИМО*. 2019. Т. 19. №. 3. С. 92—99.

Мухаметзянов Р.Р., Сомкина Н.А. Влияние китайской эстетики на восприятие природы в Японии. *Россия — Япония: политика, история и культура*. Казань: Издательство Академии наук. 2018. С. 163—167.

Окакура Какудзо. Чайная церемония в Японии / пер. с яп. С. Белоусова Москва: Центрполиграф. 2014. 56 с.

Петрова А.А. Ики как категория японской эстетики: «Структура ики» Куки Сюдзо. Краснодар: Эпомен. 2021. С.16—24.

Полякова Ю.А., Суховерхов А.В. Число, судьба и красота: в поисках онтологического единства и научного обоснования. Краснодар: Эпомен. 2019. №. 30. С. 72—87.

Семушкин А.В. Античная калокагатия как общечеловеческий идеал совершенства // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия*. 2007. №. 3. С. 52—59.

Скворцова Е.Л. Японская эстетика: от традиции к философии // *Филология: научные исследования*. 2011. №. 4. С. 5—19.

Скворцова Е.Л.(а) Сакабэ Мэгуми о мимезисе, модоки и неличности японской культуры // *Вестник Института востоковедения РАН*. 2018. № 3. С. 178—188.

Скворцова Е.Л.(б) Нисида Китаро о месте японской национальной культуры в мировом цивилизационном пространстве // *Труды Института востоковедения РАН*. 2018. № 9. С. 360—379.

Скворцова Е.Л. Японская эстетика XX века. Антология. М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2021. 592 с.

Суховерхов А. В., де Витт Д., Манасиди И. И., Нитта К., Крстич В. Трудности машинного перевода: контекстная языковая неопределенность // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание*. 2019. №18(4). С. 129—144.

Сучилин В.А., Архипова Т.Н. К вопросу гармонии форм и золотого сечения // *Теоретические и прикладные проблемы сервиса*. 2008. №3. С. 60—64.

Ткаченко С.С., Потапчук В.И. Печальное очарование вещей как эстетический принцип. *Межкультурный диалог в пространстве стран азиатско-тихоокеанского региона*. 2018. С. 44—49.

Третьякова М.С., Аганина Н.С. Японский дзэн и русская тоска: в поисках неброской красоты упрощения формы // *Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение*. 2023. № 51. С. 115—130.

Филоненко Н.С., Третьякова М.С. «Каллиграфия зримых образов»: произведения Юкэя Тэсимы // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Искусствоведение*. 2022. № 12(1). С. 164—179.

References

Avetisyan, A. D. (2014). Estetika yugen, sabi, vabi, nare i vkus umami [The Aesthetics of Yugen, Sabi, Wabi, Nare, and the Taste of Umami]. *Dekorativnoye iskusstvo i predmetno-prostranstvennaya sreda. Vestnik RGPU im. SG Stroganova*, 1, 248—263. (In Russian).

Balakaeva, L. T., & Osmanova, M. S. (2017). Dzen buddizm v yaponskoi poezii [Zen Buddhism in Japanese Poetry]. *Journal of Oriental Studies*, 80 (1), 148—153. (In Russian).

Bondarenko, A. O. (2020). Rol' sveta i teni v traditsionnom yaponskom inter'ere [The Role of Light and Shadow in Traditional Japanese Interiors]. In *Sintez iskusstv v proektirovanii sredy* (pp. 91—96). (In Russian).

Burtseva, M. A. (2014). Interpretatsiya esteticheskogo printsipa yugen v traktate D. Tanizaki «Pokhvala teni» [Interpretation of the Aesthetic Principle of Yugen in J. Tanizaki's Treatise “In Praise of Shadows”]. *Problemy vostokovedeniya*, 2 (64), 53—58. (In Russian).

Filonenko, N. S., Tretyakova, M. S. (2022). «Kalligrafiya zrimykh obrazov»: proizvedeniya Yukeya Tesimy [“Calligraphy of Visible Images”: Works by Yukei Teshima]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Iskusstvovedenie*, 12 (1), 164—179. (In Russian).

Ganova, K. S. (2015). Kriterii khudozhestvennosti v yaponskom iskusstve cherez esteticheskie kategorii «vabi» i «sabi» [Criteria of Artistic Value in Japanese Art Through the Aesthetic Categories of “Wabi” and “Sabi”]. In *Lomonosovskie chteniya na Altae: fundamental'nye problemy nauki i obrazovaniya. Altayskii gosudarstvennyi universitet* (pp. 3697—3700). Barnaul. (In Russian).

Ganova, K. S. (2018). Esteticheskie kategorii yaponskoi kul'tury [Aesthetic Categories of Japanese Culture]. *Kul'turnoe nasledie Sibiri*, 1 (25), 172—177. (In Russian).

Gerasimova, M. P. (2013). Izmenenie massovogo soznaniya v yaponskom obshchestve [Changes in Mass Consciousness in Japanese Society]. *Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii*, 6 (2), 65—78. (In Russian).

Grudeva, E. A. (2012). Dinamika kontseptual'nykh priznakov imeni kontsepta osen' v tekstakh russkoi khudozhestvennoi literatury XIX i XX vekov [Dynamics of Conceptual Features of the Concept of Autumn in Texts of Russian Literature of the 19th and 20th Centuries]. *Politematicheskii setevoi elektronnyi nauchnyi zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*, 75, 1073—1084. (In Russian).

Julien, F. (2014). *Velikii obraz ne imeet formy, ili cherez zhivopis'-k ne-ob'ektu* [A Great Image Has no Form, or Through Painting — to a Non-object]. Translated by A. A. Petrova. Moscow: Ad Marginem Press. (In Russian).

Likholetova, O. R. (2019). Kontsept «間 MA» i sposoby ego reprezentatsii v yaponskom yazyke [The Concept of “間 MA” and Its Representation in the Japanese Language]. *Filologicheskiye nauki v MGIMO*, 19 (3), 92—99. (In Russian).

Mukhametzyanov, R. R., & Somkina, N. A. (2018). Vliyanie kitaiskoi estetiki na vospriyatie prirody v Yaponii [The Influence of Chinese Aesthetics on the Perception of Nature in Japan]. In *Rossiya — Yaponiya: politika, istoriya i kultura* (pp. 163—167). Kazan: Izdatel'stvo Akademii nauk. (In Russian).

Okakura, Kakuzō. (2014). *Chainaya tseremoniya v Yaponii* [The Tea Ceremony in Japan]. Translated by S. Belousov. Moscow: Tsentrpoligraf. (In Russian).

Petrova, A. A. (2021). Iki kak kategoriya yaponskoi estetiki: “Struktura iki” Kuki Syudzo [Iki as a Category of Japanese Aesthetics: “The Structure of Iki” by Kuki Shūzō]. *Epomen*, 52, 16—24. (In Russian).

Polyakova, Yu. A., & Sukhoverkhov, A. V. (2019). Chislo, sud'ba i krasota: v poiskakh ontologicheskogo yedinstva i nauchnogo obosnovaniya [Number, Fate, and Beauty: In Search of Ontological Unity and Scientific Justification]. *Epomen*, 30, 72—87. (In Russian).

Semushkin, A. V. (2007). Antichnaya kalokagatiya kak obshchechelovecheskii ideal sovershenstva [Classical Kalokagathia as a Universal Ideal of Perfection]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Filosofiya*, 3, 52—59. (In Russian).

Skvortsova, E. L. (2011). Yaponskaya estetika: ot traditsii k filosofii [Japanese Aesthetics: From Tradition to Philosophy]. *Filologiya: nauchnye issledovaniya*, 4, 5—19. (In Russian).

Skvortsova, E. L. (2018a). Sakabe Megumi o mimezise, modoki i nelichnostnosti yaponskoi kul'tury [Sakabe Megumi on Mimesis, Modoki, and Impersonality in Japanese Culture]. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*, 3, 178—188. (In Russian).

Skvortsova, E. L. (2018b). Nishida Kitaro o meste yaponskoi natsional'noi kul'tury v mirovom tsivilizatsionnom prostranstve [Nishida Kitaro on the Place of Japanese National Culture in the World Civilizational Space]. *Trudy Instituta vostokovedeniya RAN*, 9, 360—379. (In Russian).

Skvortsova, E. L. (2021). *Yaponskaya estetika XX veka. Antologiya* [20th Century Japanese Aesthetics. Anthology]. Moscow, Saint Petersburg. (In Russian).

Suchilin, V. A., & Arkhipova, T. N. (2008). K voprosu garmonii form i zolotogo secheniya [On the Question of the Harmony of Forms and the Golden Ratio]. *Teoreticheskie i prikladnye problemy servisa*, 3, 60—64. (In Russian).

Sukhoverkhov, A. V., de Witt, D., Manasidi, I. I., Nitta, K., & Krstich, V. (2019). Trudnosti mashinnogo perevoda: kontekstnaya yazykovaya neopredelennost' [Difficulties of Machine Translation: Contextual Linguistic Ambiguity]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykovedenie*, 18 (4), 129—144. (In Russian).

Tkachenko, S. S., & Potapchuk, V. I. (2018). Pechal'noe ocharovanie veshchei kak esteticheskii printsip [The Sad Charm of Things as an Aesthetic Principle]. *Mezhkul'turnyj dialog v prostranstve stran aziatsko-tikhookeanskogo regiona*, 44—49. (In Russian).

Tretyakova, M. S., & Aganina, N. S. (2023). Yaponskii dzen i russkaya toska: v poiskakh nebroskoi krasoty uproshcheniya formy [Japanese Zen and Russian Melancholy: In Search of Subtle Beauty in Simplified Form]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie*, 51, 115—130. (In Russian).

* * *

Carter, R. E. (2019). A Philosophic Grounding for Japanese Aesthetics. In *New Essays in Japanese Aesthetics* (pp. 3—15). Lexington Books.

Chen, Y. (2016). Not-knowing or knowing-nothing: Exploring a non-metaphorical epistemology through the Japanese aesthetics of Yugen. In *Proceedings of the 2nd Conference of the European Network of Japanese Philosophy* (pp. 151—153).

- Chijiwa, Hideaki. (1984). *Iro o kokoro de miru: Shikisai shinri gisō* [Seeing Color With the Heart: An Outline of Color Psychology]. Tokyo: Sairyūsha. (In Japanese).
- Elliot, R., & Gare, A. (1983). *Environmental Philosophy: A Collection of Readings*. University of Queensland Press.
- Fuziwara, Shigekazu. (1994). *Fūryū no shisō* [The Fūryū Philosophy]. Kyoto: Hozokan. (In Japanese).
- He, Jingsong. (1991). Zen to shohō geijutsu [Zen and Calligraphy Art]. *Shogaku Shodōshi Kenkyū*, 1, 94—102. (In Japanese).
- Honda, S., Fernandes, P., & Zerva, C. (2023). Context-aware neural machine translation for English-Japanese business scene dialogues. *arXiv*. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2311.11976>
- Kopytin, A., & Gare, A. (2023). Ecopoiesis: A manifesto for ecological civilization. *Ecopoiesis: Eco-Human Theory and Practice*, 4 (1), 6—18.
- Nara, H. (2004). *The Structure of Detachment: The Aesthetic Vision of Kuki Shūzo*. University of Hawaii Press.
- Pavlenko, V. V., Sverdlenko, V. S., & Sukhoverkhov, A. V. (2020). Architectural archetypes: From the harmony of number to deconstruction. *Epomen*, 40, 74—83.
- Prusinski, L. (2012). Wabi-sabi, mono no aware, and ma: Tracing traditional Japanese aesthetics through Japanese history. *Studies on Asia*, 4 (2), 25—49.
- Sato, S. (2014). *Shodo: The Quiet Art of Japanese Zen Calligraphy, Learn the Wisdom of Zen Through Traditional Brush Painting*. North Clarendon: Tuttle.
- Sukhoverkhov, A. V., & Karipidi, A. G. (2024). Lost and found language: From fuzzy logic to yūgen. *Language Sciences*, 106, 101662.
- Sukhoverkhov, A., Klimenko, A. A., & Tkachenko, A. S. (2021). The influence of Daoism, Chan Buddhism, and Confucianism on the theory and practice of East Asian martial arts. *Journal of the Philosophy of Sport*, 48 (2), 235—246.
- Takahashi, Hironobu. (2017). Nihon no biteki gainen ni kansuru jidai suii to sono kōsei moderu: Bitēki kūkan sōzō no tame no kiso teki kenkyū [Historical Evolution and Structural Model of Japanese Aesthetic Concepts: A Fundamental Study for the Creation of Aesthetic Space]. *Geidō Kōgaku Gakkai-shi*, 77, 158—165. (In Japanese).

Поступила в редакцию: 08.05.2025

Принята к публикации: 23.10.2025

Received: 08 May 2025

Accepted: 23 October 2025

А.Е. Терзи

Официальная помощь развитию Японии для Филиппин: оценка эффективности

Аннотация. Официальная помощь развитию (ОПР) представляется одним из ключевых внешнеполитических инструментов Японии на протяжении более 70 лет. Страны Юго-Восточной Азии выступают в качестве ключевых реципиентов японской ОПР, а Филиппины — одного из главных ее бенефициаров. Помощь оказывается в форме займов, предназначенных для инфраструктурных проектов, а также проектов социального развития, грантов и технической помощи, направленной на обучение персонала и укрепление бюрократических механизмов. В статье представлена попытка оценить эффективность ОПР Токио Маниле на основе выявленного ряда критериев, охватывающих политическую, экономическую и социальную сферу. Большинство заявленных инфраструктурных проектов было реализовано, и в настоящее время продолжается строительство в рамках долгосрочных планов. ОПР способствовала дипломатическому посредничеству в урегулировании конфликта в регионе Минданао. В XXI веке сформировалось положительное мнение филиппинского населения о партнере, что отражается как в японских опросах, так и филиппинских медиа, и Токио получает репутационные дивиденды. Секьюритизация некоторой доли помощи привела к усилению военно-технического сотрудничества, что соответствует национальным интересам партнеров. Манила теперь позиционируется не только как развивающаяся страна, нуждающаяся в помощи, но и стратегический партнер, способный внести вклад в обеспечение безопасности в Восточной Азии. Положительная динамика также проявилась в поддержке резолюций Токио в ГА ООН, значимость чего обусловлена фундаментальной целью Японии вхождения в Совет Безопасности в статусе постоянного члена. Точно так же Манила регулярно голосует в пользу принятия резолюций по северокорейскому вопросу, инициируемых Токио, что относится к числу японских стратегических интересов. Рост инвестиционной привлекательности Филиппин объясняется в том числе вкладом многолетней ОПР, что укрепляет перспективные рынки для японского бизнеса. Можно заключить, что опыт Японии в оказании помощи Филиппинам представляется достаточно успешным благодаря стратегическим усилиям Токио и налаженному двустороннему взаимодействию на высоком уровне.

Ключевые слова: ОПР, Япония, Филиппины, эффективность, инфраструктурные проекты, Совет Безопасности ООН.

Автор: Терзи Александра Евгеньевна, программный координатор Российского совета по международным делам (РСМД) (адрес: Российская Федерация, 119049, Москва, 4-й Добрынинский переулок, д. 8). ORCID: 0009-0002-9903-0957. РИНЦ ID: 71300; E-mail: trz1111@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Терзи А.Е. Официальная помощь развитию Японии для Филиппин: оценка эффективности // Японские исследования. 2025. № 4. С. 59—72. DOI: 10.55105/2500-2872-2025-4-59-72.

A.E. Terzi

Japan's Official Development Assistance to the Philippines: Assessment of effectiveness

Abstract. Official Development Assistance (ODA) has been one of Japan's key foreign policy tools for over 70 years. Southeast Asian countries are among the primary recipients of Japanese ODA, with the Philippines being one of its major beneficiaries. Assistance is provided in the form of loans for infrastructure projects and social development initiatives, grants, and technical support aimed at personnel training and strengthening bureaucratic mechanisms. This article attempts to assess the effectiveness of Tokyo's ODA to Manila based on a set of identified criteria covering the political, economic, and social aspects. Most of the declared infrastructure projects have been implemented, and construction continues under long-term plans. ODA has facilitated diplomatic mediation in resolving the conflict in the Mindanao region. In the 21st century, a positive perception of Japan has formed among the Filipino population, as reflected in both Japanese surveys and Philippine media, granting Tokyo reputational dividends. The securitization of a portion of aid has led to enhanced military-technical cooperation, aligning with the national interests of both partners. Manila is now positioned not only as a developing country in need of assistance, but also as a strategic partner capable of contributing to security in East Asia. Positive dynamics are also evident in the support for Tokyo's resolutions in the UN General Assembly, which holds significance given Japan's fundamental goal of securing a permanent seat on the Security Council. Similarly, Manila regularly votes in favor of adopting resolutions on the DPRK issue initiated by Tokyo, which is one of Japan's strategic interests. The increasing investment attractiveness of the Philippines is partly attributed to decades of ODA, which strengthens future markets for Japanese business. It can be concluded that Japan's experience in providing aid to the Philippines has been relatively successful due to Tokyo's strategic efforts and well-established high-level bilateral cooperation.

Keywords: ODA, Japan, the Philippines, effectiveness, infrastructure projects, the UN Security Council.

Author: Terzi Alexandra E., Program Coordinator, Russian International Affairs Council. Address: 8, 4th Dobryninsky per. Moscow, 119049, Russian Federation. ORCID: 0009-0002-9903-0957. E-mail: trz11111@mail.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Terzi, A.E. (2025). Ofitsial'naya pomoshch' razvitiyu Yaponii dlya Filippin: otsenka effektivnosti [Japan's Official Development Assistance to the Philippines: Assessment of effectiveness]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2025, 4, 59—72. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2025-4-59-72.

Введение

Иностранная помощь представляется одним из ключевых внешнеполитических инструментов с учетом социально-экономического и технологического неравенства как последствия колониализма и сопутствующего неравномерного развития. Главным образом ее классифицируют по принципу назначения, разделяя на военную и помощь содействия развитию (Development Aid/Development Assistance), последняя из которых определяется как помощь, направленная на развитие и повышение благосостоя-

ния развивающихся стран [Содействие международному развитию 2012, с. 72]. Это широкое понятие включает в себя гуманитарную и техническую помощь, инвестиционные и инфраструктурные проекты. Разработка понятийного аппарата в этой области велась Комитетом по содействию развитию Организации экономического сотрудничества и развития (КСР ОЭСР), который, среди прочего, в 1969 г. сформулировал определение Официальной помощи развития (ОПР) (Official Development Assistance, ODA) — транзакции, осуществляемые с целью содействия социальному развитию развивающихся стран, а также финансовые условия грантовой поддержки, которые должны предоставляться на концессионной основе [Содействие международному развитию 2012, с. 72]. ОПР подразумевает предоставление ресурсов официальными государственными органами государств, входящих в ОЭСР на льготной основе, то есть при наличии грантовой доли не менее 25% при расчете по фиксированной ставке дисконтирования в 10%.

Примечательно, что члены КСР ОЭСР сократили объемы ОПР на 7,1% по итогам 2024 г. впервые за шесть лет после пятилетнего непрерывного роста¹. Япония заняла четвертое место среди стран-доноров, уступив США, Германии и Великобритании и израсходовав 16,8 млрд долл., что на 14,4% меньше, чем годом ранее. При этом, несмотря на возрастающую конкуренцию со стороны КНР, Республики Корея и Индии в оказании помощи государствам глобального Юга, Япония остается несомненным лидером среди азиатских стран. Как объяснили снижение в японском МИД, причинами стали слабость иены (японская валюта достигла 34-летнего минимума в 2024 г. по отношению к доллару²) и увеличение взносов в международные организации в 2023 г. (Япония внесла рекордную сумму в размере 88,1 млрд долл. в пять трастовых фондов Азиатского банка развития³)⁴. Однако в целом имеет место предположение о глобальном тренде на уменьшение привлекательности этого инструмента в силу увеличения геополитической напряженности и милитаризации — в 2025 г. рост общемировых военных расходов достиг наивысших показателей с конца 1980-х гг., завершающей стадии холодной войны, составив 2,7 трлн долл.⁵

Ряд исследователей официальной помощи развития, направляемой разными странами разным реципиентам, в своих трудах предложили собственные подходы оценки ее эффективности, главным образом обращаясь к макроэкономическим показателям. Так, Д. Доллар и К. Бернсаид в результате построения математических моделей для широко-

---

¹ Страны ОЭСР в 2024 году сократили помощь развивающемуся миру на 7,1% // Interfax. 06.05.2025. <https://www.interfax.ru/business/1024385> (дата обращения: 08.05.2025).

² Японская иена достигла нового 34-летнего минимума, несмотря на вербальные интервенции властей // Finam. 25.04.2024. URL: <https://www.finam.ru/publications/item/yaponskaya-iena-dostigla-novogo-34-letnego-minimuma-nesmotrya-na-verbalnye-interventsii-vlastey-20240425-0943/> (дата обращения: 18.05.2025).

³ Japan Partnership Report 2023 // Asian Development Bank. 2024. URL: <https://www.adb.org/multimedia/partnership-report2023/our-partners/bilaterals/japan/> (дата обращения: 18.05.2025).

⁴ Japan's ODA in 2024 Drops From Previous Year; Nation Falls to 4th Place in Ranking // The Japan News. 18.04.2025. <https://japannews.yomiuri.co.jp/politics/politics-government/20250418-249807/> (дата обращения: 08.05.2025).

⁵ Рост общемировых военных расходов достиг рекорда с конца 1980-х годов // Ведомости. 28.04.2025. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2025/04/28/1107018-rost-obschemirovih-voennih-rashodov-dostig-rekorda> (дата обращения: 08.05.2025).

го ряда развивающихся стран пришли к выводу, что оказываемая помощь эффективна только в странах с хорошей экономической политикой, поэтому донорам следует выстроить непосредственную связь между выбором реципиентов и качеством государственного управления в экономической сфере [Dollar, Burnside 2000, p. 864]. Этот вывод в определенной степени коррелирует с заключениями другого ученого, проводшего эмпирический анализ и исследовавшего проблему фрагментации ОПР (большое количество доноров в одной стране, несогласованные проекты, высокие транзакционные издержки для реципиента). Он утверждает, что высокая фрагментация предполагает негативные результаты в сочетании со слабыми институтами [Cho 2024, p. 50]. Оценивая эффективность помощи для реализации коммерческих интересов реципиентов при помощи построения гравитационной модели торговли, группа авторов заключила, что экспортеры из стран-получателей не приобретают выгоду от улучшения торговых отношений с донорами [Nowak-Lehmann, Martínez-Zarzoso, Herzer 2013, p. 532]. В русле подобной логики А.К. Морозкина сделала вывод о снижении эффективности ОПР с точки зрения содействия экономическому росту получателей, что сопровождается снижением доли помощи, направляемой в самые бедные страны, объемов грантов и страновой программной помощи, а также ростом доли расходов, остающихся в финансовых системах доноров [Морозкина 2019, с. 91].

К настоящему моменту опубликован целый ряд научных работ, посвященных оценке эффективности ОПР, однако они направлены преимущественно на определение экономической пользы как для доноров, так и реципиентов. В открытом доступе недостаточно литературы, которая учитывает политические факторы. Например, А.А. Давыдов исследовал взаимосвязь экономического сотрудничества США с рядом партнеров и их голосования в Генеральной ассамблее ООН, придя к выводу об ее отсутствии [Davydov 2023, p. 38]. Тем не менее подобных работ, в частности в отношении Японии, достаточно мало, что обуславливает актуальность настоящей статьи, представляющей собой попытку систематизировать все критерии эффективности на примере динамики развития японско-филиппинских отношений.

Эволюция подходов к японской ОПР

Парадигма содействия развитию для Японии уходит корнями в послевоенное восстановление страны. Как отмечает исследователь Цунэкава Кэйити в докладе Исследовательского института Японского агентства международного сотрудничества (Japan International Cooperation Agency, JICA), в момент присоединения Токио к «Плану Коломбо» в 1954 г., когда страна продолжала параллельно выплачивать послевоенные репарации, ключевая цель ОПР заключалась в экономическом развитии самой Японии путем стимулирования производства и экспорта частными компаниями, тогда как репарации использовались для экспорта продукции и оборудования, а использование займов в иенах в основном ограничивалось покупкой товаров и услуг в Японии [Tsunekawa 2014, p. 4]. Безусловно, развивающиеся страны, или страны глобального Юга в современной терминологии, представляют собой перспективные рынки для японского бизнеса с точки зрения сбыта, производства, ресурсов, рабочей силы и поддержания глобальных стоимостных цепочек.

Вместе с тем после нефтяного кризиса 1973 г. фокус сместился на обеспечение стабильности поставок энергоносителей и продовольствия, в 1980-е — 1990-е гг. — на решение глобальных проблем, продвижение демократических ценностей и рыночной экономики (по аналогии с американской политикой) и сокращение масштабов нищеты, приобретя тем самым гуманитарную направленность, а в XXI в. — на повышение внимания к экономическому росту и «эффективность развития», то есть модель, ориентированную на результат [Tsunekawa 2014, p. 4]. В свою очередь, последняя, четвертая по счету, Хартия сотрудничества в целях развития от 2023 г. впервые утверждает целью не только еще более активное содействие формированию мирного, стабильного и процветающего международного сообщества, но и содействие реализации национальных интересов Японии¹.

ОПР Японии на Филиппинах: объемы, цели и механизмы

Япония оказывает ОПР Филиппинам с 1965 г. и занимает место крупнейшего донора, сместив США с этой позиции в 1980-х гг. В период 1966—2023 гг. объем японской помощи составил почти 40 млн долл. или 60,7% от общей суммы, передаваемой Филиппинам всеми странами в рамках ОПР². Для сравнения, Вашингтон обеспечил 8,5 млн долл. или 12,9%³. В 2022 г. Филиппины заняли второе место среди стран Юго-Восточной Азии (ЮВА) по сумме выданных грантов, получив 98 млн долл. и уступив Камбодже, и первое по объему кредитования (1079 млн долл. чистых или 1468 млн долл. валовых выплат), оставаясь одним из главных бенефициаров японской ОПР⁴.

Значимость Манилы для Токио обусловлена рядом факторов, среди которых ее география — расположение вдоль жизненно важных морских путей и сравнительная близость к Японии — а также, как заявлено МИД Японии, общие демократические ценности и стратегические интересы, что подтверждается десятилетним стратегическим партнерством⁵. Экономическое значение также сложно переоценить. Как высказался главный представитель Японского агентства международного сотрудничества на Филиппинах Сакамото Такэма, развитие Филиппин имеет решающее значение для процветания Японии⁶. С точки зрения внутреннего измерения целеполагания,

---

¹ Development Cooperation Charter // Ministry of Foreign Affairs of Japan. 10.10.2023. URL: https://www.mofa.go.jp/policy/oda/page24e_000410.html (дата обращения: 08.05.2025).

² Japan's Development cooperation in the Philippines. Building Bright Future Together // Ministry of Foreign Affairs of Japan. 2025. URL: <https://www.ph.emb-japan.go.jp/files/100816860.pdf> (дата обращения: 08.05.2025).

³ Ibid.

⁴ White Paper on Development Cooperation 2023. Japan's International Cooperation // Ministry of Foreign Affairs of Japan. 2023. URL: <https://www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/oda/files/100783436.pdf> (дата обращения: 08.05.2025).

⁵ Evaluation of Japan's ODA to Republic of the Philippines // Ministry of Foreign Affairs of Japan. March 2020. URL: <https://www.mofa.go.jp/policy/oda/evaluation/FY2019/pdfs/philippines.pdf> (дата обращения: 08.05.2025).

⁶ An enduring partnership: Japan-Philippines cooperation through JICA // The Japan Times. The Philippines Report. 22.07.2024. URL: <https://www.japantimes.co.jp/country-report/2024/07/22/the-philippines-report-2024/enduring-partnership-japan-philippines-cooperation-jica/> (дата обращения: 08.05.2025).

ния, Белая книга сотрудничества в целях развития от 2023 г. относит Филиппины к странам, которые по-прежнему сталкиваются с большими различиями в уровне доходов населения, несмотря на значительный экономический рост¹.

Кроме того, на Филиппинах присутствует фактор исторической памяти о Второй мировой войне, где союзники понесли значительные потери. Архипелаг претерпел серьезные разрушения, и впоследствии в 1946 г. Конгресс США принял Закон о реабилитации Филиппин, в соответствии с которым была создана Комиссия по возмещению ущерба от войны на Филиппинах в размере 400 млн долл., выплаченных к 1951 г.² Япония, в свою очередь, с 1956 г. на протяжении 20 лет выплачивала репарации в форме товаров и услуг на сумму 550 млн долл. [Trinidad 2021, p. 3]. Следовательно, период одновременной выплаты репараций и передачи помощи в рамках ОПР составил десять лет. Наконец, как и другие страны ЮВА, Филиппины играют важную роль в обеспечении региональной безопасности, а также в развитии «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона» — эта концепция пользуется активной поддержкой Японии. В частности, речь идет о противодействии Китаю, а в случае Филиппин — в рамках территориального спора в Южно-Китайском море [Вода 2016, с. 59]. Высокая значимость, которую Токио придает отношениям с государствами ЮВА, объясняет неизменно высокий объем ОПР, выделяемой региону.

ОПР предоставляется преимущественно в форме займов, предназначенных для инфраструктурных проектов, а также проектов социального развития. Еще два формата помощи — гранты и техническая помощь, направленная на обучение персонала и укрепление бюрократических механизмов. Так, главный представитель Японского агентства международного развития на Филиппинах сообщил, что за время функционирования ОПР, по данным на 2024 г., обучение в Японии прошли более 42 тыс. филиппинских чиновников³. Более того, Филиппины получают безвозмездную помощь от Японии в виде товаров для оказания чрезвычайной помощи во время стихийных бедствий, медицинского, сельскохозяйственного, образовательного, научного и другого необходимого оборудования.

Преимущества и критика японской ОПР

Согласно исследователю Д. Тринидаду, в отличие от западных стран, правительство Японии редко выдвигает явные или неявные политические условия в своих программах помощи и учитывает национальные интересы реципиента за счет регулярных консультаций на высоком уровне [Trinidad 2021, p. 2]. Подтверждением тому выступает кейс противоречивого президентства Р. Дутерте (2016—2022), известного

---

¹ White Paper on Development Cooperation 2023. Japan's International Cooperation // Ministry of Foreign Affairs of Japan. 2023. URL: <https://www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/oda/files/100783436.pdf> (дата обращения: 08.05.2025).

² Records of the Philippine War Damage Commission // US National Archives, Guide to Federal Records. URL: <https://www.archives.gov/research/guide-fed-records/groups/268.html> (дата обращения: 08.05.2025).

³ An enduring partnership: Japan-Philippines cooperation through JICA // The Japan Times. The Philippines Report. 22.07.2024. URL: <https://www.japantimes.co.jp/country-report/2024/07/22/the-philippines-report-2024/enduring-partnership-japan-philippines-cooperation-jica/> (дата обращения: 08.05.2025).

жесткой политикой по борьбе с наркотрафиком, который в настоящее время находится под стражей и ожидает начала уголовного расследования — бывший филиппинский лидер принимал японскую ОПР, в том числе гранты, нацеленные на содействие антинаркотической кампании, и в то же время отказывался от помощи со стороны ЕС в силу политических требований о соблюдении прав человека в рамках упомянутой кампании, сопутствующим предлагаемым 280 млн долл. (250 млн евро, перевод в доллары по текущему курсу на май 2025 г.) в 2017 г. [Trinidad 2021, p. 12].

Однако без критики японских подходов также не обходится. Еще в 1990 г. Э. Тадем отмечал, что Токио зарабатывает от 75 до 95 центов на каждый доллар выделяемой помощи благодаря тому, что консультанты Японского агентства международного сотрудничества разработали промышленные стандарты, направленные на приобретение преимущества японским бизнесом [Tadem 1990, p. 38]. Впрочем, эту часть сложно назвать критической — донор экономической помощи всегда получает или политические, или экономические дивиденды, как в этом случае. Иная ситуация складывается, когда становится известно о коррупции, как произошло с обнаружением документов, принадлежащих президенту Ф. Маркосу (1965—1989), на Гавайях, из которых следовало, что Маркос получал комиссионные от проектов, финансируемых Японией по линии ОПР [Trinidad 2021, p. 13]. Подобные сведения наносят репутационный удар и заставляют осторожнее относиться к донору и его политическим решениям. Тем не менее впоследствии Манилой был принят Закон об ОПР от 1996 г., установивший цели, механизмы распределения и использования получаемых средств и надзор, что обеспечило определенную степень прозрачности и предупредило повторение коррупционных скандалов¹.

Другие проблемы были отмечены в социальной сфере, например, Такаянаги Акио в своей статье «Почему японская помощь неэффективна в снижении уровня бедности» заключает, что развитие экономик стран Третьего мира и ответ на гуманитарные вызовы в рамках ОПР остаются декларативными. Вместо этого помощь способствует возникновению социально-культурных проблем и разрушению окружающей среды, тогда как выгоду приобретают японские корпорации [Takayanagi 1990, p. 33]. Так, например, филиппинцы выступили против строительства плотин в Пампанге, Себу и Бохоле в 1990-х гг. из-за предполагаемого негативного воздействия на окружающую среду [Trinidad 2021, p. 13]. Однако любопытно, что в статье Такаянаги от 1990 г. указывается на активную критику японской ОПР в медиа в странах ЮВА, тогда как в настоящее время найти негативную обратную связь в публичном виртуальном пространстве невозможно, что позволяет утверждать о позитивной динамике в восприятии японской политики помощи филиппинцами спустя более 30 лет.

Общественное мнение филиппинского населения о Японии

Действительно, опрос японского МИД от 2023 г. показывает, что 61% филиппинцев назвали Японию важным партнером (США — 78%), 16% — самым надежным

---

¹ Republic Act No. 8182 // Republic of the Philippines, Congress of the Philippines. 11.06.1996. URL: https://lawphil.net/statutes/repacts/ra1996/ra_8182_1996.html (дата обращения: 09.05.2025).

другом (США — 41%)¹. 65% респондентов оценили двусторонние отношения как «очень дружественные», 32% — «в какой-то степени дружественные», 1% — «в какой-то степени недружественные». Никто из опрошенных не охарактеризовал японско-филиппинские связи как недружественные. При этом в сравнении с результатами опроса от 2018 г. все положительные оценки снизились (график 1)². Можно предположить, что негативная динамика обусловлена сменой политической власти в Японии после убийства Абэ Синдзо в 2022 г., который, согласно Исследовательскому центру Пью, в 2018 г. имел позитивный имидж среди 70% филиппинцев³.

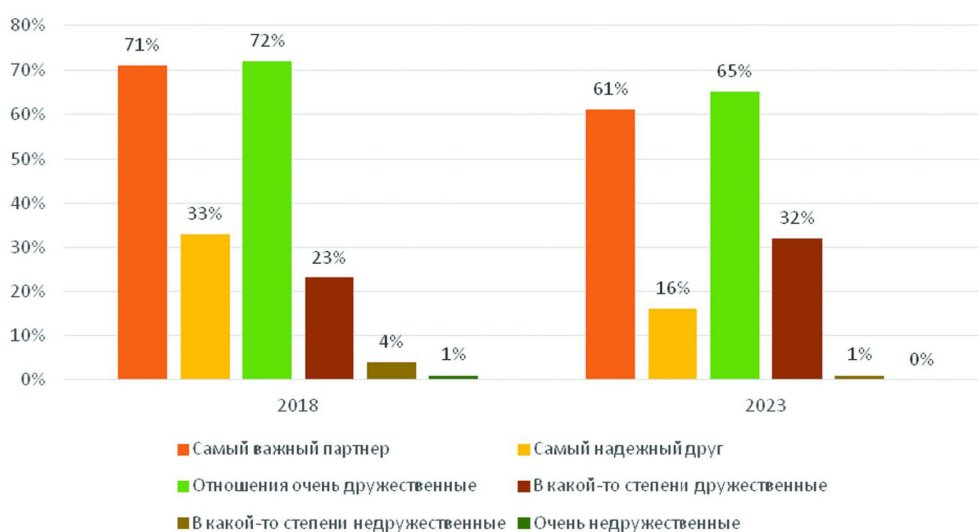

График 1. Отношение филиппинского населения к Японии, 2018 г., 2023 г., %.

Источник: составлено автором на основе опросов МИД Японии⁴.

Инфраструктурные проекты в рамках ОНР

Для Филиппин как страны, состоящей из более семи тыс. островов, приоритетом остается связанность, что носит характер политического консенсуса — это было закреплено как администрацией Р. Дутерте, так и современной властью под началом

¹ ASEAN Opinion Poll on Japan 2023 // Ministry of Foreign Affairs of Japan. URL: <https://www.mofa.go.jp/policy/culture/pr/index.html> (дата обращения: 09.05.2025).

² ASEAN Opinion Poll on Japan 2018 // Ministry of Foreign Affairs of Japan. URL: <https://www.mofa.go.jp/policy/culture/pr/index.html> (дата обращения: 09.05.2025).

³ B. Stokes, K. Devlin. Countries' views of Japan, Abe; Japanese views of China // Pew Research Center. 12.11.2018. URL: <https://www.pewresearch.org/global/2018/11/12/countries-views-of-japan-abe-japanese-views-of-china/> (дата обращения: 09.05.2025).

⁴ ASEAN Opinion Poll on Japan 2018 // Ministry of Foreign Affairs of Japan. URL: <https://www.mofa.go.jp/policy/culture/pr/index.html>; ASEAN Opinion Poll on Japan 2023 // Ministry of Foreign Affairs of Japan. URL: <https://www.mofa.go.jp/policy/culture/pr/index.html> (дата обращения: 09.05.2025).

Ф. Маркоса-младшего¹. В мае 2025 г. Манила одобрила 21 дополнительный инфраструктурный проект, доведя общее количество до 207 стоимостью 178 млн долл.² Администрация Ф. Маркоса ставит цель расходовать около 5—6% ВВП на строительство инфраструктуры, но даже при увеличении темпов роста филиппинской экономики внешние акторы играют значимую роль в содействии этому направлению³.

В рамках японской ОПР на протяжении десятилетий кредиты в иенах используются для строительства плотин, ирригационных систем, производства энергии, зданий государственных школ, дорог, мостов, автострад, аэропортов, колодцев и железных дорог. Так, по данным на 2024 г. общее количество проектов составило 32, пять из которых связаны с инфраструктурой, восемь — с сельским хозяйством и продовольственной безопасностью, пять — с здравоохранением, шесть — с безопасностью, три — с цифровизацией в образовательной среде, три — с гуманитарной помощью, два — с экологией⁴. Для сравнения, в 2023 г. общий показатель равнялся 40, в 2022 г. — 60, в 2021 г. — 20, при этом соотношение сфер приблизительно одинаково за исключением случаев, когда, как в 2022 г., возрастает необходимость увеличения доли гуманитарной помощи в связи со стихийными бедствиями.

При этом инфраструктурные проекты повторяются в списках в силу их долгосрочного характера. Среди завершенных к наиболее крупным проектам можно отнести полное восстановление линии метро MRT-3 (MRT-3 Full Rehabilitation) в 2022 г. с предоставлением льготного кредита в размере около 300 млн долл.; строительство и расширение дороги Plaridel, соединяющей провинции Булакан и Нуэва-Эсиха, в 2023 г. с предоставлением льготного кредита в размере около 100 млн долл.; возведение первого в стране комплекса контроля наводнений (Retarding Basin) в Кавите в 2023 г. с предоставлением льготного кредита в размере около 50 млн долл.; создание первого в мире тайфуноустойчивого ветрогенератора в барангае Пила-Пила, которая регулярно подвергается тайфунам, в 2024 г. с предоставлением льготного кредита в размере около 400 тыс. долл. и т. д.⁵

Важнейшие действующие проекты также связаны с транспортной доступностью. Например, расширение линии метро LRT-1 в Кавите, первая фаза чего было завершена в 2024 г. стоимостью около 400 млн долл. в форме льготного кредита; строитель-

---

¹ Philippines: Infrastructure Development is a Priority // Republic of the Philippines, Public-Private Partnership Center of the Philippines. 24.04.2017. URL: <https://ppp.gov.ph/publications/philippines-infrastructure-development-is-a-priority/> (дата обращения: 09.05.2025).

² Philippine government approves more infrastructure flagship projects // Business World. 08.05.2025. URL: <https://www.bworldonline.com/top-stories/2025/05/08/671123/philippine-government-approves-more-infrastructure-flagship-projects/> (дата обращения: 09.05.2025).

³ Ibid.

⁴ Recent Projects // Embassy of Japan in the Philippines. 17.12.2024. URL: https://www.ph.emb-japan.go.jp/itpr_en/00_000051.html (дата обращения: 09.05.2025).

⁵ PRRD Inaugurates Fully Rehabilitated MRT-3 // Embassy of Japan in the Philippines. 23.02.2022. URL: https://www.ph.emb-japan.go.jp/itpr_en/11_000001_00018.html; Plaridel Bypass Toll Road // Republic of the Philippines, Public-Private Partnership Center of the Philippines. 13.10.2014. URL: https://ppp.gov.ph/in_the_news/plaridel-bypass-toll-road/; Japan-designed retarding basin in Cavite inaugurated // Embassy of Japan in the Philippines. 23.09.2021. URL: <https://www.pna.gov.ph/articles/1154505>; Philippines to install its first stormproof wind turbine // Nikkei Asia. 22.02.2021. URL: <https://asia.nikkei.com/Business/Energy/Philippines-to-install-its-first-stormproof-wind-turbine> (дата обращения: 09.05.2025).

ство метро Манилы; пригородной железной дороги Север-Юг и т. д.¹ Кроме того, один из современных проектов с японским участием направлен на предоставление береговой охране Филиппин средств для приобретения пяти 97-метровых многофункциональных патрульных судов (MRRVs). Он рассчитан на 2025—2028 гг., и в 2024 г. в рамках ОПР Японское агентство международного сотрудничества предоставило более 440 тыс. долл. на эти цели².

При этом несмотря на положительное впечатление, которое создается от масштаба японской помощи в этой сфере, современные исследователи дают не столь однозначные оценки. Ито Сусуму в 2025 г. отметил, что, несмотря на непрерывный поток помощи, предоставляемой в секторе инфраструктуры, страна по-прежнему испытывает ее огромный дефицит из-за недостаточного объема ОПР полученного кредита и слабого управления этой сферой на Филиппинах [Ito 2025, p. 110].

Официальная помощь обеспечения безопасности

На современном этапе можно наблюдать тенденцию на рост значимости проблем безопасности для обеих стран, что в том числе отражается в характере предоставляемой помощи. Так, сразу после установления стратегического партнерства между Филиппинами и Японией премьер-министр Абэ Синдзо пообещал увеличить объем ОПР и согласился укрепить сотрудничество Японии с Филиппинами в области безопасности, обороны и развития [Chang 2023]. Также нельзя обойти стороной запуск в 2023 г. Официальной помощи обеспечению безопасности (Official Security Assistance, OSA) в дополнение к ОПР — программы по предоставлению безвозмездной военно-технической помощи дружественным государствам, которая фокусируется на безопасности, а не развитии, и координируется не Японским агентством международного сотрудничества, а отделом безопасности МИД Японии. В результате в 2023—2024 гг. Филиппины стали одним из четырех реципиентов, получив радары и катера для береговой охраны с целью обеспечения морской безопасности, что особенно актуально в связи с регулярными инцидентами в Южно-Китайском море с Китаем³. С учетом пересмотра подходов Токио к обеспечению национальной и региональной безопасности этот шаг представляется логичным; Манила позиционируется не только как развивающаяся страна, нуждающаяся в помощи, но и как стратегический партнер, способный внести вклад в обеспечение безопасности в Восточной Азии. Следовательно, можно утверждать о секьюритизации некоторой доли предоставляемой помощи.

По мнению Х. Сига, Токио обосновывает этот новый подход апелляцией к универсальности принципа верховенства права в глобальном масштабе [Shiga 2023,

---

¹ Japan's Development cooperation in the Philippines. Building Bright Future Together // Ministry of Foreign Affairs of Japan. 2025. URL: <https://www.ph.emb-japan.go.jp/files/100816860.pdf> (дата обращения: 09.05.2025).

² Signing of Japanese ODA Loan Agreement with the Republic of the Philippines: Further strengthening the maritime safety capacity of the Philippine Coast Guard // Japan International Cooperation Agency. 11.06.2024. URL: https://www.jica.go.jp/english/information/press/2024/20240611_10.html (дата обращения: 09.05.2025).

³ Japan Grants Security Assistance to the Philippines, Looks to Enhance Military Cooperation // U.S. Naval Institute. 09.11.2023. URL: <https://news.usni.org/2023/11/09/japan-grants-security-assistance-to-the-philippines-looks-to-enhance-military-cooperation> (дата обращения: 09.05.2025).

р. 263]. Вместо акцента на внутренних проблемах демократии и прав человека в странах-реципиентах, японская политика ОПР теперь фокусируется на соблюдении норм международного права, включая морскую безопасность и торговые соглашения, чтобы не допустить обвинений по вмешательству во внутренние дела с учетом современных международных тенденций.

Примечательно, что еще в середине 2010-х гг. Япония предпринимала попытки координации ведомств, отвечающих за ОПР, и Сил самообороны, но на тот момент исследователи оценивали их как неудачные [Вода 2016, с. 60], тогда как на современном этапе препятствия во взаимодействии и согласовании деятельности различных структур были в определенной степени устранены. Д. Тринидад в своей последней публикации указывает на уникальный баланс японско-филиппинского сотрудничества в областях развития и безопасности в новых условиях, подтверждая это примером передислокации оказываемой помощи в районы инцидентов с КНР в Южно-Китайском море [Trinidad 2025, p. 96].

Эффективность японской ОПР Филиппинам

Прежде чем попытаться определить уровень эффективности японской ОПР Филиппинам, следует обратиться к уже существующим оценкам. Так, например, японский МИД в 2020 г. дает высокую оценку своей деятельности на архипелаге, отмечая, что 97% проектов, направленных на достижение устойчивого экономического роста, были реализованы, тогда как 3% завершить не удалось; 90% проектов, нацеленных на обеспечение «безопасности человека», выполнены в полном объеме, а 10% — нет, что объясняется погрешностью¹. Кроме того, в отчете утверждается о значимости ОПР для дипломатии, в пример чему приводится успех в урегулировании в мусульманском регионе Филиппин Минданао, где с 1970-х гг. шел вооруженный конфликт между правительством и повстанцами (Токио оказывал помощь в организации переговоров, а также техническую и финансовую при ратификации Основного закона Бангсаморо в 2018 г., открывшего путь к урегулированию). При этом за последние пять лет подобных оценок не проводилось, поэтому по аналогии можно предполагать о позитивной динамике реализации инфраструктурного строительства в сфере транспорта, энергетики и ирригации с учетом наличия ряда завершенных крупных проектов в 2020-х гг.

В свою очередь, Д. Тринидад выделяет ключевые слабые и сильные стороны японской ОПР на момент начала 2020-х гг. Главным недостатком исследователь считает неэффективность бюрократии и судебные разбирательства, которые продолжают подрывать способность Филиппин осваивать кредиты, а преимуществом — растущую восприимчивость Токио к приоритетам стран-реципиентов и учет их интересов, что обеспечивается за счет активного использования таких механизмов, как консультации на высоком уровне и система подачи заявок [Trinidad 2021, p. 12—14]. Работа автора была опубликована в 2021 г., и с тех пор можно было наблюдать интенсифи-

---

¹ Evaluation of Japan's ODA to Republic of the Philippines // Ministry of Foreign Affairs of Japan. March 2020. URL: <https://www.mofa.go.jp/policy/oda/evaluation/FY2019/pdfs/philippines.pdf> (дата обращения: 09.05.2025).

кацию двусторонних связей двух стран, в том числе в военно-политическом смысле. Можно заключить, что это сближение, сопровождаемое увеличением контактов на высоком уровне, способно благотворно повлиять на коммуникацию и понимание Японией приоритетов развития Филиппин.

В качестве еще одного из критериев можно выделить репутационные дивиденды для Токио. Широкомасштабная ОПР сыграла существенную роль в формировании японского имиджа. Как было отмечено, в XXI в. сформировалось положительное мнение филиппинского населения о партнере, что отражается как в японских опросах, так и филиппинских медиа. Этот фактор может оказывать позитивное влияние на трудовую и образовательную миграцию, решения предпринимателей о ведении бизнеса с японскими контрагентами и другие виды сотрудничества.

Наконец, ключевой критерий, где четко можно отследить результативность японской политики, проявляется в голосовании в ООН, особенно с учетом фундаментальной цели Токио вхождения в Совет безопасности в статусе постоянного члена. С 2010 г. количество резолюций, выдвигаемых Японией, возросло с 3—4 до более 10 ежегодно. Так, в рамках G4 (неформальное объединение Японии, Бразилии, Индии и Германии, сформированное с целью реформирования ООН и получения статуса постоянных членов Совета безопасности) страна выдвинула 27 резолюций о реформе СБ ООН, 19 из которых были поддержаны Филиппинами — в остальных случаях Манила воздержалась¹. Умеренной позиции способствуют некоторые оговорки, важные для Филиппин, требующих отказ от права вето для новых членов из числа G4, а также учета интереса малых стран, в частности, увеличение непостоянных мест для стран АСЕАН. Кроме того, свою роль играет китайский фактор, так как Пекин служит важным торговым партнером для Филиппин и выступает против инициативы G4.

Также Япония с 2005 г. выдвигает резолюции в ГА ООН, связанные с северокорейскими проблемами — нарушение прав человека в КНДР, осуждение ядерных испытаний, нераспространение ядерного оружия на Корейском полуострове, наложение санкций на Пхеньян и т. д. Филиппины с 2006 г. ежегодно голосуют «за» все предлагаемые документы, хотя сдержанно ведут себя в публичном пространстве в этом вопросе². С учетом возрастания значимости т.н. северокорейской угрозы для Токио и повышения «градуса» ее секьюритизации, что проявляется как в стратегических документах, так и в дискурсе, поддержка Манилы имеет важное значение для партнера³.

Еще одним критерием мог бы стать инвестиционный климат, однако его измерение требует комплексного подхода и отдельного исследования. Тем не менее можно отметить, что, например, в индексе доверия к ПИИ консалтинговой компании по глобальному менеджменту Kearney, проводящей ежегодный опрос руководителей компаний по всему миру, в ходе которого определяется рейтинг рынков, которые, веро-

¹ Security Council Reform — Search Results // United Nations Digital Library. 2025. URL: https://digitallibrary.un.org/search?ln=en&p=Security+Council+reform&f=&action_search=Search&c=Resource+Type&c=UN+Bodies (дата обращения: 09.05.2025).

² DPRK — Search Results // United Nations Digital Library. 2025. URL: https://digitallibrary.un.org/search?ln=en&p=DPRK&f=&action_search=Search&rm=&sf=&so=d&rg=50&c=Resource+Type&c=UN+Bodies&c=&of=hb&fti=0&fti=0 (дата обращения: 09.05.2025).

³ National Security Strategy of Japan // Ministry of Foreign Affairs of Japan. December 2022. URL: <https://www.cas.go.jp/jp/siryou/221216anzenhoshou/nss-e.pdf> (дата обращения: 09.05.2025).

ятно, привлекают больше всего инвестиций в ближайшие три года, в 2024 г. Филиппины заняли 13 место среди развивающихся рынков из 25¹. Имеет место предположение об определенном вкладе Японии в этот показатель за счет инфраструктурных и иных проектов в рамках ОПР.

Заключение

Таким образом, оценка эффективности японской ОПР сложно реализуема в условиях недостаточности статистики и иных данных в общем доступе, в частности, характеристики современной помощи, и результаты во многом основаны на предположениях. Тем не менее можно заключить, что опыт Японии в оказании помощи Филиппинам представляется достаточно успешным согласно ряду критериев. Большинство запланированных проектов было реализовано. Качественно налаженное двустороннее взаимодействие позволяет донору лучше понимать запросы реципиента. Многолетний опыт способствовал ликвидации отдельных бюрократических барьеров и коррупционных скандалов, а японская репутация (мнение целевой группы о государстве и его деятельности на международной арене) среди широких слоев филиппинского населения закрепились на высоком уровне. Положительная динамика также проявилась в поддержке резолюций Токио в ГА ООН и военно-политическом сближении, что отвечает национальным интересам партнеров. Соответственно, можно утверждать об относительной пользе ОПР с точки зрения реализации стратегических интересов Японии в военно-политической и торгово-экономической сферах. Для получения более наглядных результатов исследования в будущем важное значение могло бы приобрести сравнение с японской ОПР в других странах ЮВА на современном этапе.

Библиографический список

Вода К.Р. Содействие международному развитию и интересы безопасности в политике Японии // *Проблемы Дальнего Востока*. 2016. 44. № 4. С. 54—62.

Морозкина А.К. Официальная помощь развитию: тенденции последнего десятилетия // *Мировая экономика и международные отношения*. 2019. Т. 63. № 9. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-9-86-92.

Содействие международному развитию. Курс лекций / под ред. В.И. Бартенева и Е.Н. Глазуновой. М.: Всемирный банк. 2012. 408 с.

References

Morozkina, A. K. (2019). Ofitsial'naya pomoshch' razvitiyu: tendentsii poslednego desyatiletia [Official Development Assistance: Trends of the Last Decade]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations], 63 (9), 86—92. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-9-86-92. (In Russian).

---

¹ The 2024 FDI Confidence Index // Kearney. 2025. URL: <https://www. Kearney.com/service/global-business-policy-council/foreign-direct-investment-confidence-index/2024-full-report> (дата обращения: 09.05.2025).

Sodeistvie mezhdunarodnomu razvitiyu. Kurs leksii. (2012). [International Development Assistance. A Course of Lectures]. Edited by V. I. Bartenev and E.N. Glazunova. Moscow: Vsemirnyi bank. (In Russian).

Voda, K. R. (2016). Sodeistvie mezhdunarodnomu razvitiyu i interesy bezopasnosti v politike Yaponii [International Development Assistance and Security Interests in Japan's Policy]. *Problemy Dal'nego Vostoka* [Far Eastern Affairs], 44 (4), 54—62. (In Russian).

* * *

Burnside, C., Dollar, D. (2000). Aid, Policies, and Growth. *American Economic Review*, 90 (4), 847—868.

Chang, F. (2023). Japan's Security Engagement with the Philippines. *Foreign Policy Research Institute*. 28.08.2023. Retrieved May 09, 2025, from <https://www.fpri.org/article/2023/08/japans-security-engagement-with-the-philippines/>

Cho, K. (2024). A Study on the Effectiveness of Official Development Assistance (ODA) Under SDGs: Critical Reflection on the Discussion of Negative Effects of Aid Fragmentation. *Journal of International Development Cooperation*, 19 (1), 29—60. DOI:10.34225/jidc.2024.19.1.29.

Davydov, A. (2023). Vote for aid? How economic interaction with the United States affects countries voting patterns at the UN General Assembly. *Puti k miru i bezopasnosti* [Paths Towards Peace and Security], 65 (2), 25—41. DOI: 10.20542/2307-1494-2023-2-25-41.

Nowak-Lehmann, F., Martínez-Zarzoso, I., Herzer, D., et al. (2013). Does Foreign Aid Promote Recipient Exports to Donor Countries? *Review of World Economics*, 149, 505—535. <https://doi.org/10.1007/s10290-013-0155-4>.

Shiga, H. (2023). The new dynamics of Japan's Official Development Assistance in an era of great power competition. *Journal of Contemporary East Asia Studies*, 12 (1), 249—263. <https://doi.org/10.1080/24761028.2023.2292438>.

Tadem, E. C. (1990). Japan, the US and Official Development Assistance to the Philippines. *Kasarinlan*, 5 (4), 35—47.

Takayanagi, A. (1990). Why Japanese Aid Is Ineffective in Reducing Poverty. *Kasarinlan*, 5 (4), 29—34.

Trinidad, D. (2021). Japan's Official Development Assistance (ODA) to the Philippines. JICA Background Paper No. 12. *Japan's Development Cooperation: A Historical Perspective*, May 2021.

Trinidad, D., and Cheng Chua, Karl Ian Uy. (Eds.) (2025). *Philippines-Japan Relations in the Twenty-First Century: Change and Direction*. Milton Park, Abingdon, Oxon; New York: Routledge. DOI: 10.4324/9781003486954.

Tsunekawa, K. (2014). Objectives and institutions for Japan's official development assistance (ODA): Evolution and challenges. *JICA Research Institute*, 66. February 2014. Retrieved May 08, 2025, from https://www.researchgate.net/publication/268503601_Objectives_and_institutions_for_Japan's_official_development_assistance_ODA_Evolution_and_challenges.

Поступила в редакцию: 24.05.2025

Received: 24 May 2025

Принята к публикации: 23.10.2025

Accepted: 23 October 2025

А.А. Ясинский

Медицина в «Тикусай-моногатари»

Аннотация. Сочинение кана-дзо:си «Тикусай-моногатари» (1623 г.) обладает ярко выраженным юмористическим и пародийным характером. Это относится и к медицинским фрагментам, призванным, как считается, в первую очередь насмешить читателя. В подтверждение этому часто указывается на текстологическое сходство медицинских новелл «Тикусай-моногатари» с рассказами из сборника «Сэйсуйсё:» (1623 г.) авторства Анракуан Сакудэн (1554—1642). Однако Томияма До:я (1584—1634), автор «Тикусай-моногатари», сам был врачом, обучался медицине у Манасэ Гэнсаку (1549—1632), одного из виднейших врачей начала XVII в., а потому, указывая исключительно на развлекательность медицинских новелл в «Тикусай-моногатари», исследователи словно бы отказывают Томияма в возможности сказать свое слово о современной ему медицине. Конец XVI в. был отмечен становлением новой японской медицины, и ведущую роль в нем сыграл Манасэ До:сан (1507—1594). Новый подход До:сан обнаружил, что ни сколько-то опытных врачей, ни актуальных медицинских трактатов в Японии той поры не было. Заимствуя знания из китайских трактатов, наводнивших японский книжный рынок в 1590-х гг., японцы осваивали новый материал, что, как можно судить по «Тикусай-моногатари», продолжалось и в 1620-е гг., причем не во всем успешно. Тикусай сталкивается со множеством болезней — от лихорадки до сифилиса — и нередко исполняет свой врачебный долг благополучно, вылечивая больного. Его успеху сопутствовала удача, и именно она возносила японских врачей начала XVII в.: в период, когда старая медицина была признана неэффективной, а новая еще не окрепла доктринально, именно удача позволяла врачам продолжать заниматься своим делом. Анализ медицинских новелл «Тикусай-моногатари» позволяет проследить историю новой японской медицины; переосмыслить работу Тикусай как врача, представляя ее как вынужденно неумелую в силу ограниченного развития медицинского знания в Японии; понять, кто предполагался в качестве изначальной читательской аудитории «Тикусай-моногатари».

Ключевые слова: японская медицина, эпоха Эдо, Манасэ До:сан, Манасэ Гэнсаку, «Тикусай-моногатари», Томияма До:я.

Автор: Ясинский Андрей Анатольевич, студент магистратуры Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (адрес: Москва, 105066, ул. Старая Басманная, д. 21/4). ORCID: 0009-0005-2639-2967.
E-mail: ghotwht@gmail.com

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Ясинский А.А. Медицина в «Тикусай-моногатари» // Японские исследования. 2025. № 4. С. 73—89. DOI: 10.55105/2500-2872-2025-4-73-89.

A.A. Yasinskiy

Medicine in the *Chikusai Monogatari*

Abstract. The *Chikusai Monogatari* (1623) has a distinctly humorous and parodist character. This description also applies to the medical fragments, which are thought to be primarily intended to entertain the reader. In support of this, textual similarity between the medical novellas of the *Chikusai Monogatari* and the stories in *Seisuishō* (1623) by Anrakuan Sakuden (1554—1642) is often pointed out. However, Tomiyama Dōya (1584—1634), the author of the *Chikusai Monogatari*, was a physician himself, having studied medicine with Manase Gensaku (1549—1632), one of the most prominent physicians of the early 17th century. Therefore, noting solely the entertaining nature of the medical short stories in the *Chikusai Monogatari*, researchers seem to deny Tomiyama an opportunity to say something about medicine contemporary to him. The late 17th century was marked by the establishment of new Japanese medicine, led by Manase Dōsan (1507—1594). Dōsan's new approach found that neither any experienced physicians nor up-to-date medical treatises existed in late 16th-century Japan. Borrowing knowledge from the Chinese treatises that flooded the Japanese book market in the 1590s, the Japanese were mastering new material, which, as can be seen from the text of the *Chikusai Monogatari*, continued into the 1620s, even if not always successfully. Chikusai encounters a variety of illnesses, from fever to syphilis, and often successfully fulfils his medical duties by curing the patient. His success was accompanied by good fortune, and it was this good fortune that elevated Japanese doctors in the early 17th century: at a time when old medicine was recognized as ineffective, while new medicine had not yet gained a firm doctrinal footing, it was good fortune that allowed doctors to continue practicing their profession. The analysis of the medical short stories of the *Chikusai Monogatari* allows us to trace the history of new Japanese medicine; to rethink Chikusai's medicine work by presenting it as inept by necessity due to the limited development of medical knowledge in Japan; and to understand who was assumed to be the original readership of the *Chikusai Monogatari*.

Keywords: Japanese medicine, Edo period, Manase Dōsan, Manase Gensaku, Tomiyama Dōya, *Chikusai Monogatari*.

Author: *Yasinskiy Andrei A.*, master's degree student, HSE University (address: 21/4, Staraya Basmanaya St., Moscow, 105066, Russian Federation).
ORCID: 0009-0005-2639-2967. E-mail: ghotwht@gmail.com

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Yasinskiy, A.A. (2025). *Meditsina v «Tikusai-monogatari»* [Medicine in the *Chikusai Monogatari*]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2025, 4, 73—89. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2025-4-73-89.

Введение

«Тикусай-моноготари» 竹斎物語 (1623 г.) — одно из ранних произведений канато:си, популярных текстов XVII в., получивших широкое распространение среди горожан благодаря развитой ксилографической печати. Этот текст принадлежит Томияма До:я (富山道治, 1584—1634), и посвящен Тикусай, неумелому врачу, путешествующему по Японии в поисках привольной жизни. Описания его методов лечения часто рассматриваются японскими филологами как юмористические, созданные на потеху читательской публике. Задуманы ли автором эти фрагменты как юмористиче-

ские на самом деле, могли ли японские читатели начала эпохи Эдо понять их юмор — этим вопросам и посвящена настоящая статья.

Врачеванию Тикусай посвящено восемь фрагментов, относящихся к пребыванию героя в городе Нагоя. Долгое время эти фрагменты не попадали в поле зрения японских филологов в силу их кажущейся вторичности: похожие истории встречались и в тексте «Сэйсуйсё:» (醒睡笑, 1623 г.), антологии юмористических рассказов, собранных Анракуан Сакудэн (安楽庵策伝, 1554—1642), человеком, занимавшем пост сказителя *отогисю:* (御伽衆) при Тоётоми Хидэёси. Безусловно, ранние тексты *кана-дзо:си* предназначались для близкого окружения автора или основывались на скандалах, бывших у читателя на слуху. Сверх того, «Тикусай-моногатари» обладает четко выраженным пародийным и юмористическим характером, что определяло позднейшее восприятие этого текста как развлекательного, созданного на потеху читающей публике. Однако Томияма До:я сам был врачом, а потому круг проблем, поднимаемых им в нагойских фрагментах, куда шире, чем может показаться на первый взгляд.

Японская медицина нового времени развивалась стремительно. Тасиро Санки (田代三喜, 1465—1537) обучал Манасэ До:сан (曲直瀬道三, 1507—1594) так называемой медицине Ли Чжу (李珠) — по именам двух ее основателей, Ли Гао¹ (李東垣, 1180—1251) и Чжу Чжэнь-хэна² (朱丹溪, 1281—1358), живших при династиях Цзинь (1115—1234) и Юань (1271—1368)). Про обоих китайских врачей нам известно, что они были, скорее, теоретиками, нежели практиками, отчего позже, в эпоху Адзуты-Момояма (1573—1603), Манасэ До:сан, не согласный с их подходом, выступил против японской средневековой медицины, основанной на буддийском учении, и ратовал за медицину, основанную на наблюдении за реальными больными и ходом их болезней. До:сан снискал особенную популярность, к концу жизни у него было около восьмисот учеников. Уже позже, в эпоху Эдо, его приемный сын и ученик, Манасэ Гэнсаку (曲直瀬玄朔, 1549—1632), сформулировал основные принципы школы Манасэ и изложил их в популярных трактатах, что привело к всенародному признанию медицины Манасэ и появлению новой японской медицины. Радикальный отход от средневековой традиции, объявленный Манасэ До:сан, обнажал главную проблему тогдашней медицины — нехватку врачебного, практического опыта. Безусловно, наблюдение за реальными больными подразумевает более научный подход к излечению болезней, однако таковых настолько много, что их изучение и осмысление требовало немало времени. Недостаточный опыт приходилось восполнять китайскими медицинскими книгами, наводнившими японский книжный рынок уже в конце XVI в. Иными словами, врачам, отвергнувшим какую-либо догматику в области медицины,

¹ Ли Гао уделял особое внимание профилактике желудочных заболеваний, ибо, по его мнению, все болезни человека происходят от нарушения функций желудка и селезенки. В качестве лечения он предлагал отвары из целебных трав, отчего был известен и как травник.

² Чжу Чжэнь-хэн объяснял возникновение различных болезней избытком в организме энергии *ян*, преобладавшей над недостаточной *инь*. Чтобы поддерживать в организме необходимое количество *инь*, по мнению Чжу Чжэнь-хэна, нужно перераспределять пневму-*ци*, содержащуюся в желудке и селезенке. В качестве лечения этот врач часто назначал диету, успокоительные травяные настои или сексуальное воздержание. В силу схожести взглядов Ли Гао и Чжу Чжэнь-хэна на процессы, протекающие в организме, в более поздней традиции их методы стали объединять, называя такую медицину Ли Чжу.

приходилось обращаться к трактатам, чтобы хоть как-то лечить больных. Однако имеющиеся трактаты зачастую были бессильны, или же самим врачам не хватало врачебного опыта, чтобы воспользоваться ими и излечить больного. Новая медицина эпохи Эдо находилась на распутье и, как нам кажется, именно Томияма До:я, ученик одного из творцов новой медицины Манасэ Гэнсаку, ясно видел эту проблему и пародийно отразил в «*Тикусай-моногатари*».

Сифилис в «Тикусай-моногатари»

Обратимся к четвертому нагойскому фрагменту:

Как-то один человек заразился сифилисом. Тикусай дал ему лекарство, после чего составил диету, что можно есть, а что нельзя: «жаркое из коршуна, *суси* из воробья, рассольник из орла, вымоченный в *мисо* ворон, зажаренный целиком лопух, *сасими* из совы, жаркое из кита, зажаренная на вертеле выдра, жаркое из трепанга, козодой во фритюре, лепешки со вьюном, *глаза каминари*, *виши отшельника*, *соленый тэнгу*, это вам только и можно». Что бы Тикусай ни давал больному, болезнь становилась все тяжелее. Сифилис может привести к тому, что нос согниет и отвалится, а ноги переломаются и вывернутся коленками назад. В большом возбуждении больной прокричал: а по чьей же все это будет вине? Ни сволочи ли той Тикусай? Ах, гадкий Тикусай! — так сильно злился на него. Уж очень обидно стало Тикусай, даже пришлось перехватить черпак поудобнее, после чего он сказал: «Не знающий ничего о вещах не отличается толком от дерева или камня. Ну-ка, давай я тебе покажу медицинский трактат», — и достал из бумажного кармашка книгу с пьесой «*Сакура Сайгё*»: «Поглядите же, люди. Как мало бутонов, и ветви пожухли, но нет в том лекаря вины». А еще есть старое изречение, «Опадают лепестки, жухнут ветви, но что толку печалиться об этом?», — после чего как ни в чем не бывало возвратился к себе домой, сочинив хокку.

Опал бутон — опал и нос,
Усохли ветви — не осталось рук и ног.
То хурма ль поспела?

Медицина рода Манасэ зиждилась на трех основных принципах: прописать лекарство, определить диету, следовать трактатам [Matsumoto 2009, p. 3]. С формальной точки зрения Тикусай воплощает эти принципы, хотя в конечном итоге болезнь вылечить не удалось. Думается, что несуразное описание диеты и вызывало смех у читателей, однако здесь стоит обратить внимание на следующее. Текст «*Тикусай-моногатари*» существовал в нескольких вариантах: версия, помещенная в серию «*Нихон котэн бунгаку тайкэй*», относится к 1635 г., когда по требованию издателя текст был значительно переписан. В исходной версии 1623 г. диета была короче: в ней не указывались *глаза каминари*, *виши отшельника*, *соленый тэнгу*, иными словами, блюда, однозначно не существующие в действительности. Видимо, их появление в версии 1635 г. можно объяснить общим стремлением издателя демократизировать текст, сделать его более понятным для широкой читающей публики. А раз в более

поздней версии были добавлены блюда, однозначно трактуемые как абсурдные, вызывающие смех, то суть исходного текста не была понятна читателю. Издателю было необходимо дополнительно маркировать этот фрагмент как «смешной». Значит, стоит поразмыслить над тем, что же могло быть смешного и не до конца понятного в изначальной версии текста.

Первое, что обращает на себя внимание в этом фрагменте, — использование пьесы театра Но: вместо настоящего медицинского трактата. В этом, конечно, можно усмотреть пародийность персонажа Тикусай — чтобы в очередной раз подчеркнуть неумелость его как врача, автор дает ему в руки текст, совершенно не связанный с медициной. Если воспринимать подмену медицинского текста на художественный как юмористический прием, иными словами, не понимать этот фрагмент буквально, словно бы Тикусай и вправду хотел вылечить больного по театральной пьесе, то обнаруживается любопытная деталь: стремление Тикусай лечить именно по медицинским трактатам. Болезнь все же излечить не удалось, а потому этот фрагмент можно было бы трактовать как критику современной Томиама До:я медицины, стремления тогдашних врачей лечить ровно так, как написано в трактатах. Это, как видно из фрагмента, далеко не всегда приводило врача к успеху. Иными словами, установка здесь может быть такова: Тикусай смешон потому, что не смог вылечить человека согласно тогдашним медицинским трактатам. Однако в этом и состоит трудность: а был ли известен японским врачам начала XVII в. действенный способ лечения сифилиса?

Тикусай прописал для лечения сифилиса диету. О том, какую диету стоит прописать пациенту, говорилось в книгах *хондзо:сё* (本草書). Вот их основной перечень.

1. Трактат «Канон Шэнь-нуна о корнях и травах» (神農本草經, «Шэнь нун бэньцао цзин»), написанный алхимиком Тао Хун-цин (陶弘景, 456—536) из царства Южное Ци (南齊, 479—502), в котором были собраны основные представления о медицине к тому моменту: какие растения полезны, какие содержат вредные вещества, а какие и вовсе ядовиты и опасны для человека. «Канон» попал в Японию еще до эпохи Нара, изучался наряду с другими текстами.

2. Трактат «Заново собранные корни и травы» (新修本草, «Синь сю бэньцао»), написанный Су Цзином (蘇敬, 599—674) в 659 г. и привезен в Японию в 721 г.

3. Трактат «Корни и травы при лечебной диете» (食療本草, «Шиляо бэньцао»), написанный Мэн Шэнем (孟詵, 621—713), тоже снискал популярность в Японии.

4. «Классическая классифицированная фармакопея для неотложной помощи» (經史証類備急本草, «Цзин ши чжэн лэй бэй цзи бэньцао»), скомпилированная Тан Шэнь-вэем в 1090 г., а также ее вариации (經史証類大觀本草, «Цзин ши чжэн лэй да гуань бэньцао»), и (政和新修經史証類備用本草, «Чжэнхэ синь сю цзин ши чжэн лэй бэйюн бэньцао»), считалась самым важным для японской фармацевтики текстом. В трактате были обобщены предшествующие знания о лекарственных травах — их полезные и вредные свойства, ареал распространения, особенности сбора и хранения. Считается, что в Новое время под влиянием этого трактата Манасэ До:сан написал свой, «Травы и корни хорошие и запретные» (宜禁本草, «Гикин хондзо:»), год создания неизвестен). Если в XVII в. и лечили с помощью диеты, то обращались именно к трактату До:сан.

Но хотя в трактате До:сан встречаются статьи о лечебных свойствах мяса коршуна, воробья, вороны, о прочих животных и растениях, встречающихся в диете Тикусай, сифилис в этих статьях не упоминается. Тот факт, что все перечисленные Тикусай животные и растения встречаются в трактате До:сан, говорит о том, что список, составленный автором от лица Тикусай, — не вымышленный, иными словами, герой опирался на медицинские трактаты при формировании диеты для пациента, страдавшего от сифилиса. И все же само слово «сифилис» (просторечное *касаке* 瘡氣 или научное наименование, пришедшее из китайских трактатов, *ё:байсо*: 楊梅瘡) в тексте не встречается, а потому стоит обратить внимание на бытование сифилиса как болезни в Японии раннего Нового времени.

Самым обширным текстом, посвященным известным на то время болезням, их диагностированию и лечению, является восьмитомный трактат «Сборник наставлений» Манасэ До:сан 1571 г. (啓迪集, «*Кэйтэкисю*:»). Собрав и классифицировав шестьдесят четыре китайских трактата о медицине Древности и Средневековья, Манасэ составил полноценный каталог болезней, в число которых попал и сифилис. Опираясь на два китайских текста 1530-х гг., «Рецепты создания чудодейственных лекарств» (惠剂方, «*Хуэй цзи фан*»), Ван Юн-фу (王永輔, годы жизни неизвестны), и «Споры и сомнения вокруг всевозможных болезней» (諸症弁疑, «*Чжу чжэн бянь и*»), У Цю (吳球, годы жизни неизвестны), До:сан сообщает, что сифилис-ё:байсо: распространился недавно (считался в Японии болезнью, привезенной из Китая); до сих пор бушует в Японии; в миру от него лечатся так же, как и от проказы; неумелые же врачи, стремясь добиться скорейшего выздоровления больного, используют в качестве лекарств ртуть, свинцовый сурик и мускус; ни в каких медицинских трактатах нельзя найти действенного способа лечения, однако есть предание о том, что Чжу Чжэнь-хэню как-то удалось вылечить эту болезнь [Matsumoto, 2009, p. 5—6]. Учитывая, что записи опираются на китайские тексты, доподлинно неизвестно, до какой степени японские врачи того времени, включая До:сан, были осведомлены об этой болезни, встречались с ней в своей практике. В историческом сочинении «Записи о нынешнем» (当代記, «*То:дайки*»), скомпилированном в эпоху Канъэй (1624—1644 гг.), встречается запись о том, как три именитых врача, включая До:сан, пытались излечить от сифилиса-ё:байсо: второго сына Токугава Иэясу, Ю:ки Хидэясу (結城秀康 1574—1607), однако потерпели неудачу, и Хидэясу скончался¹ [Matsumoto, 2009, p. 5—6, с. 8]. Это единственное упоминание о встрече «До:сан» с сифилисом, однако стоит отметить, что под «До:сан» здесь имеется в виду его ученик, Манасэ

¹ Случай с Ю:ки Хидэясу демонстрирует, насколько широко сифилис был распространен в Японии начала семнадцатого века. Считается, что сифилис попал в Японию в 1510-х гг.: первая экспедиция Васко да Гама 1497 г. в Индию принесла изначально европейское заболевание сначала в Индию, а позже и в Китай. Королевство Рюкю, активно торговавшее с Минским Китаем, вместе с китайским товаром завезло в свои порты и сифилис, который позже, в процессе торговли с Японией, был передан на японские острова. Иными словами, к моменту смерти Ю:ки Хидэясу болезнь уже более века буйствовала в Японии. Традиционная медицина не могла справиться с излечением сифилиса, сверх того, японцы и не думали сепарировать больных от людей здоровых, отчего настоящее избавление от сифилиса Япония обрела только в десятки годы двадцатого века: в 1910 г. немецкий химик Пауль Эрлих (1854—1915) и японский ученый Хата Сахатиро: (1873—1938) изобрели сальварсан, лекарство от сифилиса [Sakai 2025, p. 138—143].

Гэнсаку, ибо Манасэ До:сан, умерший в 1594 г., не мог принимать участия в лечении Хидзясу. Называть наследника школы по имени учителя — частая практика в японской традиции.

В том же трактате «*Кэйтэкисю*», в разделе «Нарывы и опухоли» приводится диета для заболевших кожными болезнями: «Нельзя употреблять сырую лапшу, печеное, жареное, вареное, приготовленное на пару, вымоченное в соли, приготовленный по-заведенному алкоголь, а еще жирную говядину, баранину, все виды курицы, насекомых и рыбу» [Matsumoto, 2009, p. 6]. Не до конца понятно, причислялся ли сифилис к кожным болезням, более того, были ли вообще известны его симптомы, однако диета эта практически полностью противоположна тому, что Тикусай прописал страдающему от сифилиса больному; видимо, сифилис считался именно кожной болезнью. Тикусай перечисляет исключительно мясные блюда, что, с одной стороны, связывает его с медициной школы Манасэ, с другой — представляет как незадачливого врача этого направления, полностью перепутавшего рецепты.

Заметим здесь, что изначальная версия фрагмента о сифилисе концентрировалась именно на несоответствии способов лечения Тикусай и методов, предписанных школой Манасэ. По-настоящему оценить этот фрагмент могли только люди знающие, знакомые с медициной того времени, читавшие трактаты До:сан. Это, в свою очередь, указывает на адресата текста «*Тикусай-моноготари*»: скорее всего, это были люди из круга Томияма До:я или Манасэ Гэнсаку, разбиравшиеся в медицине. Круг этот, думается, был далеко не узкопрофессиональным, в него входили и люди, интересовавшиеся медициной. Известно, что к Манасэ До:сан на утренние лекции по медицине каждый день ходило по сто человек [Fukuda 2016, p. 147]. Видимо, лекции До:сан были настолько популярны, что позже стали поводом для шуток: в сборнике *сэцува* периода Гэнна «Веселые речи духу на потребу» (戯言養気集, «*Гигэн ё:ки сю*:»), встречается следующий диалог Манасэ До:сан и Сатомура Дзё:ха.

Давным-давно До:сан Иккэй на своих лекциях толковал медицинские тексты, и собиралось послушать его каждое утро человек сто. Среди собравшихся было много и тех, кому было лет пятнадцать-шестнадцать-семнадцать-восемнадцать, и как это увидел почтенный Дзё:ха-хоккё:, так слезы полились у него из глаз, он посмотрел еще и ушел. Позже он встретился с До:сан: «Что же это такое, среди твоих учеников так много тех, кому еще нет и двадцати, слез не сосчитаешь, точно при виде ящичка для письма, где кисти разлучены друг с другом», сказал так, на что тот ему ответил: «Да, все именно так. Нынешняя молодежь уж очень любит учиться». «Нет-нет, я не про это. Одна мысль о том, сколько эти юнцы убивают людей своей медициной, вызывает у меня слезы». Суйтикуин [До:сан] развеселился и сказал: «До чего же я завидую твоему искусству. И правда, разве можно убить человека стихами *рэнга*?» [Fukuda 2016, p. 147—148].

Думается, врачи времен Манасэ До:сан и Манасэ Гэнсаку воспринимали термины *касакаэ* и *ё:байсо*: как не связанные между собою. Манасэ До:сан в своих трактатах, безусловно, писал о сифилисе-*ё:байсо*., но признаки этой болезни и методы ее лечения заимствовал из куда более ранних китайских трактатов эпохи Сун (например, текст «Сущность диагностики и лечения внешних болезней» «Вайкэ Цзиньяо»

(外科精要 1236 г.) врача Чэнь Цзы-мина (陳自明, 1190—1270-е гг.) использован в «Кэйтэкисю:» в разделе про оспу главы «Нарывы и опухоли» (できもの・はれもの, «Дэкимоно, харэмоно»). Более того, не обнаружено свидетельств тому, чтобы До:сан когда-либо встречался с больными сифилисом. Если не принимать во внимание запись из «То:дайки», это же можно сказать и о Манасэ Гэнсаку.

В двадцать четвертом году Ваньли (万曆, 1596 г.) в Китае был создан текст, рассматривающий основные положения китайской медицины, — трактат «Компендиум лекарственных веществ» (本草綱目, «Бэньцао ганму»). Его автор Ли Ши-чжэнь (李時珍, 1518—1593), в частности, описал действенный способ лечения сифилиса — болезнь уже какое-то время бушевала в Китае, а потому поиски лекарства были начаты значительно раньше, чем в Японии. В четвертом свитке есть глава о *ё:байсо:*, где приведено более пятидесяти лекарств для излечения сифилиса. Основным считался гриб пахима, или *ту-фулин* (土茯苓), подземный гриб, растущий на корнях сосен. Это было новшество в мире медицины, ибо раньше этот гриб не предлагался для излечения сифилиса [Matsumoto 2009, p. 11—12]. В восемнадцатом свитке, разделе о грибе *ту-фулин*, описаны подробно и признаки сифилиса (а вместе с тем и конкретные диетические запреты: на мясные блюда, алкоголь, труд и женщин). Однако преимущественно эти предписания совпадали с теми, что были описаны Чэнь Цзы-мином тремя веками ранее, а соответственно, и с тем, что описал Манасэ До:сан в «Кэйтэкисю:». Совпадение это, отметим, произошло не потому, что Ли Ши-чжэнь скопировал более ранний и авторитетный текст Чэнь Цзы-мина, а потому, что ему удалось поработать с больными, страдавшими от сифилиса, и проверить на практике действенность диеты. То есть никогда не видевший сифилиса Манасэ До:сан, вторя трактату трехвековой давности, сам того не зная, оказался прав — по меркам китайской медицины конца XVI в. — в выборе диеты.

Текст «Бэньцао ганму» впервые привезли в Японию в 1607 г. на торговом судне в Нагасаки. На него обратил внимание Хаяси Радзан (1583—1657), известный неоконфуцианец начала эпохи Эдо. Приобретя его для себя, он позже преподнес трактат Токугава Иэясу в качестве подарка. Текст настолько понравился Иэясу, что позже его отослали ко двору Токугава Хидэтада, где сделали несколько копий. И как раз в это время, в 1608 г., Манасэ Гэнсаку прибыл в ставку Токугава для принятия родов у восьмой жены Токугава Хидэтада. Доподлинно известно, что тогда он и познакомился с этим текстом, на основе которого позже составил два своих трактата, «Лечебные свойства ядов» (藥性能毒, «Якусэй но:доку»), и «Пищевые свойства ядов» (食性能毒, «Сёкусэй но:доку»). В этих текстах нет ни одной статьи, посвященной лечению сифилиса-касакаэ, а потому не до конца понятно, определял ли Гэнсаку сифилис-ё:байсо: и сифилис-касакаэ как одну и ту же болезнь. В трактате 1638 г. издания «Хризантема чудесного аромата» (衆方規矩, «Сю:хо:кику») (думается, имеется в виду 衆芳菊), написанном изначально Манасэ До:сан, позже отредактированном Манасэ Гэнсаку и неоднократно переиздававшимся на протяжении всей эпохи Эдо с дополнениями и исправлениями, читаем две статьи, посвященные разным отварам: «Отвар “девяти узоров”: вывести сифилис-касакаэ из организма непросто, но если использовать этот отвар, то сифилис выйдет полностью, или же можно избавиться от него внутри организма путем изменения дозы... Порошок, “ограждающий от болезней и дарующий святость”: людям, долгое время страдающим от чесотки, сифилиса-ё:байсо: или про-

казы, стоит применить этот отвар, и болезни не станет» [Matsumoto 2009, р. 9—10]. Заметно, что термины *касакэ* и *ё:байсо:* здесь использованы так, словно бы указывают на две разные болезни, отчего я все же склонен полагать, что ни Манасэ До:сан, ни Манасэ Гэнсаку этих терминов не сопоставляли.

Более того, в популярных собраниях юмористических песен второй половины XVII в., пародировавших статьи различных медицинских трактатов, встречается только слово *касакэ*, то есть в массовой эдоской культуре отождествления *ё:байсо:*, научного китайского термина, и *касакэ*, просторечного устаревшего термина, также не наблюдалось. Только с конца XVII в. термины *касакэ* и *ё:байсо:* будут указывать на одну болезнь — сифилис [Matsumoto 2009, с. 7—8].

Далее, «*Бэньцао ганму*», как и предшествующие ему медицинские трактаты, концентрируют свое внимание на том, что нельзя употреблять при той или иной болезни (в том числе при сифилисе). Однако нигде не было написано, что можно употреблять при сифилисе. Этого врачи начала эпохи Эдо еще не успели установить. Первое упоминание о том, что при сифилисе можно употреблять водоросли-комбу, относится к 1656 г. [Matsumoto 2009, с. 13]. Таким образом, описания, посвященные сифилису, в «*Тикусай-моногатари*» были смешны тогдашнему читателю именно потому, что Тикусай вдруг предложил разрешенный список продуктов при сифилисе, чего ни один тогдашний врач прописать не мог. Тикусай не путает способ лечения сифилиса-*касакэ*, как если бы он явно существовал для врачей его времени, но предлагает вдруг решение проблемы сифилиса самым радикальным способом: следовать предписаниям школы Манасэ, хотя и прямо противоположным способом. Думается, что именно в этом и заключалась смеховая составляющая фрагмента о сифилисе. Для понимания этого фрагмента требовались глубокие познания в медицине, чего от массового читателя, к кому было обращено ксилографическое издание, в том числе 1630-х гг., требовать было нельзя. Для этого издатель и добавил в конец списка глаза *каминари*, вши отшельника и соленого *тэнгу*, чтобы однозначно маркировать предложенный Тикусай список как смешной.

Сверх того, Тикусай здесь может выступать и как образ неумелых врачей начала XVII в. вообще, тех, кто не был знаком с недавно прибывшими в Японию китайскими трактатами, не знал научной терминологии и лечил по старому, изложенному еще Манасэ До:сан, образцу. На это указывает употребление Тикусай слова *касакэ*, а не *ё:байсо:*. Однако это справедливо только в том случае, если врачи начала XVII в. понимали, что два этих термина указывают на одну и ту же болезнь.

Подытожим эту часть. Медицина школы Манасэ основывалась на наблюдении за реальными больными и ходом их болезни. Но врачам не хватало опыта для излечения больных, а потому они следовали китайским трактатам. Но следование и китайским трактатам, и японским не могло спасти больного, если информация в этих трактатах была недостаточной или не до конца проверенной. Известно, что гриб *ту-фулин* далеко не всегда помогал при сифилисе¹, как и запретительная диета, а потому упорст-

¹ Уже в трактатах второй половины XVII в. указывалось, что гриб *ту-фулин* не растет в Японии и от сифилиса помогает далеко не всегда. Его неэффективность косвенно подтверждается и более поздними медицинскими трактатами, описывавшими лечение сифилиса. Прочитаем «Лечебное благоухание хризантемы» (医療衆芳規矩, «*Ирё:сю:хо:кику*», 1800 г.), дополненный и исправленный

во приверженцев школы Манасэ следовать букве трактата и высмеивалось Томиама До:я во фрагменте с сифилисом. Более того, Тикусай воплощал и не знакомых с новейшей китайской и японской медициной неумелых врачей, лечивших больных старыми, «до:сановскими» методами. Думается, что одними из первых читателей *«Тикусай-моногатари»* были врачи, понимавшие, что же хотел сказать Томиама До:я. Может быть, круг понимающих включал в себя и юных учеников Манасэ До:сан, приходивших на его лекции по толкованию медицинских текстов. Однако по прошествии двенадцати лет, в 1635 г., текст *«Тикусай-моногатари»*, ставший достоянием уже массового читателя, был переписан и упрощен, чтобы и простой человек мог найти для себя что-то смешное в подобных фрагментах.

Удача как основополагающий фактор новой японской медицины

Обозначенные выше мотивы можно обнаружить и в других нагойских фрагментах. Проанализируем их последовательно.

В первом фрагменте пациент болен лихорадкой. Тикусай спрашивает пациента про болезнь, после чего сверяется с пульсом. Сцена эта безусловно комична тем, что Тикусай притворяется, будто бы все, о чем говорит пациент, он смог понять сам по его пульсу:

Тикусай проверил пульс больного. «Нет ли у вас жара?», — спросил он самурая. «Есть», — ответил тот. «Так я и думал», — сказал Тикусай, после чего подпрыгнул от радости, ведь его предположения оказались верны. «Не болит ли у вас голова?», — спросил он. «Виски болят», — был ответ. «Так я и думал», — сделал Тикусай самодовольное лицо. «А нет ли у вас глистов?» — «Как же, всегда были.» — «В них-то и проблема», — сказал Тикусай с видом, будто ему уже все понятно и он готов приступить к лечению.

Такой метод диагностики назывался по-японски «вопрошанием пульса» (問脈, *тоимяку*). Это одна из «четырех мудростей» (四知, *сити*), коими должны были обладать врачи. В сборнике наставлений рода Манасэ *«Киригами»* (切紙) сказано: «Четыре мудрости суть дух, когда по цвету определяешь болезнь, святость, когда по голосу определяешь болезнь, умение, когда, задав вопросы пациенту, определяешь болезнь, искусство, когда, осмотрев пульс больного, определяешь болезнь» [Fukuda 2016, p. 140]. В сборнике *«Сэйсуйсё»* встречаем рассказ на похожую тему:

Бывают врачи, не различающие пульс — плавающий ли он, средний или тонущий, и не слышавшие даже о семи сторонах, восьми изнанках, девяти путях и двадцати четырех названиях. Пощупают пульс у больного, а после спросят: «Не отзывается ли болью в груди?». «Как же, как же, болит». «Так и есть, пульс ваш о

вариант «Хризантемы чудесного аромата» 1638 г.: «Для излечения сифилиса годится напиток “пульсирующая ци” из 24 ингредиентов, отвар “в поисках ветра”, выводящий токсины из тела, порошок, “обновляющий кожу”, устраняющий все токсины в теле, отвар из “шести вещей”, выводящий токсины из тела, пилюля “пять сокровищ Тунсянь”, порошок из оленьих рогов, благовония по назначению врача, пилюля из “молодой листвы”» [Matsumoto, 2009, p.9]. Приведенный способ лечения сифилиса полностью отличается от тех, что были описаны в трактатах рубежа XVI—XVII вв.

том и говорит. А ноги у вас не мерзнут?». «Нет, в тепле». «Так и есть, это по пульсу и видно. А головных болей не бывает?». «Нет, не бывает». «Так и есть, все с пульсом вашим соотносится». Есть врачи, придерживающиеся и таких методов. А как сами сделаются больными, в иной раз и лекарства не попросят [Matsumoto 2009, p. 23—24].

Юмор этого фрагмента строится на том, что врач якобы по пульсу в состоянии определить не только те симптомы, которые у больного есть, но и те, которых у него нет. Схожий фрагмент из «Тикусай-моногатари» напоминает рассказ из «Сэйсуйсё:», с тем лишь отличием, что пациент Тикусай не дает отрицательных ответов. Сходство это не случайно: известно, что в версии 1635 г. этот фрагмент был незначительно переписан, юмор же в версии 1623 г. основывался на другом.

Последний вопрос Тикусай изначально звучал так: «Нет ли у вас глистов?» (虫はなきか, *муси ва наки ка*), на что следовал ответ: «Вечно у меня в груди чего-то там скребет» (つねづね胸虫あり, *цунэ-дзунэ мунэ-муси ари*), что также можно понять как «вечно меня все раздражает». Видимо, пациент имел в виду «глистов раздражительности» (癩の虫, *кан-но муси*), которые, как считалось, являются причиной истерического поведения детей. Впрочем, на взрослых это описание также распространялось. Тикусай же спрашивает пациента о глистах. Иными словами, хоть Тикусай и пациент говорят о совершенно разных вещах, им удастся достичь взаимопонимания и построить на этом диалог. Безусловно, чтобы понять тонкость этого фрагмента, нужно было обладать медицинскими познаниями, которых издатель, переписавший текст «Тикусай-моногатари» в 1635 г., от читателя не ждал и текст заведомо упростил, приблизив его к фрагменту из «Сэйсуйсё:».

Понимание того, что подразумевалось изначально, раскрывает значение стихотворения, встречающегося в том же фрагменте:

Среди врачей
Нет хороших или плохих.
Есть только те,
Кому свыше благоволят,
Кто оказался в нужное время в нужном месте.

Примечательно, что стихотворение это сочиняет пациент, а не врач, иными словами, до определенной степени здесь отражено восприятие врачей теми, кого лечили, но не теми, кто лечил. Нет тех, кто освоил доктрину школы Манасэ лучше или хуже, есть лишь врачи, кому повезло или не повезло вылечить больного, что отвечает революционному духу новой японской медицины. В первом фрагменте Тикусай повезло найти общий язык с больным, разговаривая с ним при этом о совершенно разном.

Во втором фрагменте кузнецу попал в глаз осколок металла.

А еще был один кузнец, которому в глаз попал осколок железа, отчего тот опух. Такада и Масима некогда пытались излечить эту болезнь, но толку не было. Тикусай увидел это и сказал: «Все ясно», и ничего не проверяя, смешал мазь *курояки* с толчеными рисовыми зернами и приложил компресс с этой смесью к глазу. «По прошествии трех дней можете снимать. Глаз должен более-менее зажить», — любезно сказал Тикусай, а как три дня прошло, кузнец снял повязку, и

глаз снова ясно видел. Пораженный чудодейственностью лекарства он спросил: «Что же это за лекарство?», «Это камень с горы Гисяку-сан, что на границе Китая и Японии. Как-то в древности один человек, имевший при себе меч, проходил у подножия этой горы, как вдруг она его поглотила. Уж коли та гора была способна поглощать людей, проходивших мимо, почему же камень с той горы не подействует на маленький осколок железа, попавший к вам в глаз?» — объяснил Тикусай. «До чего же сообразителен Тикусай», — подумал кузнец, и не было такого, кто бы не вознес ему хвалы.

В начале фрагмента упоминаются Такада (高田) и Масима (馬島), монахи, специализировавшиеся на лечении глазных болезней. В «*Нихон котэн бунгаку тайкэй*» сказано о них так: Такада — общее название для монахов храма Ко:дэндзи монастыря Такададзи, находившегося на территории современной префектуры Айти в уезде Нисикасуга. Из поколения в поколение монахи передавали друг другу тонкости лечения глазных болезней. Масима: считается, что наиболее древний способ лечения глазных болезней появился среди и распространялся монахами храма Ио:сан-Якусидзи (医王山薬師寺), находившегося на территории современной префектуры Айти. Ныне этот храм известен под названием Мё:гэнъин (明眼院) [Chikusai monogatari 1969, p. 138]. Фукуда Ясунори указывает, что Такада и Масима здесь — соперники врачей школы Манасэ, отчего Томияма До:я, принадлежавший к этой школе, начал фрагмент именно с описания неудачи своих оппонентов [Fukuda 2016, p. 141].

С филологической точки зрения центральным, структурообразующим элементом каждого нагойского фрагмента является конечная шутка, связанная с цитированием несвязанных с медициной текстов. Словно бы автор сначала отбирал историю, на которую будет ссылаться, после чего придумывал к ней болезнь. Однако описанные Томияма До:я методы лечения часто встречаются в медицинских трактатах того времени, отчего первостепенной задачей автора было придумать то, каким образом Тикусай нарушит предписания трактатов, в каком месте он перепутает «принцип» (理, *ри*) предписанного лечения. Эта мысль подтверждается и анализом второго нагойского фрагмента. В «Тайном учении о резаных ранах» (金創秘伝, «*Кинсо: хидэн*»), написанном Асами Кэйсай (浅見惺斎, годы жизни неизвестны) в 1578 г., встречается следующий пассаж:

Правую половину [некоего ингредиента] раздробите в порошок, перемешайте ее с *рисовым клеем* и нанесите на рану. Также разложите молодую листву и сделайте из нее мазь *курояки*, после чего замесите ее с рисовым уксусом и нанесите поверх раны. Если клинок вошел непрочно, смешайте разбавленный рисовый клей с дыней, закрутите получившееся в шарик и вложите в рану. Если же рана была от наконечника стрелы, *разделите магнит надвое* и добавьте в получившееся лекарство [Matsumoto 2009, p. 29—30].

Описанный выше метод подходил для излечения ран от стрел, Тикусай же применяет этот рецепт для излечения глаза, в каковой попал осколок железа. Безусловно, ошибка Тикусай здесь состоит в том, что он избрал лечение не для той болезни, полагаясь лишь на общий принцип — как излечить резаную рану от пронзившего тело

железного орудия. Примечательно, что Тикусай не обращается к магистральному тексту школы Манасэ, «Сборнику наставлений» Манасэ До:сан, в котором было сказано: «Если железный осколок не выходит, смажьте его мышиной печенью (мышинной мозг также сгодится), после чего он выйдет». Иными словами, Тикусай — образ неудавшегося врача школы Манасэ, который, не освоив ее учения, обращается к другим медицинским школам, дабы излечить больного.

Мацумото Кэн предлагает другой взгляд на этот фрагмент [Matsumoto 2009, p. 25—31]. В конце него Тикусай упоминает список текстов, какие он изучал в молодости.

Тикусай был польщен, с важным видом он сказал: «В молодости я отдавал себя учебе, как и многие. Много же прочитал я трактатов по медицине. Сперва я осилил «Великое собрание трудов», «Канон пульса», «Трактат о целебных свойствах ядов», «Трактат о круговороте жизненной энергии», «Введение к трактату о целебных травах», «Канон о трудном», трактат о «Выздоровлении от всех болезней», «Медицинский канон», «Диалоги о медицине», «Трактат Хуанди о внутреннем, вопросы о простейшем», «Канон таинственной сути», всевозможные книги по фармацевтике, «Избранные главы, посвященные медицине», «Трактат об истоках», ночами ветренными и безветренными, ночами дождливыми и тихими лампа моя все время была подвешена, и я, не давая отдыха глазам, учился изо всех сил, но что толку от шелеста страниц, коли тело мое покрыто рваной бумагой».

Тикусай не упоминает «Тайного учения о резаных ранах», ибо текст этот был секретный, недоступный широкому читателю, отчего ни Тикусай, ни сам Томяма До:я его, скорее всего, не читали. Сходство методов, описанных в «Тикусай-моногатари» и «Тайном учении о резаных ранах», указывает на обратное: высокая вероятность того, что Томяма До:я этот текст видел. Однако Тикусай его не упоминает, отчего мы исходим из того, что Тикусай его все же не видел. Из приведенного им списка только «всевозможные книги по фармацевтике» затрагивали хирургическое вмешательство в тело человека. В относившемся к этой группе текстов «*Бэньцао ганму*» есть цитата из «Солнечного блеска всевозможных учений, собранных в травниках» (日華諸家本草, «*Жихуа чжуцзя бэньцао*»), где сказано: «Магнит надобно измельчить и раздробить, после чего дать проглотить, не причиняя тем самым вреда мышечной ткани». Встречается там же и цитата из «Прошедшийся по Китаю гребень министра Цянь» (錢相公篋中方, «*Цянь сянгун би чжунфан*»): «В магните надобно проделать отверстие, протянуть через него нитку, после чего дать его проглотить и потянуть за нить обратно». Выходит, что Тикусай, усвоив общий принцип действия магнита, на основе этих фрагментов изобрел свой способ по извлечению осколка железа из глаза кузнеца. В конечном счете неизвестно, помогло ли пациенту именно лечение Тикусай. Все-таки между лечением и результатом прошло три дня, отчего рана могла зажить сама собой. Важно, что Тикусай повезло вылечить больного, как повезло и во время разговора с первым больным. В этом характеристика врачей Нового времени: то, что в стихотворении, сочиненном первым больным, переведено как «...есть только те, ... кто оказался в нужное время в нужном месте», передается японски словосочетанием «сиюминутное, преходящее счастье» (時の仕合わせ, *токи-*

но *сиавасэ*). По мнению Мацумото, врачи того времени полагались на случайный успех, он их и возносил, и сбрасывал вниз.

В третьем фрагменте пациент упал с лошади.

А как-то один человек упал с лошади и пришел на прием к Тикусай, и тот спросил: «Сколько раз вы падали с лошади?». «Вчера днем, возвращаясь из деревни, я упал пять или шесть раз.» «Все ясно», — ответил Тикусай и, накрыв больного одеялом и хлопковыми одеждами, уложил его спать: «А теперь спите, спите». Но боль не давала ему спать, отчего он спросил: «Да что же это за лечение такое?». «Такого рода болезнь существует издавна», — *после чего достал из-за пазухи текст пьесы «Удзи Ёримаса»*. «Глядите же, люди! Написано: «Принц изволил упасть с лошади аж шесть раз, отчего занемог. А причиной тому послужило то, что прошлой ночью он не спал». Разъяснение этому можно найти в этой медицинской книге: летом некоторого года периода Дзисё: Гэнсанъи Ёримаса поднял злостный мятеж, и Принц, также известный под именем Такакура-но ин, принял участие в сражении, и был побежден, а раз дело было в том, что он не спал прошлой ночью, по этой же причине я и укладываю спать вас. *Кроме как по медицинским трактатам, я бы не стал лечить вас никак*», — сказал Тикусай. Люди, бывшие неподалеку, были впечатлены, аплодировали Тикусай. «Раз он настолько разбирается в вещах, то и в медицине непременно знает толк», — поговаривали они.

Из рассмотренных до этого фрагментов этот ближе всего к пародии. Наглядно видно, что рассказ здесь разворачивается «с конца»: Томияма До:я сначала вспомнил текст пьесы «*Удзи Ёримаса*», после чего на его основе сочинил похожую историю о пациенте. Юмор медицинских фрагментов «*Тикусай-моноготари*» подчиняется той логике, что прослежена в статье Л.С. Выготского о рассказе «Легкое дыхание» И.А. Бунина [Выготский 2001, с. 435—455]. Один из приемов построения художественного текста состоит в преобразовании подачи фабулы настолько, что и простая, безынтересная история вызывает эмоцию у читателя. Это же справедливо и для юмористического текста: если бы цитаты из пьес театра Но: в «*Тикусай-моноготари*» шли в начале истории, то ассоциативная связь с описанием больного, более того, механизм создания этой истории были бы обнажены. Однако перемена мест слагаемых в рассказе позволяет читателю расценить цитату из пьес театра Но: как удачную находку Тикусай, указывающую на его остроумие и начитанность. Вместе с тем это и сосредоточение «смешного» в этом фрагменте, ибо никакой врач не станет выстраивать свое лечение на основе художественного текста, не имеющего отношения к медицине.

Интересен этот фрагмент и признанием Тикусай в том, что больных он лечит исключительно по медицинским трактатам. Эту фразу, как стало ясно из анализа предыдущих фрагментов, можно воспринимать двояко. В первую очередь в ней заложена ирония, ибо по контексту Тикусай именуется медицинскими трактатами пьесы, что изобличает его как «неумелого врача». С другой стороны, следовать медицинским трактатам было одним из основных положений школы Манасэ, что раскрывает принадлежность самого Тикусай к этой школе. Эта же фраза может быть интерпретирована двояко: раз врачи лечат только по трактатам, то медицинские неудачи стоит

приписывать или низкому качеству трактатов, или неопытности самих врачей, не сумевших трактатом воспользоваться. Согласно «Тикусай-моногатари», обе интерпретации справедливы.

На примере этого же фрагмента видно, на чем основан юмор большинства медицинских фрагментов «Тикусай-моногатари». Лечение любой болезни основано на прецеденте. Если прецедентов собирается много, их опыт обобщается в правило, предписание. В случае, если прецедентов недостает или не существует вовсе, врач выбирает схожий прецедент и на его основе старается изобрести свое лечение. Особенность Тикусай как врача состоит в том, что он слишком вольно обходится с выбором прецедента или зачастую лечит не саму болезнь, но ее причину. Человек упал с лошади — лечить нужно ушибы или ссадины, но Тикусай, игнорируя сами травмы, обращается к тому, что, по аналогии с Такакура-но ин, считает их причиной, — недосып, из-за чего пытается уложить человека спать. Именно поэтому в конце люди называют Тикусай знающим человеком: он не проявил врачебного таланта, но лишь показал большую начитанность. Это описание применимо почти ко всем фрагментам «Тикусай-моногатари». Лечение полагается преимущественно на удачу: для нас в конечном счете не важно, отсылает ли Тикусай к своему личному опыту, как было в первом фрагменте, или ссылается на литературные тексты под видом медицинских трактатов, — все это в конечном счете показывает состояние японской медицины начала XVII в. Не хватает ни врачей с достаточным опытом, ни актуальных трактатов, которые могли бы помочь излечить современные Тикусай болезни.

Пятый фрагмент, посвященный приготовлению лекарства и побегу Тикусай из дома больного, интересен двумя аспектами. Первый аспект — юмористический, здесь вновь проявляется правило, сформулированное выше: Тикусай предлагает добавить кусочек маринованного баклажана в лекарство, чтобы сбить жар больному.

И снова не извлек Тикусай никакого урока, как вдруг с одним человеком случилась лихорадка. Собрались первоклассные врачи и стали вместе готовить лекарство. Тикусай тоже включился в обсуждение и сказал: «Когда не удастся сбить жар, стоит добавить в лекарство кусочек маринованного баклажана». «Какой необычный ингредиент. Почему именно он?» — спросили его, «Если в закипевшую воду, в которой варится рис, добавить кусочек маринованного баклажана, то бульон тут же остынет», — на что все рассмеялись.

Сюжет о маринованном баклажане можно назвать ходячим для того времени. Во втором свитке сборника «Сэйсуйсё:» встречаем похожий рассказ «Болван»:

Залезая в ванну, человек сказал: «Невыносимо горячо! Быстрее, принесите каких-нибудь солений». Его спросили: «А это еще зачем?», на что он ответил: «Когда вода от риса горяча, туда стоит добавить чего-нибудь маринованного, и бульон стынет» [Matsumoto 2009, p. 35].

Тикусай взял за основу лечения тот единственный факт, что баклажан способен понизить температуру, детали же — температура то бульона или больного — его интересуют меньше.

Вторая часть этого фрагмента озаглавлена бегством Тикусай из дома больного, как только тот услышал о приезде придворного лекаря. В тексте это обыграно так,

словно бы Тикусай стыдится встречи с врачом более знаменитым и богатым. Титул придворного лекаря в тексте передан как *хо:ин хо:ган* (法印法眼), так именовали только врачей, приближенных к императору, в том числе Манасэ До:сан и Манасэ Гэнсаку. В силу этого думается, что реальная причина бегства Тикусай состоит в нежелании встретиться со своим учителем из школы Манасэ, заветам которой он упорно не следует.

Последний фрагмент, который мы рассмотрим, посвящен мальчику, утонувшему в колодце.

А как-то ребенок некоего человека упал на дно колодца. «А давайте так», «Нет-нет, лучше так», — совсем не знали, что поделать. А в это время Тикусай как раз проходил мимо того дома, а как спросил, в чем дело, ему рассказали, как все было. Тикусай подошел к колодцу и сказал: «Я вытащу его». Он прилепил пластырь к двери и накрыл ею колодец. «Сейчас его присосет. Подождите», — хоть и сказал так, но с чего бы ребенку от этого подняться? Прошло сколько-то времени, и ребенок умер.

Тикусай использует здесь пластырь от гнойников, о присасывающих свойствах которого было написано в предыдущем фрагменте — там слива застряла в горле у женщины. Однако почему вдруг Тикусай решил, что тот же самый пластырь сможет поднять ребенка со дна колодца? У Манасэ До:сан есть тайный текст, посвященный свойствам присасывающего пластыря: «Записи из драгоценной кладовой, полной лазурита» (瑠璃宝蔵記, «*Рури хо:дзо:ки*»). В нем, в частности, сказано, что такие пластыри способны *сиси о агэ* (シンを上げ) [Matsumoto 2009, p. 39—40], смысл чего на самом деле неясен. Традиция тайных текстов предполагала не столько изучение самого текста, сколько изучение его трактовки со слов наставника. Нам остается лишь предполагать. Слово *сиси* может означать и «льва» 獅子, и «конечности» 四肢, что подчеркивало бы силу пластыря. Однако Тикусай, видимо, интерпретировал *сиси* как «плоть» 肉, отчего посчитал возможным поднять мальчика со дна колодца одним лишь пластырем. Этот фрагмент раскрывает новый аспект некомпетентности врачей раннего Нового времени — непонимание тайных текстов, а раз понять их можно было только с помощью совместного прочтения с учителем, то это в свою очередь указывает на недостаточную образованность врачей начала XVII в.

Заключение

Нагойские фрагменты «*Тикусай-моногатари*» не стоит расценивать как исключительно смешной текст, посвященный неумелому врачу. В отличие от историй, подобранных в «*Сэйсуйсё*», Тикусай не только терпит неудачи, но и добивается успеха в лечении, иными словами, исполняет свой врачебный долг по существу. Неудачи и удачи, метод проб и ошибок характерен тогдашним врачам вообще, а потому стоит воспринимать Тикусай как пародийное изображение японского врача начала семнадцатого века, придерживавшегося учения Манасэ.

Как следует из статьи, медицинские фрагменты Томиама До:я куда более сложны, чем может показаться на первый взгляд. Для их понимания требовались недюжинные знания медицины, отчего становятся понятными и изменения, произошед-

шие с текстом в 1635 г., направленные на его упрощение, и изначальный круг читателей этого текста. Томияма До:я критикует современную ему медицину, указывая, с одной стороны, на некомпетентность врачей своего времени, с другой — на повсеместное использование неактуальных трактатов, не помогающих излечить болезни.

Библиографический список

Выготский Л.С. «Лёгкое дыхание» / И. А. Бунин: pro et contra; сост. Б.В. Аверин, Д. Риникер, К.В. Степанов. СПб.: РХГИ, 2001. С. 435—455. 1016 с.

References

Vygotskii, L. S. (2001). «Legkoe dykhanie» [Light Breathing]. In B. V. Averin, D. Riniker, & K. V. Stepanov (Eds.), *I. A. Bunin: pro et contra* (pp. 435—455). Saint Petersburg: RKhGI. (In Russian).

* * *

Chikusai monogatari. (1969). In K. Maeda & T. Morita (Eds.), *Kanazōshi-shū* (pp. 92—159). Tokyo: Iwanami Shoten. (In Japanese).

Fukuda, Y. (2016). *Igakusho no naka no bungaku* [Literature Within Medical Texts]. Tokyo: Kasama Shoin. (In Japanese).

Matsumoto, K. (2009). *Kanazōshi no monogatari: “Chikusai,” “Ukiyo-monogatari” ron* [Monogatari in the World of Kanazōshi: On “Chikusai Monogatari” and “Ukiyo Monogatari”]. Tokyo: Seisansha. (In Japanese).

Sakai, Shizu. (2025). *Tales of Plague and Pestilence: A History of Disease in Japan*. Tokyo: JPIC.

Поступила в редакцию: 10.06.2025

Принята к публикации: 23.10.2025

Received: 10 June 2025

Accepted: 23 October 2025

В.В. Пужаев

Становление юридического образования в Японии в первой половине эпохи Мэйдзи: очерк истории *Мэйхо:рё:* и *Сихо:сё: хо:гакко:*

Аннотация. В статье исследуется история развития в Японии сферы профессионального юридического образования на начальном этапе мэйдзийской модернизации (1868—1885). После падения режима Токугава Япония, прервавшая автаркическое существование, вступила на путь догоняющего развития, стремясь упрочить свое международное положение и обеспечить себе равный статус в отношениях с ведущими мировыми державами. Желая добиться пересмотра неравноправных Ансэйских договоров, правительство Мэйдзи поставило перед собой две ключевые цели, одна из которых была связана с принятием в Японии новых законов, отвечающих современным требованиям, а другая предполагала реформирование сложившихся при сёгунате системы юрисдикционных органов и принципов отправления правосудия. Для того чтобы обеспечить надлежащим образом процесс правоприменения, потребовались обученные на западный манер профессиональные юридические кадры, которых в тогдашней Японии попросту не было. В первые несколько лет после революции Мэйдзи японское правительство попыталось решить проблему отсутствия в стране юристов путем направления за границу наиболее способных молодых японцев для обучения в европейских университетах. Однако такая практика оказалась малоэффективной в соотношении с общими потребностями Японии в юристах. Тогда правительство Мэйдзи решило учредить в Токио первую специализированную школу права и пригласить из Европы преподавателей для обучения основам западной юриспруденции первых поколений японских студентов. В качестве образца для преподавания было выбрано французское право. Изначально юридическая школа функционировала в рамках Института правовых исследований (*Мэйхо:рё:*), созданном при Министерстве юстиции Японии. Однако в мае 1875 г. была проведена административная реформа, в ходе которой школа *Мэйхо:рё:* была закрыта, а ее преемницей стала новая юридическая школа под названием «Правовая школа Министерства юстиции» (*Сихо:сё: хо:гакко:*). С деятельностью этих учебных заведений неразрывно связан начальный этап становления юридического образования в посттокугавской Японии. В представленной статье автором впервые в российской науке проводится исследование организационных моментов становления школы *Мэйхо:рё:* и юридической школы Министерства юстиции Японской империи, изучается вопрос о кадровом обеспечении образовательного процесса в обеих школах, приводятся сведения о нанятых японским правительством иностранных преподавателях, рассматривается вопрос о социальном происхождении первых учеников, приводятся количественные данные по контингенту обучающихся и отмечаются основные векторы развития профессиональной карьеры выпускников.

Ключевые слова: юридическое образование, вестернизация, Буассонад, Мэйдзи, Мэйхорё, правовая школа Министерства юстиции, история Японии.

Автор: Пужаев Владимир Владимирович, старший преподаватель кафедры трудового и экологического права юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (адрес: 603105, г. Нижний Новгород, ул. Ашхабадская, 4).
ORCID: 0000-0001-6818-8116. E-mail: puzhaev_vl@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Пужаев В.В. Становление юридического образования в Японии в первой половине эпохи Мэйдзи: очерк истории *Мэйхо:рё:* и *Сихо:сё: хо:гакко:* // Японские исследования. 2025. № 4. С. 90—111.
DOI: 10.55105/2500-2872-2025-4-90-111.

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №20-011-00034 «Правовые воззрения Гюстава Буассонада де Фонтараби и рецепция французского права в Японии».

V.V. Puzhaev

**The development of legal education in Japan in the first half of the Meiji era:
An outline of the history of *Meihōryō* and *Shihōshō Hōgakkō***

Abstract. The article examines the history of the development of professional legal education in Japan at the initial stage of the Meiji modernization (1868—1885). After the fall of the Tokugawa regime, Japan embarked on the path of Westernization, trying to strengthen its international position and ensure equal status in relations with the leading Western states. Wishing to revise the unequal Ansei Treaties, the Meiji government set two goals: the first goal was to adopt modern laws in Japan that corresponded to Western models; the second goal was to reform the principles of administration of justice and the system of jurisdictional state bodies that had been established during the time of the shogunate. At the same time, the application of the “new” laws required professional legal personnel, which Japan did not have at that time. In the first years after the Meiji Revolution, the Japanese government attempted to solve the problem of the lack of lawyers in the country by sending the most talented young Japanese abroad to receive legal education at European universities. However, this practice was very slow in solving the problem of the country's shortage of lawyers. Then the Meiji government decided to establish the first specialized law school in Tokyo and invite teachers from Europe to teach the basics of Western jurisprudence to the first generations of Japanese students. French law was chosen as a model for teaching. Initially, the law school operated within the framework of the Institute of Legal Studies (*Meihōryō*), established at the Ministry of Justice of Japan. However, in May 1875, an administrative reform was carried out, during which the *Meihōryō* school was closed, and a new law school called the “Law School of the Ministry of Justice” (*Shihōshō Hōgakkō*) became its “successor.” The initial stage of the development of legal education in Meiji Japan is inextricably linked with the activities of these educational institutions. In this article, the author examines the history of the establishment and development of *Meihōryō* and *Shihōshō Hōgakkō*, examines the issue of staffing the educational process and the social background of the first students, provides data on the number of students, and notes the main vectors of development of the professional careers of graduates.

Keywords: legal education, Westernization, Boissonade, Meiji, *Meihōryō*, Law School of the Ministry of Justice, history of Japan.

Author: *Puzhaev Vladimir V.*, Senior Lecturer at Department of Labor and Environmental Law, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (address: 4, Ashkhabadskaya Str., Nizhny Novgorod, 603105, Russian Federation).
ORCID: 0000-0001-6818-8116. E-mail: puzhaev_vl@mail.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Puzhaev, V.V. (2025). Stanovlenie yuridicheskogo obrazovaniya v Yaponii v pervoi polovine epokhi Meidzi: ocherk istorii *Meikho:re: i Sikho:se: kho:gakko:* [The development of legal education in Japan in the first half of the Meiji era: An outline of the history of *Meihōryō* and *Shihōshō Hōgakkō*]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2025, 4, 90—111. (In Russian).
DOI: 10.55105/2500-2872-2025-4-90-111.

Acknowledgments. This study was funded by RFBR, project number 20-011-00034 “Legal views of Gustave Boissonade de Fontarabie and the reception of French law in Japan”.

Введение

Эпоха Мэйдзи во многих отношениях оказалась переломным периодом японской истории. Крушение сёгуната Токугава и возвращение страны под прямое правление императора обозначили вступление Японии в следующую фазу цивилизационного развития. Новым правительством был взят курс на проведение капиталистических преобразований, призванных обеспечить форсированное развитие промышленности, на освоение достижений западной науки и культуры, на изменение устоявшегося уклада жизни японцев и отказ от пережитков феодального прошлого. Модернизация Японской империи через вестернизацию различных сфер общественной жизни рассматривалась политическими лидерами Мэйдзи в качестве ответа на вызовы, с которыми Японии довелось столкнуться вследствие изменения международной обстановки в 1850-е гг. Прервав более чем двухсотлетнее автаркическое существование, Япония стала участником незнакомой ей системы международных отношений, правила которой были придуманы иностранцами. Нужно было овладеть этими правилами — в противном случае Японию могла ожидать участь ряда азиатских стран, которые не смогли справиться с постигшей их колониальной экспансией и стали частью колониальных владений западных держав [Мещеряков 2018, с. 356].

Правительственный курс на масштабную модернизацию Японии и необходимость быстрого технологического и культурного прогресса требовал выработки и применения эффективных способов «импортирования» передовых знаний с Запада. В вопросах права речь шла о необходимости скорейшего принятия в Японии современного законодательства и функционирующих на его базе учреждений юстиции для того, чтобы активизировать переговорный процесс со странами Запада по поводу пересмотра неравноправных Ансэйских соглашений, заключенных еще в период *бакумацу*. Это обстоятельство обнажило острую потребность в юридических кадрах, компетентных в вопросах западного права, заимствование которого стало краеугольным камнем правовых реформ правительства Мэйдзи. Проблему подготовки юридических кадров новому руководству Японской империи предстояло решать фактически «с

нуля», поскольку в домэйдзийский период в Японии не существовало учреждений профессионального юридического образования, а в социальной структуре японского общества отсутствовала обособленная страта юристов.

В первое время после Реставрации правительство Мэйдзи продолжило опробованную еще *бакуфу* и некоторыми княжествами в период *бакумацу* практику по направлению за границу наиболее способных японских студентов в целях их обучения в европейских университетах. Ожидалось, что эти молодые люди по возвращении в Японию выступят в роли учителей для остальных японцев, приоткрывая для них таинственную завесу европейской науки, просвещая их, в числе прочего, в вопросах западного права. Однако в общей сложности в 1868—1870 гг. государство направило для обучения за рубеж по разным отраслям знаний менее двухсот студентов. Стало очевидно, что практика снаряжения японских студентов на стажировку в западные университеты не способна удовлетворить растущие запросы империи Мэйдзи, и уж тем более сделать это быстро. Японским студентам, которых государство отправляло за границу, требовалось сперва потратить несколько лет на изучение языка страны пребывания, решить множественные бытовые вопросы, и только после этого они могли полноценно приступить к усвоению основ западного права [Мечников 1876, с. 168—169]. Это влекло значительные дополнительные расходы, обременявшие государственную казну, и, что особенно важно, отдаляло по времени перспективу возможного пересмотра Ансэйских договоров.

Эти соображения побудили японское правительство открыть специализированную юридическую школу непосредственно на территории Японии и пригласить из Европы преподавателей для того, чтобы те «на месте» обучали японских студентов и действующих судей принципам современного западного законодательства. Предложенное решение подкреплялось предварительными финансовыми расчетами государственных чиновников, из которых следовало, что государству придется нести немалые расходы на высокие зарплаты иностранным преподавателям, давшим свое согласие жить и работать в Японии, однако общие расходы государственного бюджета окажутся намного меньше тех «разорительных» сумм, которые ежегодно выделялись (и планировались к выделению) на длительное командирование студентов за границу для обучения в западных университетах [Appert 1896, p. 530; Ikeda 1996, p. 81]. В условиях скудных финансовых возможностей Японии в те годы, предложение быстро получило поддержку в правительстве.

Предварительные замечания: к вопросу о соотношении *Мэйхо:рё:* и *Сихо:сё:* *хо:гакко:*

Официальное решение японских властей о создании первой в империи Мэйдзи государственной юридической школы было принято уже 27 сентября 1871 г., когда при Министерстве юстиции был учрежден Институт правовых исследований (明法寮, *Мэйхо:рё:*), в рамках которого планировалось функционирование школы права. Вместе с тем эта дата была лишь отправной точкой. Прежде чем открыть для учеников школьные классы, требовалось заняться решением множества организационных вопросов, включая вопрос о проведении первой приемной кампании.

Официальное название института, а равно правовой школы, «*Мэйхо:рё:*» можно условно разделить на два составных фрагмента: «*мэйхо:-*» (что следует перевести не иначе как «толкование и разъяснение законов») и «*-рё:*» (в буквальном переводе означающее «общежитие»). Таким образом, название школы, которая предполагалась в виде школы-интерната, являлось обозначением того места, где молодые японские интеллектуалы должны были обучаться искусству толкования правовых норм и профессиональной работе с текстами законов. Изначально *Мэйхо:рё:* задумывался правительством как центр по подготовке судебных и прокурорских кадров, однако в августе 1872 г. компетенция учреждения была пересмотрена, и к задачам школы были отнесены разработка и обсуждение проектов нормативных правовых актов, изучение иностранного законодательства, перевод и обработка предложений, поступавших от иностранных преподавателей, и некоторые другие [Hayashi 2016, p. 212]. Образовательная функция при этом была сохранена.

После череды организационных преобразований, произошедших в мае 1875 г., старое название школы было вытеснено новым официальным наименованием — *Сихо:сё: хо:гакко:* (司法省法学校, юридическая школа Министерства юстиции), из которого прямо следовала ведомственная принадлежность и подконтрольность учебного заведения Министерству юстиции. Тогда же вступили в действие новые правила, регламентировавшие деятельность школы.

Заметим, что по поводу организационного статуса юридической школы Министерства юстиции в историко-правовой литературе встречаются разнящиеся сведения.

В одних источниках *Мэйхо:рё:* и *Сихо:сё: хо:гакко:* представлены как названия одной и той же юридической школы. При этом уточняется, что до мая 1875 г. эти названия использовались как взаимозаменяемые в официальных документах, а после мая 1875 г. в употреблении осталось только второе название [Ikeda 1996, p. 86].

В других источниках указывается, что в 1872 г. при Министерстве юстиции была создана правовая школа *Мэйхо:рё:*, где французское право преподавали Г. Буассонад де Фонтараби и Ж. Буске. Но 4 мая 1875 г. школа была закрыта. Пять дней спустя ее дела были временно переданы в Верховный суд Японии. После произошедшей в августе 1875 г. реорганизации Министерства юстиции сфера юридического образования была отнесена к ведению специально созданного отдела министерства. В марте 1876 г. при министерстве была открыта новая правовая школа [курсив наш — В.П.] под названием «*Специальная школа французского права*» или «*Правовая школа Министерства юстиции*», где французское право на французском языке преподавал Ж. Аппер [Goraï 1904, p. 784; Röhl 2005, p. 772].

Из третьих же источников следует, что школа *Сихо:сё: хо:гакко:* фактически являлась правопреемницей упраздненной в мае 1875 г. школы *Мэйхо:рё:* [Rokumoto 2002, p. 170; Jaluzot 2021].

Ознакомление с зарубежной словарной литературой добавляет еще две близкие, но не тождественные позиции. В одном из изданий сообщается, что учебный институт *Мэйхо:рё:* был преобразован в правовую школу (*хо:гакко:*) Министерства юстиции [Beillevaire 2008, p. 143]; в другом — что школа права (*хо:гакко:*) функционировала в структуре Института права (*Мэйхо:рё:*), подведомственном Министерству юстиции, и просуществовала она с 1872 по 1884 г. [Dictionnaire... 1970, p. 41].

В дореволюционных публикациях на русском языке школа *Мэйхо:рё:* обычно упоминается как «училище правоведения», «школа правоведения» либо как «курсы законоведения». К примеру, в очерке под названием «Нравы и законодательство Японии», опубликованном в иллюстрированном журнале «Всемирный путешественник», об открытии школы сообщалось следующее: «Учреждена была французская приготовительная школа, а вслед за тем тотчас же были открыты курсы законоведения. Преподавателем призван М. Боассонадъ, доктор прав, заслуженный профессор парижского факультета» [Нравы... 1876, с. 39].

Во французской прессе тех времен школа *Мэйхо:рё:* нередко фигурировала под именем школы права в Эдо [Rozy 1876, p. 3]. И это было вполне объяснимо, поскольку именно так она именовалась в опубликованном тексте вводной лекции Буассонада по курсу естественного права, которую парижский профессор прочитал слушателям министерской школы 9 апреля 1874 г. [Boissonade 1874]. Обозначение выглядит запоздалым, поскольку 17 июля 1868 г. Эдо официально переименовали в Токио.

Представляется, что вышеперечисленные расхождения в научной литературе могут быть приняты за малосущественные, касающиеся исключительно формальной стороны вопроса. Учитывая преемственность подходов к организации преподавания основ французского права в рамках обеих школ, отчасти общности материальной базы и контингента обучающихся, можно говорить о том, что они были заняты общим делом юридического просвещения, что позволяет взглянуть на *Сихо:сё: хо:гакко:* как на «продолжение» школы *Мэйхо:рё:*. Это допущение, на наш взгляд, является причиной того, что многие японские и французские правоведы, когда речь заходит об истории министерской школы права, не утруждают себя рассуждениями об организационных различиях. К примеру, профессор О:кубо Ясуо указал в одной из своих работ, что два французских юриста Буассонад и Буске были наняты, чтобы преподавать «европейское право в Школе французского права Министерства юстиции [курсив наш — В.П.], которая была открыта в 1872 г.» [Ōkubo 1976, p. 84]. Подобную картину можно наблюдать в более ранней публикации гренобльского профессора Жака Робера [Robert 1969, p. 34]. Кроме того, на официальном сайте юридического факультета Токийского университета сегодня можно прочитать¹, что история этого структурного подразделения восходит своими корнями ко времени создания при Министерстве юстиции первой юридической школы (июль 1872 г.). Таким образом, если придерживаться позиции об обособленном статусе двух учреждений, то нельзя при этом отрицать, что правовая школа Министерства юстиции (*Сихо:сё: хо:гакко:*) фактически продолжила образовательные начинания, которые были заложены в рамках института *Мэйхо:рё:*.

Подготовка к открытию школы *Мэйхо:рё:*

Инициатива создания первой в стране правовой школы исходила от чиновников Министерства юстиции, которые сформировали и направили соответствующий запрос в Государственный совет (太政官, *Дадзё:кан*), обосновав свое решение насущными потребностями органов юстиции в специалистах «нового формата». Основная

¹ См.: URL: <https://www.u-tokyo.ac.jp/en/academics/facultyoflaw.html> (дата обращения: 03.07.2025).

задача планируемой к открытию школы заключалась в подготовке профессиональных юридических кадров, компетентных в вопросах западного права, для работы в судебных органах. Предполагалось, что после успешного завершения юридической подготовки, выдержавшие все экзаменационные (ученические) испытания выпускники будут рекомендованы к занятию должностей судей (*сайбанкан*) или прокуроров (*кэндзи*), и будут направлены в различные суды по всей стране [Frank 1889, p. 14; Hayashi 2016, p. 210—211]. В реальности, первые выпускники школы направлялись на службу напрямую в Верховный суд Японии (*大審院, Дайсин-ин*)¹, учрежденный в апреле 1875 г., и немногочисленные апелляционные суды (*ко:со сайбансё*), в то время как в низовых звеньях судебной системы должности магистратов поначалу (из-за нехватки кадров) могли занимать лица, не имевшие специального юридического образования.

Одобрительное решение Государственного совета по вопросу об открытии первой в стране юридической школы не заставило себя долго ждать. Заручившись поддержкой Госсвета, Министерству юстиции потребовалось менее года², чтобы организовать непосредственную работу школы, разработать и утвердить необходимые внутренние инструкции для работников и учеников, и приступить к формированию кадрового состава нового учебного заведения. Подготовительная работа значительно ускорилась в апреле 1872 г., когда должность министра юстиции занял Это: Симпэй (1834—1874). Стараниями Это: на рассмотрение в Государственный совет была представлена обновленная концепция и программа развития правовой школы, направленная на то, чтобы сделать министерскую школу образцовым в стране образовательным учреждением [Ikeda 1996]. В планах министерства значилось осуществление набора около сотни студентов, а общий срок их обучения предполагался длительностью в десять лет, включая подготовительный цикл, в рамках которого ученики сформировали бы необходимый навык владения французским языком. Финансовое обеспечение обучающихся, включая оплату необходимых книг, одежды, еды и жилья, должно было взять на себя государство, заинтересованное в подготовке будущих экспертов в области западного права и формировании новой управленческой элиты Японии.

Предложение министерства также предусматривало строительство необходимого количества учебных аудиторий и помещений для проживания студентов, принятие на работу, помимо преподавателей, административно-технического персонала. В итоге общий запрашиваемый бюджет школы достиг отметки в тридцать пять тысяч иен, что по тем временам составляло весьма внушительную сумму.

Рассмотрев детализированное предложение Министерства юстиции, Государственный совет одобрил его только с условием предварительного сокращения бюджета школы на две трети предполагаемых расходов. Таким образом, вместо запланированного набора ста учеников численный состав правовой школы был существенно уменьшен: всего двадцать способных молодых людей перешагнули порог министер-

¹ Высший судебный орган *Дайсин-ин* или *Тайсинъин* (наименование в литературе переводится по-разному: «Высшая судебная палата», «Верховная судебная палата», «Кассационный суд», «Кассационная палата», «старый» Верховный суд) — предшественник современного Верховного суда Японии (*Сайко: Сайбансё*).

² Поэтому официальная дата основания школы права приходится на июль 1872 г.

ской школы в рамках первого конкурсного отбора [Villetard 1879, p. 162]. При этом девять из них перешли из школы *Дайгаку нанко*: (Южная школа), подведомственной Министерству образования [Ikeda 1996, p. 85; Wada 2004, p. 58].

Переводу учеников из Южной школы в школу *Мэйхо:рё*: предшествовали слухи о том, что в Южной школе планируется прекращение преподавания французского языка, и что все учащиеся французского отделения будут вынуждены перейти на отделение английского языка. В дальнейшем эти слухи не подтвердились, и учебная программа в части изучения французского языка была сохранена. Однако девять учеников, имея соответствующие опасения, покинули стены Южной школы, и это обстоятельство стало причиной разгоревшегося конфликта между Министерством образования и Министерством юстиции. Недовольные ситуацией с «переманиванием» своих учеников, чиновники Министерства образования обратились с жалобой в Государственный совет, но отмены перевода учеников не последовало. Этот небольшой конфликт является свидетельством тех исторических реалий, в которых существовали правительственные школы в первые годы эры Мэйдзи: во-первых, имела место «фракционность», разделявшая японских студентов и бюрократов в соответствии с теми западными языками, которые они изучали; во-вторых, конфликт между Министерством юстиции и Министерством образования был знаком, указывающим на будущее академическое и политическое разделение сообразно с принятой ориентацией на изучение английского, либо французского, либо немецкого права [Ikeda 1996, p. 83—84, 86].

Кандидатам, желавшим стать учениками правовой школы, требовалось пройти процедуру сдачи вступительных экзаменов, где кроме знания классической китайской литературы следовало продемонстрировать достаточный уровень владения французским языком. Нетипичное для будущих государственных чиновников требование на знание французского языка было обусловлено тем, что юридическая школа *Мэйхо:рё*: была задумана как школа французского права, в которой планировалось чтение лекций носителями языка — нанятыми для этих целей французскими юристами, и работа с французскими текстами, а потому недостаточная языковая подготовка абитуриентов могла стать препятствием в процессе предстоящего профессионального становления.

С точки зрения социального происхождения большинство учеников министерской школы были выходцами из самурайского сословия, а средний возраст поступивших был равен двадцати годам. Для новоявленных учеников школы были приняты правила поведения, которых следовало строго придерживаться. В частности, пропускать занятия разрешалось только в случаях серьезной болезни; гулять разрешалось только до комендантского часа в общежитии; воспрещалось ночевать вне стен пансиона; не разрешалось пить алкоголь, петь песни и в целом вести себя беспорядочно [Ikeda 1996, p. 87].

Преподавательский состав школы права

Для организации обучения в правовой школе Министерство юстиции обратилось к практике найма иностранных преподавателей, поскольку правоведов из числа

японцев на тот момент в стране не было вовсе. Надо сказать, что к этому времени некоторые неясности первых лет эры Мэйдзи, в части найма иностранных работников, уже были сняты, и японские чиновники отдавали себе отчет в том, что преподаванием права в создаваемой школе может заведовать не любой «образованный» иностранец, но только тот, кто сам имеет профильное юридическое образование.

24 декабря 1871 г. Министерство юстиции в лице представлявшего Японию в Париже чрезвычайного и полномочного посланника Самэджима Хисанобу (Самэсима Наонобу, 1845—1880) наняло молодого парижского адвоката по имени Жорж Илер Буске (фр. *Georges Hilaire Bousquet*, 1846—1937)¹, который стал первым иностранным юристом в школе *Мэйхо:пё*: [Jaluzot 2021, p. 237; Brun 2022, p. 7, 10, 21]. Буске пробыл в Японии следующие четыре года и, помимо приложения своих сил в сфере преподавания французского права, участвовал в переводе на японский язык кодексов наполеоновской эпохи и работе некоторых правительственных комиссий. За время нахождения в Японии он немало путешествовал по стране, проявив интерес к изучению истории и культуры японцев. Свои наблюдения Буске последовательно изложил в серии публикаций в периодическом издании *La Revue de deux mondes*, среди которых находим очерки «Путешествие во внутренние районы Японии» (1874), «Театр в Японии» (1874), «Экскурсия на север Японии» (1875), «Нравы, публичное и частное право Японии» (1875), «Религия в Японии» (1876), «Японское искусство, его истоки и отличительные особенности» (1877), «Торговля Китая и Японии» (1878), «Китай и Япония на Всемирной выставке» (1878), «Литературная Япония» (1878) и др. [Brun 2022, p. 8, 362—363].

Принятие на службу первого французского юриста не охладило намерений японцев в части найма иностранных юридических инструкторов, и поиск преподавателя французского права продолжился. Буске прибыл в Японию в возрасте двадцати шести лет, и, по мнению японских чиновников, был сравнительно молод, чтобы всецело взвалить на себя работу по организации образовательного процесса, а потому руководство Министерства юстиции захотело нанять еще одного французского юриста из числа тех, кто был постарше, опытнее и имел достаточный для таких случаев авторитет в академическом сообществе Запада. Конечно, в пользу Буске обращались довольно лестные рекомендации относительно его профессиональных компетенций, данные коллегами (например, председателем Парижской коллегии адвокатов), но этого требовательным японцам оказалось недостаточно. Буске был адвокатом, то есть практикующим юристом, «а не ученым, а потому он не обладал достаточными познаниями в области теории права и философии права» [Ikeda 1996, p. 82]. Японцам же

---

¹ Не следует путать Буске с другим французским советником японцев по имени Альбер Шарль дю Буске (фр. *Albert Charles du Bousquet*, 1837—1882). По образованию Дю Буске (в русскоязычных источниках иногда указывается как Дюбуске) был военным, а не юристом. Он прибыл в Японию в составе первой французской военной миссии, отправленной Наполеоном III по просьбе сёгуна Токугава Иэмоти в 1866 г. В 1870 г. Дю Буске был нанят японцами в качестве иностранного советника и переводчика. Он отметил, что перевел на японский язык текст французской конституции и множество военных регламентов. В отсутствие в Японии западных юристов японские чиновники обращались к Дю Буске в том числе по правовым вопросам. Однако, поскольку он не имел юридического образования, его возможности по оказанию профессиональных консультаций были довольно скромны.

требовался человек, который смог бы разъяснить им самые запутанные тернии юридической науки Запада, кто смог бы способствовать разработке нового законодательства империи, сопоставимого по проработанности правовых принципов с законодательством ведущих западных держав. Им требовался тот, чьи юридические консультации не вызывали бы ни тени малейшего сомнения.

Поиск подходящей кандидатуры «уважаемого» западного профессора был отнюдь не легким занятием: требовались определенные усилия и немалые финансовые посулы для того, чтобы уговорить пригласившегося ученого оставить свой быт, дом, родину, и на длительный срок перебраться в малознакомую и невероятно далекую страну, какой в глазах европейцев представляла Япония.

В итоге выбор японских посланников во Франции остановился на кандидатуре Гюстава Буассонада де Фонтараби (фр. *Gustave Boissonade de Fontarabie*, 1825—1910), который на тот момент являлся профессором Парижского юридического факультета и в качестве замещающего преподавателя был ответственным за чтение курсов по уголовному праву и политической экономике.

Первая встреча Г. Буассонада и его японских учеников оказалась совершенно случайным событием его профессиональной карьеры. В 1873 г. в Париж прибыла делегация японских студентов, которые были направлены правительством Мэйдзи для изучения основ французского права. По рекомендации профессора Шарля Жиро (1802—1881) в качестве лектора по курсам французского уголовного и конституционного права японцам был отрекомендован Буассонад. Лекторские навыки Буассонада произвели благоприятное впечатление на японских слушателей, которые посчитали его достойной кандидатурой для того, чтобы продолжить обучать японцев основам французского права [Пужаев, Романовская 2021, с. 13—14]. После переговоров с представителем японской стороны был заключен трехлетний контракт о работе Буассонада в Японии в качестве советника правительства по правовым вопросам (*хо:рицу комон*). С Буассонадом была также достигнута устная договоренность, что по прибытии в Токио он дополнительно займется преподаванием французского права японским студентам в министерской школе права.

Буассонад прибыл в Японию 15 ноября 1873 г., когда обучение в школе *Мэй-хо:рё*: уже началось. В Иокогаме его лично приветствовал новый министр юстиции О:ки Такато: (1832—1899), сменивший на этом посту попавшего в опалу Это: Симпэй. Буассонаду было предоставлено служебное жилье на территории министерства в Токио, однако в силу незнания японского языка Буассонад попросил разрешения властей позволить ему жить в доме Намура Тайдзо: (1840—1907), который посещал лекции Буассонада в Париже и сопровождал французского профессора во время плавания на пути в Японию [Manifestations... 1935, p. 27]. В качестве дополнительного аргумента в пользу озвученной просьбы Буассонад объявил о своем желании выучить японский язык при содействии Намура [Ikeda 1996, p. 91]. Последнее пожелание, к слову, осталось не реализованным. Жизнь Буассонада в Японии была обременена многочисленными рабочими вопросами, которые практически не оставляли свободного времени для дополнительных занятий. Возможно, сказался и солидный возраст Буассонада, помноженный на проявленную слабость здоровья. Однако стоит отметить, что на своих лекциях в Токио Буассонад уверял японских студентов в том, что французский язык — именно тот, что лучше всего подходит для ясного выражения

точной идеи, что французы ненавидят двусмысленность, и что французский язык позволяет избегать им подобной двусмысленности. Это качество французского языка, по словам Буассонада, способствовало тому, чтобы авторитет выдающихся французских юристов распространился далеко за пределы Франции, а французский язык пользовался признанием в сфере международной дипломатии [Boissonade 1874, p. 511].

К моменту прибытия Буассонада в Японию школа *Мэйхо:рё*: все еще находилась на этапе становления: в штате, помимо преподававшего право Жоржа Буске, числились еще два француза, из которых один исполнял обязанности преподавателя французского языка (Анри де Риберолль¹), а другой служил переводчиком с французского языка (Г. Галли).

Отправляясь в Японию, Буассонад предполагал, что он будет единственным специалистом по вопросам западного права в стенах открытой школы Министерства юстиции. Кроме того, он полагал, что его ожидала руководящая должность. По всей видимости, когда Буассонаду сообщили о том, что он будет одним из двух преподавателей французского права (наряду и наравне с Буске), который был значительно моложе и к тому же не имел академических регалий, это оскорбило чувства Буассонада [Tezuka 1967a]. Неприятный конфуз стал причиной довольно непростых личных отношений между Буассонадом и Буске. Впрочем, Буске также был недоволен тем, как японцы реагировали на его просьбы об улучшении условий проживания и денежного довольствия (Буассонаду установили более высокое жалование за преподавание) [Ikeda 1996, p. 92—93]. Этим жестом японское правительство дало понять Буске, что кандидатура Буассонада была для них более значимой.

29 ноября 1873 г. Буассонад и Буске представили в Министерство юстиции совместное письмо на французском языке [переведенное на японский язык Г. Галли] относительно планов развития юридической школы. В первую очередь французские юристы озвучили общую мысль о том, что их совместное присутствие в качестве преподавателей является достаточным, чтобы обеспечить надлежащий образовательный процесс по юридическим дисциплинам, так что Министерству юстиции Японии можно более не заботиться о дополнительном найме иностранных юридических инструкторов. Просьба была удовлетворена, поскольку соответствовала целям правительства Японии по экономии скудных государственных финансов. Также Буассонад и Буске направили прошения об увеличении полагавшейся им заработной платы, и эти просьбы были удовлетворены частично.

В качестве сопутствующего предложения Буассонад выразил намерение преподавать ученикам школы подготовительный курс политической экономики, который должен был предвдварять изучение юридических дисциплин. На этот счет конкретного ответа от чиновников не последовало, и министерство ограничилось общим разъяснением, что все вопросы по поводу учебной программы и правил обучения в школе должны решаться Буассонадом по согласованию с Буске с немедленным доведением принятых решений до сведения ответственных лиц Министерства юстиции.

---

¹ В некоторых источниках его фамилия упоминается в искаженном варианте, как Ривероль (*Riverol*), но правильным является написание Риберолль (фр. *Henri de Riberolles*, 1837—1908).

Относительно распределения обязанностей по преподаванию было принято решение, что Буске будет ответственным за преподавание вводных юридических дисциплин, как, например, история западного права, а также ему поручалось ведение курса по гражданскому праву, включая семейное и торговое право. Буассонад должен был преподавать теорию естественного права, уголовное право и административное право. Такое распределение обязанностей было связано с тем, что Буске, помимо неплохого знания японского языка, был более знаком с японскими традициями и обычаями, в отличие от Буассонада, не говорившего по-японски [Ikeda 1996, p. 96]. За Рибероллем закреплялось обучение таким предметам, как чтение, грамматика, корректура переводов, орфография, география, математика и диалоги [Wada 2004, p. 59].

Первую лекцию слушателям правовой школы Буассонад прочитал 9 апреля 1874 г., посвятив ее общим организационным вопросам и изложению основ теории естественного права. Буассонад не владел японским языком, и поэтому все его занятия велись на французском языке, что требовало постоянного присутствия переводчика. Избежать возможных искажений позволяли предварительные консультации и беседы Буассонада с переводчиками, в ходе которых учитель желал убедиться, что они его поняли и смогут верно передать его мысль аудитории [Пужаев, Романовская 2021, с. 16]. Надо признать, что это была особая аудитория слушателей. Как заметил Ж. Аппер, она состояла из очень тонких умов, очень интеллигентных и образованных, и в то же время мало посвященных в особенности западных научных методов, очень невежественных не только в собственно правовых вопросах, но и в отношении тех идей, которые в понимании европейцев являли собой самые основы права [Appert 1896, p. 523]. Названное обстоятельство поначалу создавало определенные трудности. По воспоминаниям одного из первых учеников по имени Кабуто Кунинори (1849—1929), «Буассонад был авторитетным, состоявшимся ученым с большим опытом преподавания, поэтому новичкам было довольно трудно уловить ход его профессорской мысли. Его стиль работы подходил скорее для выпускников юридических колледжей, которые уже имели первичную подготовку и достаточные знания в области права» [Ikeda 1996, p. 89].

В число преподавателей юридической школы в разное время входили и другие иностранные специалисты: Пьер Мурье¹ (март 1875 — апрель 1880)¹ [Polak 2022,

¹ Пьер Жозеф Мурье (фр. *Pierre Joseph Mourier*, 1827—1881) родился в Триньяне, что расположен на юго-востоке Франции в департаменте Дром. Изучал медицину в Университете Монпелье, после чего занимался медицинской практикой в Валансе, а затем в Париже. С юношеских лет проявил интерес к истории Японии, скупал и штудировал старинные и современные книги об этой стране, изданные в Европе. В их числе работы, написанные проживавшими в Японии иезуитами, исторические сочинения Арнольдуса Монтануса (1625—1683), Пьера-Франсуа-Ксавье де Шарлевуа (1682—1761), Энгельберта Кемпфера (1651—1716), Исаака Титсинга (1745—1812), Юлиуса Генриха фон Клапрота (1783—1835), Филиппа Франца фон Зибольда (1796—1866). Руководимый своим увлечением Мурье в 1863 г. поступил в Школу восточных языков, где под руководством Леона де Рони (1837—1914) осваивал японскую иероглифику. В следующем году вместе с семьей отправился в Японию. Разместившись в Иокогаме, занимался сбором японских книг, карт, метеорологическими наблюдениями, переводом работ в области шелководства, результаты своих трудов затем пересылал во Францию в Министерство народного просвещения. В 1871 г. Мурье был принят учителем французского языка в *Нагоя ё:гакко*. В современной литературе Мурье называется первым иностранным жителем Нагоя из числа французов. На новом месте Мурье все больше погружался в японскую

р. 78], Проспер Фук² (сентябрь 1877 — сентябрь 1879) [Iwatani 1999, p. 46; Nakatsu 2018, p. 385], Жан Арривэ³ (март 1879 — июль 1880 и с 1884 г.) [Iwatani 1999, p. 48], Антуан Фабр⁴ (июнь 1880 — август 1881), Джордж Хилл⁵ (июль 1877 — март 1881)

культуру и японский образ жизни. В 1873 г. Мурье вернулся в Иокогаму и чуть позже был принят преподавателем в Токийскую школу иностранных языков. 1 ноября 1874 г. был нанят Министерством юстиции в качестве преподавателя в школу *Мэйхо:рё:*, а после ее «реорганизации» переоформил контракт и проработал преподавателем французского языка и права в *Сихо:сё: хо:гакко:* до 9 апреля 1880 г.

¹ В рамках данного абзаца в скобках указаны примерные периоды работы в стенах правовой школы (примерные, поскольку в разных источниках сведения различаются).

² Проспер Фортюне Фук (фр. *Prosper Fortuné Fouque*, 1843—1906) изучал право в Лионском университете, затем в Высшей нормальной школе в Сент-Этьене. Был приглашен в Японию в 1870 г. в качестве преподавателя Военной академии в Осаке, но по прибытии оказалось, что вакантная должность уже занята. Оставшись в Японии, Фук открыл в Токио частную школу французского языка. В 1873 г. заключил контракт с Министерством образования, получив должность преподавателя в *Кайсэй гакко:*. За время пребывания в Стране восходящего солнца он успел потрудиться преподавателем в различных учебных учреждениях, в том числе в *Сихо:сё: хо:гакко:* и *Гакусю:ин*. В Японии Фук обзавелся семьей и стал многодетным отцом. После отъезда из Японии Г. Буассонада (в марте 1895 г.) Фук занял место ответственного редактора франкоязычного журнала *La Revue française du Japon*, который при содействии французского дипломата Виктора Коллена де Планси (1853—1922) издавался Буассонадом с 1892 г.

³ Жан-Батист-Артюр Арривэ (фр. *Jean-Baptiste-Arthur Arrivet*, 1846—1902) родился во Франции, в г. Бордо. Окончил семинарию и в 1870 г. был рукоположен в священники. 22 февраля 1873 г. Арривэ прибыл в Японию в качестве христианского миссионера, имея за плечами опыт миссионерской работы в индийском Коимбатуре. В Японии Арривэ вел свою деятельность в Нагасаки, Иокогаме и Токио, однако в 1876 г. он прекратил миссионерское служение, и был нанят японским Министерством образования в качестве учителя французского языка с определением в Токийскую языковую школу. В период действия первого контракта, срок которого истек в сентябре 1886 г., он был дополнительно нанят Министерством юстиции для преподавания в Токийской юридической школе (это реорганизованная на тот момент школа права Министерства юстиции). После расформирования этой школы Арривэ перешел на работу в [Токийский] Императорский университет. В 1887 г. опубликовал в Токио Французско-японский словарь общеупотребительных слов японского языка. См.: URL: <https://irfa.paris/en/missionnaire/1106-arrivet-jean-baptiste/#list-biographie> (дата обращения: 01.07.2025).

⁴ Антуан Фабр (фр. *Antoine Fabre*) прибыл в Японию в 1867 г. и в партнерстве с еще одним иностранцем основал в Иокогаме торговую компанию *Fabre, Boerne & Co*. По прошествии трех лет пути компаньонов разошлись, и с 1871 г. Фабр продолжил заниматься бизнесом единолично, но видимо дела шли неважно, поскольку к 1874 г. фирма была ликвидирована. С этого времени он числился сотрудником крупнейшей французской судоходной компании *Compagnie des Messageries Maritimes*. В 1877 г. Фабр подписал рабочий контракт с японским Министерством образования и был принят преподавателем французского языка в Токийскую школу иностранных языков. В июне 1880 г. был принят на работу по линии Министерства юстиции и в течение года занимался преподаванием французского языка в министерской юридической школе. После окончания контракта покинул Японию. См.: URL: http://meiji-portraits.de/meiji_portraits_f.html (дата обращения: 01.07.2025).

⁵ Джордж Уоллес Хилл (англ. *Georges Wallace Hill*) — американский юрист (вместе с тем в некоторых изданиях он упоминается как британский офицер). В качестве юридического советника Хилл оказывал помощь губернатору префектуры Канагава О:э Таку (1847—1921) в процессе судебного рассмотрения известного инцидента с перуанским судном «Мария Луз», задержанным в порту Иокогама в июле 1872 г. в связи с обвинениями в работорговле. Однако в истории японского права Хилл отметился еще и тем, что он первым из иностранцев подготовил юридическое заключение, где советовал японским властям принять решение об отмене пыток в уголовном процессе. Его аргументы, представленные в феврале 1873 г., были довольно схожи с теми, которые два года спустя использует Гюстав Буассонад, добиваясь безусловного запрета применения пыток в Японии. Правда, в

[Röhl 2005, p. 773] и Жорж Биго¹ (1883—1884). За некоторым исключением они занимались подготовкой студентов по французскому языку и различным общеобразовательным предметам, в то время как преподавание юридических дисциплин возлагалось в основном на Буассонада и Буске.

После истечения срока контракта с Буске японские власти не пытались уговорить его остаться. Он показался им достаточно хлопотным во многих бытовых вопросах, касавшихся его пребывания в стране. Собственно, и сам Буске не испытывал желания оставаться в Японии и поспешил возвратиться в Париж, где продолжил заниматься юридической практикой, а затем занимал ряд ответственных должностей на государственной службе. В 1877 г. он издал в Париже двухтомный сборник своих наблюдений под общим названием «Япония наших дней и масштабы Дальнего Востока», в котором были изложены сведения по истории и культуре Страны восходящего солнца и прилагался ряд картографических материалов, а также было дано описание нескольких азиатских городов и территорий, располагавшихся на пути возвращения Буске в Париж (Гонконг, Манила, Сингапур и др.) [Bousquet 1877].

После отъезда Буске Министерством юстиции Японии были инициированы поиски нового преподавателя французского права. Решение было связано с тем, что Буассонад не мог посвящать все свое время преподаванию, поскольку был обременен обязанностями советника правительства, а с 1876 г. на него была возложена задача по составлению проекта Уголовного кодекса для Японии. Однако юридическая школа не могла полноценно функционировать без преподавателя французского права, так что отъезд Буске и занятость Буассонада дали повод для беспокойства студентов, что их могут распустить, а школу закрыть.

По всей видимости, некоторое время после отъезда Буске в образовательном процессе школы участвовал некий француз Жусслен (фр. *Jousselain*), о котором нам известно лишь то, что впоследствии (по состоянию на 1896 г.) он занимал пост генерального консула Франции в Бомбее [Appert 1896, p. 531; Tezuka 1967b]. На смену Жусслену в ноябре 1879 г. из Франции прибыл молодой доктор права по имени Ж. Аппер, который был отрекомендован Ш. Жиро — тем самым профессором, кто несколькими годами ранее посоветовал японцам в качестве лектора Г. Буассонада.

Жорж-Виктор Аппер (фр. *Georges-Victor Appert*, 1850—1934) родился во французском городке Эперне, что расположен в местности Сен-Мартен д'Аблуа в исторической области Шампань. Получив первоначальное образование в лицее Луи Ле Гран, Аппер был вынужден отложить свои дальнейшие планы на обучение в связи с участием в военных событиях, которые выпали на долю Франции в 1870—1871 гг. Вернувшись к гражданской жизни, Аппер окончил курсы в Парижской юридической школе, и впоследствии им была получена степень доктора права. После неудачной попытки пройти национальный конкурс агрегации, чтобы обзавестись заветным ста-

---

отличие от усилий Буассонада, доводы Хилла не были восприняты всерьез и не привели к какому-либо конкретному результату по гуманизации использовавшихся в те годы средств дознания.

¹ Жорж Фердинан Биго (фр. *Georges Ferdinand Bigot*, 1860—1927) — французский художник, прибыл в Японию в 1882 г. с целью знакомства с особенностями японского искусства. Получил известность как карикатурист. Начиная деятельность с работы корреспондентом газет «Юбин Хоти симбун» и «Кайсин симбун», в 1887—1889 гг. издавал собственную сатирическую газету «То:ба-э», где высмеивались излишества политики вестернизации Японии.

тусом *агреже* (фр. *agrégé des facultés de droit*) и таким образом обеспечить себе профессорскую кафедру в одном из французских университетов, Аппер получил неожиданное предложение о работе в Токио в качестве преподавателя французского права. После некоторых раздумий и сомнений дал согласие на переезд.

За время пребывания на Дальнем Востоке (21 ноября 1879 г. — декабрь 1884 г. и ноябрь 1885 г. — январь 1889 г.) Аппер сумел внести значительный вклад в подготовку юридических кадров «новой» Японии. По воспоминаниям современников, ясность и точность взглядов Аппера, помноженные на преподавательское мастерство, позволили ему завоевать симпатии многочисленных японских учеников [Dareste 1934, p. 398—404]. В их числе значились многие будущие представители интеллектуальной и политической элиты Японии. Аппер также занимался преподавательской деятельностью в частной Токийской школе японского и французского права, преобразованной впоследствии в Университет Хо:сэй.

В 1927 г., по инициативе бывших учеников Аппера, в саду около здания Токийского дворца правосудия был установлен бюст в честь французского учителя. Следует сказать, что еще в 1913 г. в Японии был торжественно открыт монумент в честь предшественника Аппера, правоведа Г. Буассонада. Воздвигнутый на пожертвования бывших учеников памятник Буассонаду представлял собой бронзовый бюст на высоком гранитном пьедестале¹ в нише одной из галерей Токийского дворца правосудия, в котором в те годы размещался Токийский окружной суд (*То:кё: тихо: сайбансё*). Буассонад был изображен в традиционной одежде японцев — кимоно, но по отзывам некоторых критиков скульптура внешне не сильно походила на французского правоведа, а корпус скульптуры был излишне выгнут вперед. Сам монумент не сохранился, так как был уничтожен в результате Великого землетрясения Канто в сентябре 1923 г. Однако еще в 1914 г. фотоизображение монумента было опубликовано в Бюлетене Парижского французо-японского общества². Примечательно, что изначальные планы инициаторов установки монумента в честь Буассонада предполагали размещение такой скульптурной композиции не в здании Токийского суда, а в саду Министерства юстиции по соседству с аналогичным монументом в честь бывшего министра юстиции Т. О:ки. Таким образом, Буассонад и Аппер стали первыми иностранными юристами, в честь которых в Японии были открыты памятные скульптурные композиции [Sugiyama 1936, p. 201].

Хроника образовательного процесса и известные выпускники

Обучение в школе *Мэйхо:рё:* началось в сентябре 1872 г. Ученикам школы, как и планировалось изначально, было обеспечено бесплатное образование, бесплатное проживание, им также выплачивалась небольшая стипендия. Несмотря на предвари-

¹ Исполнителем монумента выступил японский скульптор Такэиси Ко:дзабуро:, а церемонию открытия посетило немало официальных лиц Японии: действующие и бывшие судьи, адвокаты, политики, а также представители посольства Франции. С речью перед собравшимися выступили бывший министр юстиции Японии, виконт Окабэ Нагамото (1855—1925) и французский посол Огюст Жерар (1852—1922).

² См.: Bulletin de la Société Franco-Japonaise de Paris, 1914. XXXI—XXXII. P. 8—10. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k96802539/f19.highres> (дата обращения: 03.07.2025).

тельные соображения властей установить срок обучения в школе длительностью в десять лет, фактически этого сделано не было, и первая когорта студентов приступила к обучению без нормативно установленного периода обучения.

Спустя полгода после начала занятий до студентов стали доходить слухи о планах чиновников из Министерства юстиции закрыть школу, поскольку ее ученики якобы показывали слабую подготовленность и отсутствие прогресса в знаниях и навыках. Вероятно, эти слухи распространялись теми чиновниками Министерства юстиции, что не имели опыта западных исследований. Они опасались, что выпускники юридической школы, получив профессиональное «прозападное» образование, сделают невозможным продвижение по службе тех, кто такого образования не имел. С началом реализации в Японии политических реформ стало очевидно, что «просвещенность» в западных науках будет серьезным преимуществом в вопросах продвижения в государственной бюрократической иерархии. Однако закрытия учебного заведения удалось избежать благодаря личному визиту в школу министра юстиции Это: Симпэй. В феврале 1873 г. Это: посетил занятия по французскому языку, в ходе которых лично инспектировал способности и познания учеников, прося их перевести некоторые японские выражения. Получив хорошие ответы, Это: принял решение о целесообразности продолжения деятельности юридической школы [Tezuka 1967a; Ikeda 1996, p. 88; Wada 2004, p. 59].

Общий курс подготовки в министерской школе права состоял из двух частей: занятий подготовительного цикла (*ёка*) и основного курса (*хонка*) [Röhl 2005, p. 772]. Подготовительный цикл предусматривал получение общего образования с упором на изучение французского языка. Студентов ожидали базовые подготовительные занятия, включая чтение и перевод с французского языка, изучение математики, истории и географии.

Второй этап длился четыре года и предполагал изучение студентами следующих дисциплин: на первом курсе — экономика и гражданское право; на втором году обучения — гражданское и уголовное право, а также уголовно-процессуальное право; на третьем — гражданское и гражданско-процессуальное право, административное право; на четвертом (заключительном) курсе — административное право, торговое право и международное право.

Помимо основной учебной программы (*сэйсоку-ка*), с 1877 г. в юридической школе был организован интенсивный (ускоренный) курс обучения (*сокусэй-ка*) французскому праву на японском языке для подготовки будущих японских магистратов и прокуроров, крайне необходимых судебной системе для восполнения имевшихся кадровых прорех. Срок обучения на таком ускоренном курсе составлял сначала два, затем три года [Goraï 1904, p. 784; Hayashi 2022, p. 91]. Среди окончивших краткосрочные курсы встречается немало имен будущих влиятельных в японской политике или юриспруденции лиц, например, Куратоми Ю:дзабуро: (1853—1948), который с 1926 по 1934 гг. возглавлял Тайный совет (*Сумицу-ин*), Яно Сигэру (1853—1935), То:до: То:ру (1856—1908), Кавамэ Ко:ити (1853—1907), О:датэ Корэтака (1860—1927), Китагава Нобуёри (1860—1924), О:то Фукусабуро: (1860—1924), Кокубу Сангай (1863—1962), Мацумото Кё:дзи (1867—1941).

Когда профессор Буассонад прочитал свои первые лекции по французскому праву, общее число обучающихся в школе на «полной программе» сократилось с перво-

начальных двадцати человек до одиннадцати. В то же время четыре освободившихся места было занято новыми принятыми в школу учениками.

В августе 1875 г., когда срок обучения пятнадцати молодых слушателей вступил в завершающую фазу, Министерством юстиции было принято решение о направлении семи из них во Францию для дальнейшего изучения французского права. В число направляемых за границу выпускников вошли наиболее способные ученики, такие как: Киносита Ко:дзи, Кумано Тосидзо: (Биндзо:), Иноуэ Сё:ити, Исобэ Сиро:, Курицука Сё:го, Сэкигути Ютака, Окамура Сэйити [Hayashi 2016, p. 213]. Между тем, в книге «Япония» французского журналиста и литератора Эдмона Вильтара (1828—1889) сообщается о восьмерых японцах, отправленных после окончания министерской школы на обучение за границу, но их имена не раскрываются [Villetard 1879, p. 162]. Идентифицировать «восьмого», если это число все же верно, не представилось возможным.

В сентябре 1875 г. был произведен прием в школу двенадцати новых слушателей, в число которых вошли Итиносэ Ю:дзабуро:, О:сима Сансиро:, Фукухара Митинао, Ида Сё:дзиро:, Хасимото Томосабуро:, Камэяма Садаёси, Татики Райдзо:, Такаги Тоёдзо:, Сугихара Тораити, Фудзибаяси Тадаёси, Ивано Симпэй, О:цука Сэйкити [Hayashi 2016, p. 213].

Первый выпускной класс министерской школы закончил обучение в августе 1876 г. в составе двадцати пяти человек (включая пятерых студентов, обучавшихся за рубежом). Одиннадцать из них получили прямое назначение на работу в Министерство юстиции, а трое наиболее способных (Мияги Ко:дзо:, Огура Хисаси и Кисимото Тацуо) были направлены во Францию для продолжения образования. Еще шестеро выпускников не были приняты на службу в министерство, поскольку считались менее способными учениками [Hayashi 2016, p. 213].

Начиная со второго набора студентов, общий срок обучения составлял восемь лет, из которых четыре года отводилось на освоение подготовительного цикла с упором на французский язык и столько же — на занятия по основному (юридическому) циклу. Вместимость школы была увеличена до ста четырех человек [Tezuka 1967b]. При этом «вторая когорта» студентов была принята на обучение только после выпуска «первой когорты» в 1876 г.

Студенты второго набора, так же как и их предшественники, находились на полном государственном обеспечении, но они были обязаны, по окончании обучения, поступить на государственную службу и отработать в таком качестве не менее пятнадцати лет [Goraï 1904, p. 784].

Поскольку к этому времени Буске уже не преподавал в юридической школе, а перед Буассонадом японским правительством были поставлены иные, требующие его безусловного внимания задачи (составление проекта уголовного кодекса), то основным преподавателем французского права для второго поколения японских юристов в министерской школе стал Жорж Аппер.

Второй выпуск юридической школы состоялся в июле 1884 г. Общее количество выпускников было значительно меньше первоначального числа поступивших, так как многие бросили учебу ввиду различных жизненных неурядиц: всего тридцать семь учеников из ста четырех смогли дойти до финальной стадии вручения дипломов. При этом часть учеников школы была отчислена в 1879 г. в результате инцидента «мака-

най сэйбацу дзикэн» (賄征伐事件) — студенческих волнений, вызванных протестом учеников против плохих условий школьного питания [Ackerer 2012, p. 120]. В ходе разгоревшегося конфликта с руководством учебного заведения статуса учеников лишились Хара Такаси (1856—1921), Куга Кацунан (1857—1907), Фукумото Нитинан (1857—1921), Кокубу Сэйгай (1857—1944) и Като: Цунэтада (1859—1923), ставшие впоследствии весьма известными политическими фигурами в Японии (Т. Хара и во все сумел достигнуть поста премьер-министра страны).

В рамках второго выпуска тридцать три выпускника из тридцати семи завершили обучение с присвоением им степени бакалавра права (*хо:рицу гакуси*), а оставшиеся четыре выпускника были вынуждены довольствоваться документом, который свидетельствовал, что они с трудом освоили курс юридической подготовки [Röhl 2005, p. 774]. В ноябре 1884 г. по ходатайству Министерства юстиции перед Государственным советом аналогичные бакалаврские степени были присуждены *ex post facto* выпускникам школы *Мэйхо:рё:* из так называемой первой когорты (период обучения: 1872—1876).

Сложность обучения в юридической школе с лихвой компенсировалась теми привилегиями, которые ожидали счастливых обладателей государственных дипломов. В те годы такой документ являл собой безусловную ценность, так как позволял выпускникам претендовать на ключевые посты в высших бюрократических кругах страны, занять привилегированное положение в политической системе [Лим 2014, с. 206]. Именно поэтому среди немногочисленных выпускников юридической школы Министерства юстиции так много тех, кто оставил весомый след в истории японского права, политики и правосудия: судьи, прокуроры, профессора права, основатели частных университетов, успешные политики, в том числе министры, дипломаты (табл. 1). [Who's Who Hakushi... 1921].

Таблица 1. Известные выпускники и ученики юридической школы Министерства юстиции

Первый набор и выпуск (июль 1872 г. — август 1876 г.) <i>Примечание:</i> часть учеников первого набора, поступив в школу <i>Мэйхо:рё:</i> , выпускалась уже из <i>Сихо:сё:</i> <i>хо:гакко:</i>	Исобэ Сиро: (1851—1923) Иноуэ Сё:ити (1850—1936) Иноуэ Мисао (1847—1905) Огура Хисаси (1852—1906) Такаги Тоёдзо: (1852—1918) Ивано Симпэй (1855—1929) Кабуто Кунинори (1849—1929) Кисимото Тацуо (1851—1912) Итиноэ Ю:дзабуро: (1855—1932) Киносита Тэцусабуо: (1852—1907) Киносита Хиродзи (1851—1910) Кумано Биндзо: (1854—1899) Куридзука Сё:го (1853—1920) Сугимура Тораити (1857—1938) Мияги Ко:дзо: (1852—1893) Ясиро Мисао (1852—1892) О:сима Сэйдзи (1855—1912)
---	---

Второй набор и выпуск (1876 г. — июль 1884 г.)	Умэ Кэндзиро: (1860—1910) Акидзуки Сацуо (1858—1945) Томитани Сё:таро: (1856—1936) Кавамура Дзё:дзабуру: (1859—1930) Кога Рэндзо: (1858—1942) Тэдзука Таро: (1862—1932) Тэрао То:ру (1858—1925) Мидзуками Тё:дзиро: (1858—1936)
Третий набор (1880 г. — 1888 г.)	Ёкота Хидэо (1862—1938) Мидзумати Кэсароку (1864—1934) Киносита Томосабуро: (1864—1944) Кусака Киситаро: (1864—1927) Тасиро Рицуо (1860—1910) Мородзуми Хикороку (1865—1908)
Четвертый набор	Вакацуки Рэйдзиро: (1866—1949) Кацумото Кансабуру: (1866—1923) Окамура Цукаса (1866—1922) Ода Ёродзу (1868—1945) Арай Кэнтаро: (1863—1938) Аканума Киндзабуру: (1865—1900) Адати Минэитиро: (1869—1934)

Источник: составлено автором по материалам исследования.

В 1884 г. юридическая школа Министерства юстиции была передана в ведение Министерства образования, получив временное название Токийская школа права (*То:кё: хо:гакко:*). Однако уже в следующем году она полностью утратила организационную самостоятельность и вошла в состав юридического факультета Токийского университета в статусе отделения французского права [Goraï 1904, p. 784; Takayanagi 1930, p. 743]. В 1886 г. был принят новый указ об Императорском университете¹ и к имевшимся отделениям английского и французского права добавился сектор немецкого права. Студенты, которые числились учениками юридической школы на момент ее поглощения Токийским университетом, были переведены на юридический факультет университета, продолжив изучение французского права [Jaluzot 2021, p. 237—238]. Ряд преподавателей юридической школы также перешли на работу в университет и продолжили свои занятия в новой обстановке.

Заключение

Общее количество выпускников министерской школы права за период 1876—1884 гг. составило всего 62 человека (25 в 1876 г. и 37 в 1884 г.), что, разумеется, не покрывало практических потребностей страны в юридических кадрах. Если говорить о краткосрочной программе подготовки юристов (*сокусэй-ка*), то к моменту упразднения министерской юридической школы данные курсы успешно окончил 161 обучающийся [Hayashi 2016, p. 215]. Приводимые значения говорят сами за себя и впол-

¹ Официальное название Токийского университета в период с 1886 г. до 1897 г.

не объясняют стремительный карьерный успех первых поколений японских юристов, знания и умения которых оказались чрезвычайно востребованы в новых политических реалиях. Юридическое образование в те годы было недоступно широким массам населения и характеризовалось безусловной элитарностью, открывавшей большие перспективы для малочисленных выпускников. Собственно говоря, открытие в Японии первого государственного учреждения для профессиональной подготовки юристов было решением политически мотивированным. Имея стойкое желание пересмотреть неравноправные Ансэйские договоры, японцы ничего не могли возразить превосходившим их в военной мощи западным державам, которые допускали пересмотр заключенных ранее договоров только в том случае, если Япония докажет им свою «цивилизованность» и «равный статус». В юридической сфере «цивилизованность» должна была быть подтверждена введением в Японии современного законодательства и существенными реформами в вопросах отправления правосудия. Однако разработка современных кодексов прозападного типа, которая с переменным успехом началась практически сразу после падения сёгуната, и учреждение в Японии новых юрисдикционных органов были лишь половиной дела. Вслед за правотворчеством с необходимостью следует процесс правоприменения, должная реализация которого немыслима без квалифицированного юридического персонала. С этой точки зрения министерской школе права надлежало выполнить роль «кузницы» высших судебных, прокурорских и управленческих кадров для «новой» Японии. Вместе с тем задачей министерской школы была не только подготовка специалистов со знаниями в области французского права, но и культивирование у будущих выпускников лояльности по отношению к политическому курсу правительства.

Библиографический список

- Лим С.Ч. Особенности становления японского студенчества в период Мэйдзи // *Диалог со временем*. 2014. № 48. С. 194—215.
- Мечников Л.И. Эра просвещения Японии // *Дело*. 1876. № 10. С. 133—170.
- Мещеряков А.Н. Реформы периода Мэйдзи: человеческое измерение // *Ежегодник Японии*. 2018. Т. 47. С. 350—366. URL: <https://doi.org/10.24411/0235-8182-2018-10017>.
- Нравы и законодательство Японии // *Всемирный путешественник*. 1876. № 5. С. 1—42.
- Пужаев В.В., Романовская В.Б. Гюстав Буассонад де Фонтараби и идея естественного права в Японии в эпоху Мэйдзи // *Японские исследования*. 2021. № 4. С. 6—33. URL: <https://doi.org/10.24412/2500-2872-2021-4-6-33>.

References

- Lim, S.Ch. (2014). Osobennosti stanovleniya yaponskogo studenchestva v period Meidzi [The Emergence of the Japanese Students in the Meiji Era]. *Dialog so vremenem* [Dialogue With Time], 48, 194—215. (In Russian).
- Mechnikov, L.I. (1876). Era prosveshcheniya Yaponii [Japan's Enlightenment Era]. *Delo* [Affair], 10, 133—170. (In Russian).

Meshcheryakov, A.N. (2018). Reformy perioda Meidzi: chelovecheskoe izmerenie [Meiji Era Reforms: The Human Dimension]. *Ezhegodnik Yaponiya* [Yearbook Japan], 47, 350—366. (In Russian). URL: <https://doi.org/10.24411/0235-8182-2018-10017>.

Nravy i zakonodatel'stvo Yaponii [Mores and Legislation of Japan]. (1876). *Vsemirnyi puteshestvennik* [World Traveler], 5, 1—42. (In Russian).

Puzhaev, V.V., Romanovskaya, V. B. (2021). Gyustav Buassonad de Fontarabi i ideya estestvennogo prava v Yaponii v epokhu Meidzi [Gustave Boissonade de Fontarabie and the idea of natural law in Japan in the Meiji era]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 4, 6—33. (In Russian). URL: <https://doi.org/10.24412/2500-2872-2021-4-6-33>.

* * *

Ackerer, F. (2012). *Rôle et pouvoir des éditorialistes dans la presse du milieu de l'ère Meiji (1884—1894)*. Fukuzawa Yukichi, Kuga Katsunan, Tokutomi Sohō. Thèse de doctorat soutenue sous la dir. d'Emmanuel Lozerand. INALCO. (In French).

Appert, G. (1896). De l'influence des lois françaises au Japon. *Journal du droit international privé et de la jurisprudence comparée*, 23, 515—538. (In French).

Beillevaire, P. (2008). Georges Bousquet. In: *Dictionnaire des orientalistes de langue française* (pp. 143—144). Paris: Karthala. (In French).

Boissonade, G. (1874). École de droit de Jédo. Leçon d'ouverture d'un cours de droit naturel. *Revue de législation de française et étrangère*, 4, 508—525. (In French).

Bousquet, G. (1877). *Le Japon de nos jours et les échelles de l'Extrême-Orient*. Paris: Hachette. (In French).

Brun, L. (2022). *La modernisation du Japon à la fin du XIXe siècle vue par ses conseillers français: l'exemple du juriste Georges Bousquet (1846—1937)*. Mémoire de recherche en Histoire du droit et des institutions. Année 2021—2022. Retrieved July 3, 2025, from URL: <https://dumas.ccsd.cnrs.fr/dumas-04651329v1/document> (In French).

Daresté, P. (1934). George Appert (1850—1934). *Revue historique de droit français et étranger. Quatrième série*, 13 (2), 398—404. (In French).

Dictionnaire historique du Japon. (1970). Fasc. II. Lettre B. Tōkyō: Librairie Kinokuniya. (In French).

Frank, L. (1889). *Le Japon judiciaire*. Bruxelles: F. Larcier. (In French).

Goraï. (1904). L'influence du Code civil français sur le Japon. In: *Le Code civil. Livre du centenaire*. T. II (pp. 781—790). Paris: A. Rousseau. (In French).

Hayashi, M. (2016). *Constructing the Legal Profession in Modern Japan*. PhD thesis. SOAS University of London. Retrieved July 3, 2025, from https://eprints.soas.ac.uk/26667/1/4464_Hayashi.pdf.

Hayashi, T. (2022). The Education of Roman Law From 1874 to 1894 in Japan. The Transition of Contemporary Model of Legal Systems in the West and the Intellectual Backgrounds of Professors in Charge of Roman Law. *Acta Universitatis Lodzensis. Folia Iuridica*, 99, 83—98. DOI: <https://doi.org/10.18778/0208-6069.99.06>.

Ikeda, M. K. (1996). *French Legal Advisor in Meiji Japan (1873—1895): Gustave Emile Boissonade de Fontarabie*. Diss. Ann Arbor, UMI., Michigan.

Iwatani, J. (1999). La publication de la Revue française du Japon (1892—1897): l'infructueuse tentative d'un juriste français, conseiller auprès du gouvernement japonais. In: *Japon pluriel* 3 (pp. 45—52). Paris: Éd. Philippe Picquier. (In French).

Jaluzot, B. (2021). The Meiji Era: When Japanese Law Became Positivized. In B. Dupret, J.-L. Halpérin (Eds.), *State Law and Legal Positivism: The Global Rise of a New Paradigm* (pp. 215—249). Leyden: Brill.

Manifestations commémoratives en l'honneur du professeur G.E. Boissonade, conseiller légiste accrédité du gouvernement japonais et professeur à l'Université impériale de Tokyo de 1873 à 1895. (1935). Tokyo: Comité d'organisation des manifestations commémoratif en l'honneur du professeur G.E. Boissonade. (In French).

Nakatsu, M. (2018). *Les missions militaires françaises au Japon entre 1867 et 1889*. Thèse de doctorat présentée et soutenue à Paris le 18 janvier 2018. Université Sorbonne Paris Cité. (In French).

Ōkubo, Y. (1976). Le professeur Gustave Boissonade (1825—1910). Sa vie et son oeuvre. *Nichifutsu bunka*, 32, 79—90. (In French).

Polak, Chr. (2022). Le capitaine Ernest Antonin Vieillard (1844—1915), membre de la Deuxième Mission Militaire de France au Japon de juin 1873 à avril 1876. Dixième partie: Par la traverse jusqu'à Nagoya, Pierre Mourier, premier résident français dans cette ville. *France Japon Éco*, 169, 74—79. (In French).

Robert, J. (1969). Le pensée juridique française au Japon. *Nichifutsu bunka*, 24, 28—42. (In French).

Röhl, W. (2005). Legal Education and Legal Profession. In W. Röhl (Ed.), *History of Law in Japan Since 1868* (pp. 770—828). Leiden, Boston: Brill.

Rokumoto, K. (2002). The historical roots of stasis and change in Japanese legal education. In A. Rossett, L. Cheng, M. Woo (Eds.), *East Asian Law — Universal Norms and Local Cultures* (pp. 155—179). London: Routledge.

Rozy, H. (1876). L'enseignement français au Japon. *Le Progrès libéral: journal quotidien*, 298, 3—4. (In French).

Sugiyama, N. (1936). Les transformations du droit civil japonais et l'influence du droit français. *Annales de l'Institut de Droit comparé de l'Université de Paris*, II, 195—219. (In French).

Takayanagi, K. (1930). Occidental Legal Ideas in Japan: Their Reception and Influence. *Pacific Affairs*, 3 (8), 740—753.

Tezuka, Yutaka. (1967a). Shihōshō hōgakkō shōshi (1) [History of the Ministry of Justice Law School During Meiji Era (pt. 1)]. *Hōgaku kenkyū: hōritsu, seiji, shakai* [Journal of Law, Politics, and Sociology], 40 (6), 54—84. (In Japanese).

Tezuka, Yutaka. (1967b). Shihōshō hōgakkō shōshi (2) [History of the Ministry of Justice Law School During Meiji Era (pt. 2)]. *Hōgaku kenkyū: hōritsu, seiji, shakai* [Journal of Law, Politics, and Sociology], 40 (7), 57—100. (In Japanese).

Villetard, E. (1879). *Le Japon*. Paris: Hachette. (In French).

Wada, K. (2004). From O-yatoi Gaikokujin in the Meiji Era to the American Law Programme of Summer 2004. *ICCLP Annual Report*, 55—69.

Who's Who Hakushi in Great Japan. (1921). Vol. I—VI. 1888—1920. Ed. by K.R. Iseki. Tokyo.

Поступила в редакцию: 22.07.2025

Принята к публикации: 23.10.2025

Received: 22 July 2025

Accepted: 23 October 2025

М.В. Грачев, С.О. Онищук

Представления о болезнях и методах врачевания в период Хэйан (794—1185)

Аннотация. В масштабном труде «Истинный метод лечения» (*«Исинхо:»*, 984 г.) придворный врач Тамба Ясуёри (912—995) качественно реорганизовал китайские медицинские знания и предложил новую классификацию болезней и методов оздоровления, заложив основы японской медицины. В настоящей статье рассматриваются отличительные особенности медицинской практики в эпоху Хэйан (794—1185) и акцентируется внимание на разнообразии диагностируемых болезней, их этиологии и участниках процесса устранения недугов. Исследование основывается преимущественно на дневниковых записях придворных сановников XI—XII вв. (*«Мидо: кампакуки»* Фудзивара Митинага, *«Сё:ю:ки»* Фудзивара Санэсукэ и *«Гё-куё:»* Кудзё: Канэдзанэ), поскольку, в отличие от *«Исинхо:»*, в них содержится подробная информация, разъясняющая характерные черты терапии в эпоху Хэйан и иллюстрирующая неразрывную связь медицины и ритуала: фармакологические предписания, заклинания и магические обряды изгнания злых духов обычно органично сосуществовали в процессе восстановления больного, взаимно дополняя друг друга. Источники эпохи Хэйан свидетельствуют, что японские лекари ставили гипотетические диагнозы многочисленных недугов, однако самым распространенным и опасным недугом оставалась «болезнь ветра», отличающаяся обширной этиологией и разнообразной симптоматикой. В лечебном процессе принимали участие три категории специалистов: придворные врачи-*иси*, *оммё:си* и *гэндзя*, каждый из которых, выполняя разнообразные функции, интегрировался в процесс устранения заболеваний, превращая терапию в действенный инструмент. И хотя их сферы деятельности порой пересекались и порождали конкуренцию, даже открытое соперничество, такая напряженность, как правило, существенно не снижала эффективность процедур; напротив, их совместные действия делали лечение заметно более гибким. Толкование причин заболеваний варьировалось от патогенной энергии *ци*, усиленной неблагоприятными ветрами, что соответствовало китайской медицинской теории, до вмешательства божеств и других сверхъестественных существ, способных нанести значительный вред человеку. Главными среди предполагаемых виновников проблем со здоровьем признавались «мстительные духи» *мононокэ*. Универсальной стратегии лечения не существовало: разные виды злых духов требовали различных «технологий» исцеления, которые применялись в зависимости от обстоятельств.

Ключевые слова: эпоха Хэйан, *«Исинхо:»*, Тамба Ясуёри, придворный врач, *оммё:си*, *гэндзя*, этиология болезней, методы врачевания.

Авторы: Грачев Максим Васильевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и культуры Японии Института стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (адрес: 125009, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 1). ORCID: 0000-0002-1092-9046. E-mail: maxgr73@mail.ru
Онищук Станислав Олегович, аспирант кафедры истории и культуры Японии Института стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (адрес: 125009, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 1). E-mail: mjhos16@yandex.ru

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Грачев М.В., Онищук С.О. Представления о болезнях и методах врачевания в период Хэйан // Японские исследования. 2025. № 4. С. 112—124.
DOI: 10.55105/2500-2872-2025-4-112-124.

M.V. Grachev, S.O. Onishchuk

Ideas about disease and healing methods in Heian-era Japan

Abstract. In his monumental work *Ishinhō* (984), translated here as “The True Method of Treatment,” court physician Tamba Yasuyori (912—995) reorganized the received corpus of Chinese medical knowledge and proposed a new classification of illnesses and therapies, thereby laying key foundations for Japanese medicine. This article examines the distinctive features of Heian-period (794—1185) medical practice, with particular attention to the diversity of diagnosed diseases, their etiology, and the principal actors involved in treatment. Methodologically, the study draws primarily on 11th — 12th-century court diaries — *Midōkanpakuki* (Fujiwara no Michinaga), *Shōyūki* (Fujiwara no Sanesuke), and *Gyokuyō* (Kujō no Kanazane). Unlike the *Ishinhō*, these sources document the day-to-day application of therapies in considerable detail and illuminate the inseparable integration of medicine and ritual: pharmacological prescriptions, incantations, and exorcistic rites routinely complemented one another in the management of illness. The diaries attest to an extensive nosology, but the most prevalent and feared condition was “wind disease,” a disorder marked by heterogeneous etiologies and a wide range of symptoms. Treatment typically involved three categories of specialists — court physicians, *onmyōji* (yin-yang diviners), and *genja* (Buddhist ritual adepts) — each performing distinct functions within a shared therapeutic enterprise. Although their domains at times overlapped and produced competition, and even open rivalry, such tensions generally did not undermine therapeutic efficacy; rather, their combined interventions made treatment notably adaptable. Explanations of causation ranged from pathogenic *qi*, intensified by noxious winds in accordance with Chinese medical theory, to the agency of *kami* and other supernatural beings capable of inflicting serious harm. Chief among the presumed culprits were vengeful spirits (*mononoke*). No universal cure existed: different categories of malevolent entities called for distinct therapeutic modalities — herbal decoctions, liturgical recitations, or elaborate exorcisms — deployed in combination as circumstances required.

Keywords: Heian Japan, *Ishinhō*, Tamba Yasuyori, court physician, *onmyōji*, *genja*, etiology, healing methods.

Authors: Grachev Maxim V., PhD (History), Associate Professor, Department of History and Culture of Japan, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University (address: 11/1, Mokhovaya, Moscow, 125009, Russian Federation).

ORCID: 0000-0002-1092-9046. E-mail: maxgr73@mail.ru

Onishchuk Stanislav O., Postgraduate Student, Department of History and Culture of Japan, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University (address: 11/1, Mokhovaya, Moscow, 125009, Russian Federation).

E-mail: mjhos16@yandex.ru

Conflict of interests. The authors declare the absence of the conflict of interests.

For citation: Grachev, M.V., Onishchuk, S.O. (2025). Predstavleniya o boleznyakh i metodakh vrachevaniya v period Kheian (794—1185) [Ideas about disease and healing methods in Heian-era Japan]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2025, 4, 112—124. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2025-4-112-124.

Введение

В 984 г. происходивший из семьи врачей известный мастер иглоукалывания Тамба Ясуёри (丹波康頼, 912—995) по повелению тяжело больного экс-императора Энью: (円融太上天皇, прав. 969—984, ум. 991) представил императорскому двору грандиозный свод под названием «Истинный метод лечения» (医心方, «Исинхо:»¹), в 30 свитках. Труд содержал извлечения из разнообразных китайских книг², охватывая все медицинские знания того времени: от врачебной этики и философии до сексуальных практик и методов достижения долголетия [Hsia 1986].

Важно подчеркнуть, что Тамба Ясуёри (о чем красноречиво свидетельствует текст «Исинхо:») существенно скорректировал представления об этиологии болезни и заложил основу японской медицины, сконцентрировав внимание на теории взаимозависимости органов и циркуляции жизненной энергии *ки* (氣, кит. *ци*,)³, а также на многогранных практиках психического и физического улучшения состояния здоровья, известных под названием «вскармливание жизни» (養生, *ё:дзё:*, кит. *ян шэн*) [Угауама 2019, р. 18—29]. В итоге труд «Истинный метод лечения» не представлял произвольное компилирование материала из китайских медицинских книг, а свидетельствовал о качественной реорганизации китайских знаний на базе некоего организующего принципа; идеи, определяющей структуру, порядок и взаимодействие всех компонентов общей системы, в результате чего была выработана более реалистичная и последовательная классификация болезней, методов врачевания и техник работы с телом, базирующихся на систематических знаниях о структуре и функциях организма человека [Yamada 1997, р. 3—6].

В тоже время материалы «Исинхо:», насколько бы обстоятельными они не являлись, не предоставляют ученым возможность ответить на ключевой вопрос об эффективности предложенных Ясуёри схем оздоровления, ибо текст «Исинхо:» не позволяет восстановить всю последовательность медицинских процедур, а потому для установления специфики японской медицины в эпоху Хэйан надлежит задействовать источники различной видовой принадлежности: дневники царедворцев и актовую документацию, взяв за основу дневниковую литературу, поскольку она содержит обстоятельные записи, а сами придворные были пытливы, эрудированы и практически академичны в своем подходе к ведению документации; их критические замечания относительно методики исцеления, взаимно дополняя друг друга, предоставляют специалистам обилие информации, проливающей свет на отличительные признаки терапии в эпоху Хэйан.

---

¹ Встречается также транскрипция «Исимпо:».

² 88% (180 из 204) цитируемых в «Исинхо:» китайских трудов по медицине ныне утрачено.

³ В основе системы «пяти плотных и шести полых органов» лежала теория, согласно которой состояние здоровья человека непосредственно зависит от баланса энергии *ци* и двух начал с противоположными свойствами — *инь* и *ян*. «Пять плотных и шесть полых органов» попарно связаны друг с другом. Нарушение этого равновесия приводило к расстройству баланса элементов и, соответственно, к болезням. Таким образом, болезнь могла наступить в результате «избытка» или «недостатка» энергии в органе, а из-за устойчивых связей между парами органов заболеванию были подвержены несколько органов [Hattori 2006, р. 3—6; Sugimoto, Swain 1978, р. 91—92].

Врачебное дело в эпоху Хэйан

Каким образом классифицировались заболевания, где и как лечился человек в те времена?

Источники информируют, что японские врачи диагностировали многие недомогания: болезни печени (肝病, *кимобё:*) и селезенки (脾病, *хибё:*), глазные заболевания (眼病, *гамбё:*)¹, гонорейю (淋病, *римбё:*), диабет (飮水病, *номимидзубё:*), дизентерию (痢病, *рибё:*), зубные патологии², кожные болезни ног (脚病, *кякубё:*), корь (赤痢瘡, *акамогаса*)³, малярию (瘧病, *гякубё:*), грудной радикулит (胸病, *кё:бё:*), нефроз (腎病, *дзинбё:*), опухоли (二禁, *никин*) и отеки, оспу (痘瘡, *то:со:*)⁴, сезонный грипп (咳病, *гайбё:*), сердечные недуги (心病, *синбё:*), туберкулез легких (肺病, *хайбё:*), холеру (霍乱, *какүран*), цестодозы (寸白, *субаку*), чесотку (疥癬, *кайсэн*) [Midōkampakuki 1952—1954, v. 1, p. 19, 98, 112, 167, 206, 216, 309; v. 3, p. 194; Shōyūki 1959—1986, v.1, p. 52, 55, 280—281; v. 2, p. 72, 81, 83, 89, 95, 177, 179, 189, 223—224, 228; v. 3, p. 11, 16, 34, 36—37, 48, 50, 53, 113, 196, 211, 258; v. 4, p.12, 41, 57, 184, 187—188, 197, 202, 231, 254, 287; v. 5, p. 12, 21, 24, 29—30, 32—33, 86—88, 91, 108, 126, 129, 230, 232; v. 6, p. 182; v. 7, p. 46, 97, 112—113, 117—118, 122, 124—125, 159, 192, 211, 235, 240, 244, 246; Seiji Yōryaku 1981, p. 705; Chūyūki 1934—1935, v. 1, p. 147—148; v. 2, p. 12, 18, 21, 23, 30, 33, 65, 185, 251—252; v. 4, p. 32—33, 53, 98, 161—162; v. 7, p. 174; Hattori 1955, p. 191—192, 199—201, 226].

По традиции, восходящей к заветам знаменитого древнекитайского врача Бянь Цяо (扁鵲), полагавшего, что болезнь — следствие дисбаланса между организмом и окружающей средой, к неустранимым «хворям» были отнесены социально-психологические особенности человека: неумная жажда обогащения, так называемая «болезнь денег» (錢の病, *дзэни-но ямаи*), хвастливость (虚子病, *кёсибё:*) и способность сказать недужным (羊病, *ё:бё:*), дабы, чувствуя заботу окружающих, блаженствовать благодаря своему притворству [Daiki 1965, v. 2, p. 120; Hattori 1955, p. 206—207].

Наиболее распространенной разновидностью недугов в японской медицине была «болезнь ветра» (風病, *фү:бё:*), отличавшаяся обширной этиологией и разнообразной симптоматикой. Как следовало из авторитетных среди лекарей эпохи Хэйан китайских медицинских книг, причина *фү:бё:* таилась не только в негативных влияниях погоды (ветер, зной, холод, сырость, сухость, жар⁵), но и в психических факторах (радость, печаль и т. д.). Ветер был «прародителем» многих хвороб, потому что его

¹ Хорошо задокументированным примером является история болезни глаз императора Сандзё: (三条天皇, прав. 1011—1016), который был вынужден отречься от престола по причине слабого здоровья. Подробнее см.: [Hattori 2006, p. 131—148].

² Стоматологические заболевания представителей царствующей семьи, как правило, назывались «почтительная зубная боль» (御齒悩, *охано:*) [Midōkampakuki 1952—1954, v.1, p. 255; v. 2, p. 151, 153, 313].

³ О вспышках кори в 998, 1025, 1077, 1094, 1113 и 1127 г., когда пострадали не только простолюдины, но и сановные персоны (захворал даже император Итидзё: (一条天皇, прав. 986—1011) см.: [Hattori 1955, p. 201—203].

⁴ Источники содержат 21 упоминание о вспышках оспы с 790 по 1177 г.

⁵ Эти шесть факторов внешнего воздействия относились к разновидностям патогенной энергии (邪氣, кит. *се ци*). Их интенсивность в различные сезоны и разное время суток не была тождественной и обязательно принималась во внимание при диагностировании заболевания.

природа состояла в постоянной подвижности и изменчивости. Все прочие заболевания порой воспринимались как трансформации патологии ветра, поскольку симптомы *фу:бё:* были сложны и могли не предполагать ярко выраженной локализации, периодически изменяя положение в теле пациента [Hattori 2006, p. 2—19].

«Болезни ветра» были частым явлением в придворной среде эпохи Хэйан. Согласно дневнику главы государственного совета Фудзивара-но Митинага (藤原道長, 966—1028), он хворал различными «болезнями ветра» 18 раз (в зимнюю пору девять раз, весной и осенью пять раз, летом четыре раза) [Hattori 1955, p. 66]. Основным виновником *фу:бё:* в медицинском трактате Тамба Ясуёри названа «губительная энергия-ки» (毒氣, *доки*), формирующая «ядовитый ветер» (毒風, *докуфу:*)¹. Такая энергия была способна «распространяться в восьми направлениях» и «рассеивалась» только по прошествии двенадцати лунных месяцев, «просачиваясь через кожу» одновременно с ветром и порождая недомогания [Hattori 1955, p. 188—189].

Закономерно, что японские лекари, унаследовавшие традиции китайского врачебного искусства, на первых порах не обладали достаточными знаниями об истинной природе «болезни ветра», однако по мере развития медицины отдельные заболевания стали классифицироваться по фиксированным симптомам и, как следствие, им давали собственные наименования².

Центральной фигурой сознательного лечебного процесса знати в эпоху Хэйан был служащий Аптекарского управления императорского двора (典藥寮, *Тэньякурё:*), врач (医家, *ика*, или 医師, *иси*), который применял различные методы оздоровления: акупунктуру (鍼, *хари*), прижигание моксой (灸, *кю:*), гирудотерапию (蛭食, *хируку:*), фармацевтические препараты (藥物, *якубуцу*), лечебную диету³, массаж, гимнастику, дыхательные упражнения, лечебные ванны, сексуальные техники и т. д. [Shigeta 2004, p. 144—146; Yamada 1997, p. 8—18].

Не следует, однако, полагать, что придворные врачи в эпоху Хэйан представляли собой сплоченный коллектив профессионалов с единым кодексом поведения и строгими этическими принципами: конкуренция между домами Тамба (丹波) и Вакэ (和氣), из которых как правило происходили лекари, была ярко выражена. Разногласия среди врачей относительно методов лечения могли привести к ухудшению самочувствия пациента или способствовать летальному исходу, как, например, в 1025 г., когда на поздней стадии беременности от осложнений, вызванных корью, скончалась

---

¹ Фундаментальным тезисом китайской традиционной медицины было положение о должной циркуляции энергии *ци* (氣, *ки*) в теле человека, что обеспечивало поддержание его биологических (питание, дыхание, размножение и т. д.) и высших психических (память, мышление, восприятие, речь и т. д.) функций. Если «патогенная *ци*», проникая в тело подавляла «истинную *ци*» (正氣, кит. *чжэнь ци*), обеспечивающую рост и развитие человека, то это вызывало болезнь.

² Например, болезни с симптомами диареи, рвоты и болями в животе стали называться холерой, а к инфекционным заболеваниям относились оспа, корь и малярия [Hattori 2006, p. 4-6].

³ Японские врачи при туберкулезе рекомендовали употреблять в пищу клейкий рис, приготовленный на пару, говядину, жужубу (китайский финик) и семечки подсолнечника; при сердечных недугах — хлебные злаки, баранину, абрикосы и лук китайский; при болезнях почек — соевые бобы, мясо кабана, ананасы и гороховую ботву; при больной печени — кунжут, собачье мясо, сливы и душистый лук; при поражении селезенки — курятину, персики и лук-батун (дудчатый лук) [Seiji Yōgyaku 1981, p. 705].

супруга Фудзивара-но Нагаиэ (藤原長家, 1005—1064)¹, сына всеильного царедворца Фудзивара-но Митинага [Shōyūki 1959—1986, v. 7, p. 124—126].

Пререкания между докторами порождали конфликты, сопровождаемые попытками дискредитации конкурентов, о чем свидетельствует история лечения опухоли (*никими*) экс-императора Госиракава (後白河法皇, прав. 1155—1158, ум. 1192,) пятью придворными врачами в 1167 г. [Gokuyō 1966, v. 1, p. 21]. Сопровождавшиеся колкими тирадами ожесточенные споры между лекарями имели место и в присутствии императора Такакура (高倉天皇, прав. 1168—1180,). Один из трех вызванных врачей, Вакэ Ясусигэ (和気定成), подверг сомнению компетентность двух других целителей — Тамба Норимото (丹波憲基) и Тамба Сигэнага (丹波重長) и инициировал перепбранку, апеллируя к неназванному произведению по врачебному искусству, выписки из которого по собственному побуждению продемонстрировал участникам размовки [Gokuyō 1966, v. 1, p. 224—225].

Врачи обладали навыками теургической терапии и могли непосредственно участвовать в неких необъяснимых с точки зрения рационального мышления ритуалах, поскольку сознанию людей эпохи Хэйан была присуща вера в результативность магических актов, обусловившая невозможность для них строгого разделения медицины, магии и суеверий. Этот аспект деятельности врачей более всего заметен в обстановке беременности и родов. Доказательства можно найти в «*Исинхо*», где содержатся не потерявшие актуальности и поныне обстоятельные рассуждения о природе заболеваний и инструкции, разъясняющие порядок действий при осложнениях во время болезни или сопровождающихся недугами тяжелых родов. Примечательно, что выдающийся целитель Тамба Ясуёри, чьи суждения в «*Исинхо*» последовательны и систематичны, оставил в какой-то мере иррациональные рекомендации о необходимости не только открыть ворота дома, но и снять крышки с глиняных сосудов, бутылей и горшков, ибо любые закрытые объекты способны привести к затруднениям во время родов [Sugitatsu 2004, p. 59].

Рекомендации, которые современному человеку представляются невежественными, не всегда следует считать таковыми, ибо они основываются на ином отношении средневекового человека к окружающему миру. К примеру, в 1152 г. по столице Хэйан поползли слухи, что должен прийти дух болезней (疫鬼, *экики*), а потому надлежит запереться в домах и развесить благовония из аукубы японской (青木香, *сё:мокко*., лат. *Aucuba japonica*), дабы отвести неприятности [Hattori 1955, p. 61—62]. Такое поведение не следует однозначно причислять к суевериям. В действительности соблюдался карантин, нацеленный на изоляцию эпидемического очага, дабы предупредить распространение заболевания, а аукуба японская, которая, по поверьям, поглощала негативную энергетику, до сих пор применяется в народной медицине для обеззараживания.

Придворные врачи нередко были причастны к знаковым ритуальным мероприятиям, оберегая участников обряда при помощи талисманов. Сановник Кудзё: Канэдзанэ (九条兼実, 1149—1207) дважды, в 1167 и 1173 гг., сообщает о проведении придворным врачом Тамба Норитомо интригующего обряда «умиротворения» ложа ро-

---

¹ Ребенок, родившийся преждевременно, вскоре умер.

женицы¹, заключавшегося в возглашении специального заклинания с последующим прикреплением амулета в родильной комнате [Gokuuō 1966, v. 1, p. 26, 317]. В 1178 г. во время церемонии обвязывания беременной Тайра-но Токуси (平徳子, 1155—1214) священным поясом (着帯の儀, *тякутай-но ги*)² главный врач Вакэ Ясусигэ предоставил иноземные пилюли из плодов акебии пятилисточковой (仙沼子, *сэнсё:си*, лат. *Akebia quinata*)³, дабы они стали гарантом и оберегом (снадобье надлежало защитить в пояс) безопасных родов первенца императора мужского пола и потенциального наследника престола в будущем [Sankaiki 1935—1936, v. 2, p. 137]⁴.

Гадатели оммё:си

Не только врачи спасали от недугов сановитых особ. В случае недомогания императора, члена его семьи или служащего государева двора надлежало также обращаться за помощью к *оммё:си* (陰陽師) — служащим Ведомства по делам *инь* и *ян*⁵. Их первейшая функция состояла в проведении гадания с целью установления источника недуга и в некоторых случаях предоставление необходимых рекомендаций относительно дальнейшего алгоритма действий. Недомогание Фудзивара-но Санэсукэ (藤原実資, 957—1046) в 1014 г., как выяснил Камо Мицүёси (賀茂光榮, 939—1015), было вызвано совместной карой «владыки севера» (北君, *киitagими*)⁶, «божества земли» (土公, *доку*)⁷ и «божества домашнего очага» (竈神, *камадогами*)⁸ [Shōyūki 1959—1986, v. 3, p. 205]⁹. В 1173 г., когда тяжело занедужила Фудзивара Сэйси

¹ Церемония осуществлялась с целью удержания скверны (穢れ, *кэгарэ*) в родильной комнате и препятствованию доступу в помещение болезнетворных духов.

² Считалось, что пояс из мягкого беленого шелка выполнял как практические функции (бандаж и согревание живота женщины), так и функции магико-символические («фиксировал» одну из «душ» будущего ребенка (魂, *тамаси*)).

³ Бытовало представление, что акебия, произрастающая в болотистой местности, где якобы обитали бессмертные, напитывалась мощными неведомыми силами, что существенно повышало спектр ее применения в магии и медицине.

⁴ Речь идет об Антоку (安徳天皇, прав. 1180—1185), ставшем императором в полуторагодовалом возрасте. Его отцом был шестнадцатилетний и слабый здоровьем государь Такакура.

⁵ Помимо буддизма и синтоизма, существенным направлением религиозной жизни в период Хэйан был комплекс верований, восходящий к даосизму и китайкой натурфилософии, именуемый «путем *инь* и *ян*» (陰陽道, *оммё:до:*). Оммё:рё: (陰陽寮), Ведомство по делам *инь* и *ян*, несло ответственность за следующие направления деятельности: гадания и геомантия, составление календарей, астрономия и измерение времени. Специалисты по «искусству *инь* и *ян*», служащие в Оммё:рё:, именовались *оммё:си*, «знатоками» *оммё:до:*. Подробнее см.: [Трубникова, Бачурин 2009, с. 174—183].

⁶ Обожевление Полярной звезды, отождествлялся с Бодхисаттвой Мё:кэн (妙見).

⁷ Также Докудзин (土公神, *докудзин*), божество, обитающее в земле. Считалось, что разгневанный *докудзин* способен насыпать проклятие, становившееся причиной болезней и эпидемий. Для предотвращения опасности существовали специальные обряды умиротворения божества земли.

⁸ Добрососедские отношения с этим божеством считались залогом благополучия семьи, поскольку они непосредственно влияли на качество приготовленной еды. Сами божества домашнего очага отождествлялись с далекими предками главы рода, чьи тела в незапамятные времена родственники относили в горы, дабы они трансформировались в родовые божества. Эти божества обитали в очаге и заботились о процветании домочадцев, а гнев *камадогами* мог стать причиной болезни и даже смерти члена семейства [Shigeta 2005, с. 47—48].

⁹ Считалось, что все три сверхъестественные сущности могут время от времени действовать совместно, а их проклятия продиктованы не злобой, а желанием что-то получить от жертвы.

(藤原聖子, 1122—1182)¹, супруга экс-императора Сутоку (崇徳法皇, прав. 1123—1142, ум. 1164), Абэ Токихару (安倍時晴), проведя гадание на стеблях тысячелистника, выждал, что первопричиной нездоровья был взаимный гнев «божества земли», неопознанного призрака (鬼霊, *кирё:*) и злобного духа умершего человека (霊気, *рё:гэ*) [Gokuo 1966, v. 1, p. 287—288].

Несчастье мог наслать *ками* святилища, раздосадованный невыполнением ранее данного обета, чем и обосновал *оммё:си* Абэ Ёсихира (安倍吉平, 954—1027) новые приступы затяжной болезни глаз императора Сандзё:; когда источником недуга было объявлено божество святилища Касуга [Shōyūki 1959—1986, v. 4, p. 79—80]².

Иногда гадание преподносило неожиданный результат и в качестве «инициатора» болезненного состояния вельможной персоны идентифицировался другой придворный. В 1009 г. подозрения в наложении заклятья на смерть (魘魅, *энми*) Фудзивара-но Митинага, его дочери Фудзивара-но Сё:си (藤原彰子, 988—1074),³ и принца крови Ацухира (敦成皇子, 1008—1036)⁴ пали на Фудзивара-но Корэтика (藤原伊周, 974—1010), племянника Митинага и его яростного политического противника [Seiji Yōryaku 1981, p. 602—603].

Проблемы со здоровьем могли быть связаны с неисполнением строгих религиозных запретов (物忌, *моноими*). В 1012 г., осуществив гадание после странных звуков в святилище Касуга-тайся, свидетелем которых был Фудзивара-но Санэсукэ, Камо Мицусэи предостерег Санэсукэ и его домочадцев об угрозе заболевания: мужчин, родившихся в годы Петуха, Быка и Овна, и женщин, родившихся в годы Змеи, Кабана и Зайца, если они не будут соблюдать строгие запреты в течение 30 дней с момента обнаружения необычного явления [Shōyūki 1959—1986, v. 3, p. 38].

Помимо этого, у *оммё:си* консультировались по вопросам верификации гипотетического диагноза, поставленного врачом, а также эффективности (и безопасности) применяемых лекарств и целесообразности методик врачевания. Зачастую *оммё:си* представляли собственное мнение об используемых лекарственных препаратах и методах терапии, пользуясь случаем, высказывали прогноз по поводу масштабов недуга и сроков выздоровления (или же наступления летального исхода)⁵. Особенно примечательна история подтверждения *оммё:си* Абэ Ёсихира полезности применения снадобья под названием «алый снег» (紅雪, *ко:сэцу*)⁶, рекомендованного императору Сандзё: опытным придворным лекарем Киёвара Тамэнори (清原為信). После гадания препарат получил высшую оценку и был отправлен в буддийский храм Хо:рю:дзи, где его наделили магической силой будд и бодхисатв (加持, *кадзи*), дабы увеличить

¹ Прижигание моксой по совету врача принесло кратковременное облегчение, и на следующий день случился новый приступ острой боли.

² Божества святилищ нередко насылали болезни, демонстрируя недовольство. Например, *ками* святилищ Инари, Кибунэ, Кимпусэн, Уса и Хиэй [Shigeta 2004, p. 130].

³ Мать императоров Гоитидзё: и Госудзакэ 後朱雀天皇 (прав. 1036—1045).

⁴ Внук Митинага и будущий государь Гоитидзё: 後一条天皇 (прав. 1016—1036), которому в то время едва исполнилось сто дней отроду.

⁵ Имеющиеся в «Сё:ю:ки» примеры могут указывать на знакомство *оммё:си* с фармацевтическими справочниками или же тексты *оммё:си* содержали ссылки на медицинские трактаты [Shōyūki 1959—1986, v. 3, p. 150; v. 4, p. 57—58; v. 7, p. 123; v. 8, p. 36].

⁶ Применялся для лечения широкого спектра заболеваний — от сыпного тифа до расстройства желудка.

действенность эликсира. В конце концов император принял лекарство прописанное врачом, одобренное *оммё:си* и усиленное при помощи высшего благословения, но безрезультатно (повторный прием препарата через четыре дня также не дал эффекта) [Shōyūki 1959—1986, v. 4, p. 15, 17].

Если лекарство не получило от *оммё:си* санкцию на применение, то не имело решающего значения, откуда доставлен препарат, насколько он редкий и высока ли его стоимость: использовать его возбранялось [Shōyūki 1959—1986, v. 3, p. 235].

Означает ли это, что мнение врачей оказывалось не столь авторитетным, нежели точка зрения *оммё:си*? Представляется, что нет, исходя из специфических особенностей комбинированной формы терапии в Японии в эпоху Хэйан. С врачами, особенно с лечащими (侍医, *дзюи*) советовались, их рекомендации чаще всего соблюдали¹, а иногда консультировались с несколькими лекарями [Shōyūki 1959—1986, v. 5, p. 127]. В дневнике Фудзивара-но Санэсукэ можно найти заслуживающий внимания пример лечения предположительно несахарного диабета у Фудзивара-но Митинага, где зафиксированы не только подробные сведения о самочувствии больного царедворца (сухость в рту, усталость, отсутствие аппетита, синдром жара и т. д.), но и наименования препаратов: чудодейственный бальзам на основе киновари (丹藥, *танъяку*)², соевое молоко (豆汁, *годзирю*), настой из сои щетинистой (大豆煎, *дайдзусэн*, лат. *Glycine max*), настой сгущенного молока и меда (蘇蜜煎, *сомицусэн*), пилюли на основе плодов терминалии чебулы (呵梨勒丸, *карироку*, лат. *Terminalia chebula*)³, корень пуэрарии дольчатой (葛根, *каккон*, лат. *Pueraria lobata*)⁴, а также сок хурмы и абрикосы для устранения сухости во рту [Shōyūki 1959—1986, v. 4, p. 187—188; v. 5, p. 186; v. 8, p. 94—95].

Достоин внимания, что в эпоху Хэйан обнаруживается еще одна особенность в области плюрализма методов исцеления, ибо чтение заклинаний и обращение с обетами к буддам и бодхисаттвам были общепринятым терапевтическим средством. Буддийские монахи выступали в качестве, если не придворных врачей, то знахарей, а порой и святых целителей, сведущих не только в фармакологии, но и магико-религиозных ритуалах эзотерического буддизма.

Заклинатели гэндзя

Знатоки магии и разнообразных тайных обрядовых действий, монахи-заклинатели (験者, *гэндзя*), и «врачи-монахи» (医僧, *исо:*, 医師法師, *иси хо:си*) часто появляются на страницах дневников придворных чиновников, когда речь идет о процедуре врачевания какого-либо недомогания. Многие из них известны по именам — Дзё:эн (成円), Ко:эн (皇延), Мё:кэн (明見), Монкэй (文慶), Нинкай (仁海), Синъё (心譽). Они не

---

¹ За исключением тех случаев, когда *оммё:си* не подтвердил целесообразность использования препарата.

² Киноварь — минерал, сульфид ртути.

³ Растение также известно как *харитаки*. Обладает противовоспалительной, противоопухолевой, противодиабетической, противоязвенной и антиоксидантной активностью.

⁴ Обладает разнообразными лечебными свойствами. Улучшает кровообращения, снижает артериальное давление, может оказывать противовоспалительное и антиоксидантное действие. Используется как жаропонижающее и отхаркивающее средство.

только совершали моления у ложа больного (加持, *кадзи*), декламировали сутры (読経, *доккё*), «вручали заповеди» (授戒, *дзюкай*) или проводили ритуал защиты тела пациента от напастей (護身, *госин*), но и были сведущи в лекарственных препаратах и основных методах лечебного воздействия [Tokunaga 2001, p. 97—123]¹.

Интересно, что участие *гэндзя* в диагностическом процессе обнаруживается уже после постановки первичного диагноза врачом или *оммё:си*. Когда в 1173 г. захворала Фудзивара-но Сэйси и *оммё:си* Абэ Токихару указал, какие сверхъестественные сущности в том повинны, лечение оказалось неэффективным и состояние пациентки не стабилизировалось. В этот момент были призваны буддийский наставник Ко:сюн (公舜) для дарования обетов больной Сэйси и возгласения «Лотосовой сутры», а также *гэндзя* Дзицугэн (実厳) для проведения подношения голодным духам² (施餓鬼, *сэгаки*). Также был приглашен еще один *оммё:си* Камо Канэхиро (賀茂周平), раскритиковавший предположительный «диагноз» Токихару и предложивший исполнить на протяжении трех дней обряд вызова духов умерших (招魂祭, *сё:консай*) для установления обстоятельств их проклятия, и через несколько дней болезнь отступила [Gokuyō 1966, v. 1, p. 288—290].

Будучи посвященными в таинства ритуалов авеша (阿尾捨法, *абися хо:*), позволявших использовать тело больного человека для выведывания воли духов болезни, *гэндзя* воспринимались в качестве магов, особенно во время совместных окутанных тайной действий в паре с медиумом (物付, *моноцуки*), которому передавались мстительные духи (物怪 или 物気, *мононокэ*) для ослабления (в идеале — обезвреживания) их пагубного воздействия на хворого человека или роженицу³.

Заключение

Японские лекари в эпоху Хэйан, основываясь на совокупности симптомов, ставили гипотетические диагнозы разнообразных недугов, но наиболее коварными и непредсказуемыми оставались «заболевания ветра». Для хэйанской медицины было характерно многообразие трактовок происхождения недугов и методов их лечения. Такой терапевтический плюрализм зиждился на ненарушимом единстве медицины,

¹ *Гэндзя* также имели непосредственное отношение к созданию буддийских скульптур по технологии однодневного производства, широко распространившейся со второй половины XI в. Такие статуи обычно создавались с целью восстановления от угрожающих недугов или сложных родов и производились под присмотром *гэндзя* рядом со зданием, где находился объект исцеления. Само производство от ритуала освящения дерева до церемонии «открытия глаз» статуи (開眼, *кайгэн*) отождествлялось с мольбами о помощи, обращенными к буддийским божествам [Mori 1996, p. 22—28].

² Таким духом, как считалось, становился после смерти грешник.

³ *Мононокэ* — собирательный термин для обозначения многочисленных разновидностей злонаправленных существ. Злые духи в представлениях знати эпохи Хэйан были реальны, опасны и в отдельных случаях неподконтрольны *гэндзя*, что могло сделать процедуру их изгнания мучительной и недейственной. Первоначально практиковался метод, когда злобствующего духа намеренно оставляли в теле, которым он овладел, используя тело и рот пациента для выведывания его волеизъявлений. Во второй половине X в. «технология» борьбы с мстительными духами претерпела изменения, стали практиковать перенос *мононокэ* в другое тело для избавления ослабленного тела пациента от дальнейших испытаний. Людей, в чье тело переносился дух, называли *моноцуки* («прикрепленные к духу») и к XII в. уже сформировались профессиональные корпорации *моноцуки*, участвовавшие вместе с *гэндзя* в лечении болезней [Коуама 2015, ср. 22—41; Коуама 2018, p. 20—25].

магии и религиозных суеверий, и был продиктован стремлением достигнуть максимально качественного результата оздоровления, поскольку различные аспекты целительных практик, плодотворно дополняя друг друга, формировали своеобразный конструкт искусства врачевания (医術, *идзюцу*).

Причины заболеваний интерпретировались по-разному: от патогенной энергии *ци*, усиленной неблагоприятным ветром, что соответствовало канонам китайского врачебного искусства, до воздействия божеств и многочисленных сверхъестественных существ, способных нанести ощутимый вред человеку. Самыми распространенными «виновниками» проблем со здоровьем признавались «мстительные духи» *мононокэ*, но универсальной стратегии лечения не существовало и для разных видов злых духов применялись различные «технологии» исцеления¹.

В лечении принимали участие придворные врачи-*ика* (или *иси*), *оммё:си* и *гэндзя*; каждый из специалистов интегрировался в процесс устранения заболеваний, превращая терапию в действенный инструмент, который не утрачивал эффективности даже несмотря на неединичные примеры противоборства между целителями.

Закономерен вопрос: насколько прогрессивной была медицина в эпоху Хэйан? Японские исследователи неоднократно высказывали предположение, что к концу XI столетия японские лекари были известны за пределами страны. В качестве подтверждения умозаключения приводится «просьба» страдающего ревматоидным артритом вана Корё Мунджона (文宗, прав. 1046—1083) императору Сиракава (白河天皇, прав. 1072—1086) об отправке в Корею японского целителя после того, как методы корейских и китайских врачей не дали удовлетворительного результата².

Представляется, что для ответа на такой сложный и актуальный вопрос недостаточно единственного свидетельства, освещение которого превратилось для японских специалистов в проблему идеологического свойства. Понадобится комплексное исследование, основанное на широком корпусе китайских, корейских и японских первичных данных (медицинские трактаты, актовый материал и нарративные источники), где содержится характеристика терапевтических и магических процедур, сведения об их участниках, и информация о продуктивности лечения.

Библиографический список

Трубникова Н.Н., Бачурин А.С. История религий Японии IX—XII вв. М.: Наталис. 2009.

---

¹ Наглядным примером может послужить император Рэйдзэй (冷泉天皇, прав. 967—969), который с детства, видимо, был психически нездоров; его безумие приписывалось мстительному духу (голос государя казался зловещим и отвратительным, а во время болезни он громко кричал и распевал песни). Современники предполагали, что заболевание Рэйдзэй унаследовал его сын, государь Кадзан (花山天皇, прав. 984—986), подверженный систематическим «атакам» духа *мононокэ* [Hattogiri 2006, p. 94—111, 113—131].

² Обратим внимание, что в запросе было отказано и японский целитель Тамба Масатада (丹波雅忠, 1021—1088), известный как «великий мастер искусства врачевания» (医道の宗匠, *идо:но со:сё:*), в Корё не поехал, поскольку при японском дворе убоялись несмываемого пятна позора (恥辱, *тидзёку*) на репутации династии в случае неудачи миссии. Подробнее см.: [Sinowski 2015, p. 1—21].

References

Trubnikova, N.N., Bachurin, A.S. (2009). *Istoriya religii Yaponii IX—XII vv.* [History of Religions of Japan, 9th—12th Centuries]. Moscow: Natalis. (In Russian).

* * *

Chūyūki. (1934—1935). [Records of the Right Minister]. Vols. 1—7. Tokyo: Naigai Shoseki. (In Japanese).

Daiki. (1965). [Records of the Head Minister]. Vols. 1—3. Tokyo: Rinsen Shoten. (In Japanese).

Gokuyō. (1966). [Jewelled Leaves]. Vols. 1—3. Tokyo: Sumiya Shobō. (In Japanese).

Hattori, Toshirō. (1955). *Heian Jidai Igaku no Kenkyū* [Study of Medicine in the Heian period]. Tokyo: Yoshikawa kōbunkan. (In Japanese).

Hattori, Toshirō. (2006). *Ōchō Kizoku no Byōjō Shindan* [Diagnosis of Diseases Among the Court Nobility]. Tokyo: Yoshikawa Kōbunkan. (In Japanese).

Hsia, E.C.H. et al (Eds.). (1986). *The Essentials of Medicine in Ancient China and Japan. Yasuyori Tamba's Ishimpō*. Tr. and annot. by Robert H. Geertsma, Ilza Veith, and Emil C. H. Hsia. Vols. 1—2. Leiden: Brill.

Koyama, Satoko. (2015). *Inseiki no Yorikitō ni okeru Monotsuki no Taigū: Roku o chūshin to shite* [The Treatment of Mediums at Devotions in the Times of Rule by a Retired: Mainly About Stipend]. *Nihon Shūkyō Bunkashi Kenkyū*, 19 (1), 22—41. (In Japanese).

Koyama, Satoko. (2018). *Chūsei Zenki no Byōki Chiryō ni okeru Kami to Mono no Ke* [“KAMI” (Gods) and “MONONOKE” (Evil Spirits) in Medical Treatment of Early Medieval Japan]. *Rekishi Hyōron*, 816, 19—30. (In Japanese).

Midōkampakuki. (1952—1954). [Records of the chancellor from Midō pavilion]. Vols. 1—3. Tokyo: Rinsen Shoten. (In Japanese).

Mori, Yukie. (1996). *Heian Makki ni okeru Zōbutsu to Busshi* [Making Buddha and Their Makers in the Last Years of Heian Area]. *Nara Shien*, 41, 20—57. (In Japanese).

Sankaiki. (1935—1936). [Records of the Sophora Japonica]. Vols. 1—3. Tokyo: Naigai Shoseki. (In Japanese).

Seiji Yōryaku. (1981). [Briefly About the Most Important Political Affairs]. Tokyo: Yoshikawa Kōbunkan. (In Japanese).

Shigeta, Shin'ichi. (2004). *Onmyōji to Kizoku Shakai* [Onmyōji and the Aristocratic Society]. Tokyo: Yoshikawa kōbunkan. (In Japanese).

Shigeta, Shin'ichi. (2005). *Heian Kizoku to Onmyōdō: Abe no Seimei no Rekishi Minzoku Gaku* [Heian Aristocrats and Onmyōdō: The History and Folklore of Abe no Seimei]. Tokyo: Yoshikawa Kōbunko. (In Japanese).

Shinosaki, Atsushi. (2015). *Komaō Bunsō no 'Ishi Yōsei Jiken' to Nihon* [Goryeo-Japanese Relations in View of a Request to Dispatch a Doctor to King Munjon in the Eleventh Century]. *Hisutoria*, 248, 1—21. (In Japanese).

Shōyūki. (1959—1986). [Records of the Right Minister]. Vols. 1—11. Tokyo: Iwanami Shoten. (In Japanese).

Sugimoto, M. & Swain, D. L. (1978). *Science and Culture in Traditional Japan*. Tuttle Publishing.

Sugitatsu, Yoshikazu. (2004). *Osan no Rekishi* [The History of Childbirth]. Tokyo: Shūeisha. (In Japanese).

Tokunaga, Seiko. (2001). *Shūgendō Seiritsu no Shiteki Zentei: Genja no Tenkai* [A Study for Reconstruction of the Historical View About the Establishment Process of Shugendo: The Emergence and Development of Genja]. *Shirin*, 84 (1), 97—123. (In Japanese).

Urayama, Kika. (2019). *Ishimpō no Kōsei to Yōjō Shisō* [The Structure and the Thought of Life Nurturing in Ishimpo]. *Nihon Kenkyū Gakkaishi*, 85 (1), 18—29. (In Japanese).

Yamada, Keiji. (1997). *Nihon Igaku Kotohajime* [The Beginnings of Japanese Medicine]. In Yamada K. (Ed.), *Rekishi no naka no Yamai to Igaku* [Disease and Medicine in History] (pp. 3—33). Tokyo: Shibunkaku Shuppan. (In Japanese).

Поступила в редакцию: 12.08.2025

Received: 12 August 2025

Принята к публикации: 23.10.2025

Accepted: 23 October 2025

Дьячков И.В., Шкатов Д.Е.

Государственная и частная мемориализация исторических обид в отношении Японии в Республике Корея

Аннотация. Данное исследование — первый подход к обработке обширного запаса материалов, собранных авторами в Республике Корея в ходе полевых исследований в октябре 2024 г., чтобы решить обнаруженную научную проблему: несоответствие позиции южнокорейских властей идеям, закрепляемым через основные музеи и мемориалы, связанные с периодом японского владычества.

Подход к мемориализации меняется с резкой сменой политики центральных властей. Памятники и музеи, сохраняющие и распространяющие определённый взгляд на прошлое, прямо или косвенно призывающие спросить с японцев за обиды колониальной эпохи, остаются. Трудно себе представить, что власть может решиться на их закрытие или демонтаж. Иными словами, мемориализация обид возможна, а «демемориализация» — очень трудна. В каком-то смысле конструирование памяти — билет в один конец. Нельзя не заметить, что такой же логике подчинена и политическая актуализация исторических обид: во внешней политике тоже любой отход от эмоционально взятой высоты выглядит как капитуляция. При этом имеющаяся мемориализация усиливает поддержку только определённой политики, а именно — давления; между ними возникают синергия и положительная обратная связь.

Целевая аудитория исторических музеев — школьники, для которых их регулярное и организованное посещение — важная часть образования. Очевидно, что рядовой кореец, с детских лет впитывающий определённое представление о колониальном периоде, о жертвах и об обидчиках, крайне скептически будет настроен по поводу власти, отрицающей то, на чём он был воспитан, или молчащей о том, о чём молчать нельзя. Это не исключает политического сближения с Японией, но оно не может быть широко принято, если будет построено на отрицании обид прошлого.

Ключевые слова: женщины для утешения, исторические обиды, мемориализация, музеи, Республика Корея, Япония.

Авторы: Дьячков Илья Владимирович, кандидат исторических наук, доцент ВАК, доцент кафедры востоковедения, доцент кафедры японского, корейского, индонезийского и монгольского языков, МГИМО МИД России (119454, Москва, проспект Вернадского, 76). ORCID ID: 0000-0001-7058-0811. E-mail: i.dyachkov@my.mgimo.ru

Шкатов Данил Евгеньевич, аспирант кафедры востоковедения, научный сотрудник исследовательской лаборатории «Центр японских, корейских и монгольских исследований» МГИМО МИД России (119454, Москва, проспект Вернадского, 76). ORCID ID: 0000-0001-6690-0181. E-mail: d.szkatow@gmail.com

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Дьячков И.В., Шкатов Д.Е. Государственная и частная мемориализация исторических обид в отношении Японии в Республике Корея // Японские исследования. 2025. № 4. С. 125—144. DOI: 10.55105/2500-2872-2025-4-125-144.

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-18-00109).

Ilya Dyachkov, Danil Shkatov

**State-controlled and Private Memorialization of Historical Grievances
vis-à-vis Japan in the Republic of Korea**

Abstract. This paper represents the first attempt to analyze rich data the authors collected during field research in the Republic of Korea in October 2024. The aim is to resolve the contradiction between South Korean government's official stance and narratives put forward through major museums and memorials commemoration the era of Japanese rule. Korean memorialization policies remain unchanged even as the government's approach wavers. Memorials and museums that represent and propagate a certain view of the past still directly and indirectly encourage the visitors to call Japan to account for historical grievances. The government is unlikely to close or demolish them. In other words, memorialization is possible, but 'dememorialization' is almost impossible. Commemoration is a one-way road. Notably, so is political exploitation of historical grievances, in international politics a step back from the emotional high ground is tantamount to capitulation. Also, current memorialization reinforces only pressure-oriented foreign policies, creating synergy and a positive feedback loop.

Schoolchildren are the target audience for history museums, and regular school trips are an important part of education. Indeed, a regular South Korean citizen, brought up with a certain view of the colonial era, its victims and offenders, would be rather skeptical of a government dismissing what he has been taught to believe and keeping silent instead of demanding retribution. This still allows for *rapprochement* with Japan, but it cannot be widely accepted if the government ignores the past.

Keywords: comfort women, Japan, historical grievances, memorialization, museums, Republic of Korea.

Authors: *Ilya Dyachkov*, Ph.D. (History), associate professor, Dept. of Oriental Studies, Dept. of Japanese, Korean, Indonesian and Mongolian, (119454, Moscow, prospekt Vernadskogo, 76). ORCID ID: 0000-0001-7058-0811. E-mail: i.dyachkov@my.mgimo.ru
Danil Shkatov, post-grad student, Dept. of Oriental Studies, researcher, Center for Japanese, Korean and Mongolian Studies, MGIMO University (119454, Moscow, prospekt Vernadskogo, 76). ORCID ID: 0000-0001-6690-0181.
E-mail: d.szkatow@gmail.com

Conflict of interests: The authors declare the absence of the conflict of interests.

For citation: Dyachkov, I.V., Shkatov, D.E. (2025). Gosudarstvennaya i chastnaya memorializatsiya istoricheskikh obid v otnoshenii Yaponii v Respublike Koreya [State-controlled and private memorialization of historical grievances *vis-à-vis* Japan in the Republic of Korea]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2025, 4, 125—144. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2025-4-125-144.

Acknowledgements: The research is accomplished under the Russian Science Foundation, grant No. 23-18-00109.

В последние годы нажим со стороны Сеула на Токио по историческим обидам заметно ослаб. Президент Юн Сок Ёль (2022—2025) проводил в целом примирительную политику в отношении Японии, которая соответствовала как его личным симпатиям, так и общему курсу по дальнейшему встраиванию Республики Корея в американоцентричную систему военных союзов в Азии. Этот подход шёл вразрез с последовательной линией предыдущих консервативных и демократических администраций, лишь наращивавших давление на Японию [Современные проблемы..., 2024].

Администрация Юн Согёля показала, что готова идти на односторонние уступки в некогда принципиальных вещах ради форсированного сближения с Токио. Проблема, однако, не только в том, насколько неожиданным был переход от почти двадцатилетнего давления к заявлениям о том, что Япония — ценностно близкая и дружественная страна¹. Исторические обиды — предмет широчайшей мемориализации как посредством памятников, которые любой южнокореец видимо вокруг себя ежедневно, так и музеев, через которые ежедневно проходят десятки школьных экскурсионных групп. Возникает ли диссонанс между мемориализацией и политикой, и, если да, насколько он опасен для власти?

Исследование мемориализации дискурса «исторических обид», направленных против Японии, помогает понять, как и на основе каких представлений формируются антияпонские нарративы, влияющие на восприятие Японии гражданами Республики Корея. В недавнем прошлом всплески антияпонских настроений на фоне исторических споров приводили к кампаниям по бойкоту японских товаров и туризма в Японию. В свою очередь, существующие антияпонские настроения воздействуют на политический процесс. Ярким примером этого является бурная реакция корейского общества на односторонние уступки предыдущего президента Юн Согёля Японии по вопросам исторической памяти в 2022—23 гг., которые вылились в заметное снижение рейтинга одобрения президента и правящей партии. Эти настроения активно использовались оппозиционными силами во главе с Ли Чжэмёном, тогда главой Демократической партии «Тобуро».

В научной литературе историческая память и ее политизация в отношениях между Южной Кореей и Японией неоднократно выбирались предметом исследования не только корейскими исследователями [Kang Hyejin, 2023; Park, 2024], но и в англоязычном [Wu Chieh-Hsiang, 2022; Arrington, 2019] и отечественном востоковедении [Стрельцов, 2020, 2022; Дьячков, 2019, 2020]. Указанные исследования фокусировались в первую очередь на внешнем и внутреннем измерении политики памяти и исторических обид, а также на анализе сути споров. Меньшее количество работ, в первую очередь южнокорейских, посвящено собственно мемориализации исторических обид в отношении Японии. Эти исследования сосредотачивались или на отдельных музеях [Sato, 2011], или на музеях определенного региона [Woo, 2020]. В рамках данного исследования будет предпринята попытка проанализировать основные комплексы мемориализации травмы японского колониального периода на территории всей Республики Корея.

Данное исследование — первый подход к обработке обширного запаса материалов, собранных авторами в Республике Корея в ходе полевых исследований в октябре 2024 г., чтобы решить обнаруженную научную проблему: несоответствие позиции южнокорейских властей идеям, закрепляемых через основные музеи и мемориалы,

¹ 윤석열 대통령 제104주년 3·1절 기념사 전문 [Полный текст памятной речи президента Юн Согёля в честь 104-й годовщины первоапрельского движения]. URL: https://overseas.mofa.go.kr/mn_ko/brd/m_373/view.do?seq=1339245 (дата обращения: 06.03.2025).

윤석열 대통령 제105주년 3·1절 기념사 전문 [Полный текст памятной речи президента Юн Согёля в честь 105-й годовщины первоапрельского движения]. URL: https://www.mofa.go.kr/www/brd/m_4076/view.do?seq=370567 (дата обращения: 06.03.2025).

связанные с периодом японского владычества. Чтобы изучить южнокорейский нарративы, авторы посетили Государственный музей современной истории Республики Корея (대한민국역사박물관), Государственный военный мемориал (전쟁기념관), музей истории «женщин для утешения» 일본군 위안부 역사관(), музей тюрьмы Содэмул, мемориалы на горе Намсан, музей принудительной мобилизации в Пусане (국립일제강제동원역사관), музей колониальной истории (식민지역사박물관) и интерактивный музей островов Токто (독도체험관).

Абсолютное большинство посетителей почти во всех указанных учреждениях — школьники средних и старших классов. Как правило, они отправляются в музеи в составе организованных групп. В специализированных музеях, посвященных обидам, школьники особенно многочисленны; создаётся впечатление, что эти заведения существуют и работают именно для них. Нередко дети приезжают с заданиями-анкетами, которые они должны заполнить информацией со стендов (рис. 1). Группа школьников была обнаружена даже в пустующем частном музее *вианбу*, который расположен под Сеулом в малодоступном месте и основательно подзабыт властями. Примечательно, что дети тут же приступили к интервьюированию встреченных иностранцев для школьного проекта о «женщинах для утешения», несмотря на наш отказ.

Рис. 1. Корейские школьники заполняют задание-анкету в музее тюрьмы Содэмул.
Фото И.В. Дьячкова

Здесь же интересно отметить, что параллельно с исследовательской поездкой в октябре проходили выборы главы сеульского образовательного бюро, и победил Чон Гынсик (рис. 2), обещавший среди прочего «суд» над «прояпонским»¹ и даже «юн-согёлевским» образованием².

Рис. 2. Баннер в поддержку Чон Гынсика, кандидата на пост главы сеульского образовательного бюро. Фото И.В. Дьячкова

Относительное исключение составляет музей Государственный музей современной истории Республики Корея. Он находится в туристическом «сердце» Сеула, и поэтому среди посетителей немало иностранцев, хотя и не больше, чем школьников. Он стоит особняком и с точки зрения содержания экспозиций. Этот музей — единственный из посещённых, где рассказано не только тяготах и угнетении колониальной поры, но и о быте и культуре того времени. В экспозиции положительно отмечены новшества 1910—1945 гг., в чём можно усмотреть даже нотки «теории колониальной

¹ 정근식 “친일 교육 심판” 조전혁 “조희연 아바타” ...막 오른 서울교육감선거운동 // 경향신문. = Чон Гынсик: «суд над японским образованием», Чо Чжонхёк: «аватар Чо Хиёна»... Началась предвыборная кампания на пост контролёра сеульского образовательного бюро // Кёнхян синмун. 03.10.2024. URL: <https://www.khan.co.kr/article/202410031627001> (дата обращения: 06.03.2025).

² 정근식 “불통과 줄속, 윤석열 교육 심판하겠다” // 에듀프레스. = Чон Гынсик: «Буду судить невежество и спешку в ущерб качеству, юнсогёлевское образование» // Эдупресс. 26.09.2024. URL: <https://www.edupress.kr/news/articleView.html?idxno=12210> (дата обращения: 06.03.2025).

модернизации» [Ким, Соловьев, 2023]. Это объясняется, скорее всего, «общим» профилем музея¹, нежели, например, нежеланием раздражать зарубежных туристов или стремлением как-то смягчить нарратив. Экспозиции были собраны до прихода Юн Сокёля к власти, поэтому вряд ли речь шла о стремлении угодить президенту. Более того, музей охотно демонстрирует и «острые» материалы, например, проходившую с октября 2024 г. по март 2025 г. спецвыставку «Произведения Ан Чжунгына» «в честь 115-летия подвига в Харбине» (то есть убийства японского генерального резидента Ито Хиробуми)².

Специализированные государственные музеи, посвящённые антияпонской борьбе или конкретным историческим обидам, также не изменились в угоду новой политике властей.

Музей в тюрьме Содэмуна являет собой типовой пример мемориализации исторической обиды. Экспозиция чётко выделяет обидчиков и жертв: это именно Япония и Корея, а не, скажем, «власти» и «диссиденты». Тюрьма описывается как место, где японцы мучили корейцев за одну только мысль о независимости. Подробно описаны

тяжёлые условия содержания, пытки и издевательства, пенитенциарная индоктринация. Экспозиция подводит зрителей к выводу: Содэмуна был лишь одной из множества колониальных тюрем, и вообще при японцах вся страна была одной гигантской тюрьмой (рис. 3). При этом лишь вскользь упомянуто, что после 1945 года и до демократизации Содэмуна продолжал функционировать как место содержания и наказания инакомыслящих (то есть был инструментом угнетения корейцев корейцами даже дольше).

Временная экспозиция, посвящённая видным деятелям национально-освободительного движения, каждому из которых посвящён один из месяцев 2024 года, превращает тюрьму в символ сопротивления японцам. При этом в список попали и персонажи, не имеющие прямого отношения к Содэмуну: не содержащиеся там южноамериканские корейцы, американские религиозные деятели и Ли Сынман.

Рис. 3. Стенд «Огромная тюрьма — колония» в музее тюрьмы Содэмуна.

¹ Аналогично содержание выставки и в столь же общем Музее новой и новейшей истории Пусана (부산근현대역사관; посещён отдельно летом 2025 г.). Нейтрально-положительный тон рассказа о колониальной эре в пусанском музее ещё заметнее, поскольку город приобрёл современный вид и вырос при японцах. Впрочем, повествование о культурно-бытовых новациях первой половины XX в. сменяется столь же насыщенной экспозицией о сопротивлении колонизаторам: очевидно, этот аспект не может быть обойдён молчанием.

² 안중근 의사 하월빈 의거 115주년 기념 특별전 <안중근 글>. 대한민국역사박물관. = Спецвыставка «Произведения Ан Чжунгына» в честь 115-летия подвига героя в Харбине. Музей истории Республики Корея. URL: https://www.much.go.kr/museum/exhibition/exhibitionViewUser.do?exhCode=EXH_0000000221&pageIndex=1&searchCondition=1&searchKeyword=&searchKeywordFrom=&searchExhOnline=&searchExhDivision=plan&exhCategory=EXH01 (дата обращения: 06.03.2025).

Обширный мемориальный комплекс перед тюрьмой Содэmun, посвящённый Обществу независимости и первоапрельскому движению — редкое место в Сеуле, где можно было увидеть материальное свидетельство солидарности Юн Согёля с идеалами национально-освободительного движения. В Павильоне независимости (독립관), оформленном как святилище с именными табличками борцов, стоял массивный венок, подаренный от имени президента (рис. 4).

Рис. 4. Венок от президента Юн Согёля. Фото И.В. Дьячкова

При президенте Мун Чжэине (2017—2022) Сеул наращивал давление на Токио по вопросу принудительного труда корейцев в годы Второй мировой войны. Однако ещё до включения этой темы во внешнюю политику, в 2014—2016 гг. для закрепления этой темы в сознании населения в Пусане был выстроен великолепный современный Государственный исторический музей принудительной мобилизации в годы Японской империи¹. Следует подчеркнуть, что музей строился фактически *при Пак Кынхе* на *государственные* деньги (на строительство музея было потрачено 52,2 млрд won²). Однако в 2019 г. на фоне развёртывания темы во внешней политике

¹ 역사관소개, 설립목적, 국립일제강제동원역사관. = О музее. Цель создания. Государственный исторический музей принудительной мобилизации в годы Японской империи. URL: <https://www.fomo.or.kr/museum/kor/CMS/Contents/Contents.do?mCode=MN0029> (дата обращения: 06.03.2025).

² “아픈 역사 되풀이 말자” ... 일제강제동원역사관 문연다 = «Не допустим повторения исторической трагедии»... Открытие исторического музея принудительной мобилизации. URL: <https://www.donga.com/news/Society/article/all/20151210/75282331/1>

южнокорейский суд обвинил прошлую администрацию в преступном бездействии по проблеме, впоследствии ставшей визитной карточкой Мун Чжэина¹. Иными словами, историческая обида стала предметом не только внешне-, но и *внутри*политической актуализации.

Многоэтажный комплекс на горе встречает лестницей, поднимаясь по которой и читая объяснения, посетители как бы проходят все этапы японской мобилизации: от принудительного призыва до приезда на родину после освобождения Кореи. Так же обстоятельна и зрелищна сама экспозиция, подробно рассказывающая о тяжёлом труде мобилизованных в тылу, их службе в армии, послевоенной судьбе и трудностях возвращения домой. Память о жертвах сакрализуется: отдельный холл превращён в святилище с именными табличками.

Внимание уделено японской пропаганде (подразумевается, что большинство ей не доверяло), а один из уголков имитирует «станцию утешения» (точно такая же реконструкция есть в музее *вианбу*). «Женщины для утешения» вообще не забыты в пусанском музее: в нескольких местах воспроизводится уже хрестоматийная политическая иконография: памятник с девушкой на стуле, одно время появлявшийся у японских загранучреждений. Интересно, что один из стендов посвящён трагедии судна «Укисимамару», на котором погибли возвращавшиеся из Японии мобилизованные. Эта обида, часто вспоминаемая в КНДР, значительно реже попадает в поле зрения южнокорейцев.

При этом в визуальном языке материалов музея широко используются маскот-голубь и яркое, подчёркнуто милое оформление, частично ориентированное на посетителей-детей. Весьма диссонансно и почти кошунственно смотрятся промо-материалы, где, например, надпись «Принудительная мобилизация и остров-ад» обрамлена стилизованными жизнерадостными картинками (рис. 5).

Большую роль в практиках мемориализации играют и негосударственные институты. Государственную и частную мемориализацию и иную активность по историческим обидам нередко крайне трудно разделить. Деятельность «общественников» нередко поразительно синхронна с настроением власти. Часто до конца не ясно, идёт ли речь о негласном «делегировании» или искренней поддержке властью воли электората. Возможно также, что активность некоторых групп постоянна, а настрой государства лишь периодически делает её видимой широкой публике. Скорее всего, неопределённость не случайна: она создаёт пространство для манёвра, необходимое руководству страны в деликатном вопросе давления на вчерашнего обидчика и сегодняшнего партнёра.

Из некоммерческих организаций (НКО), участвующих в формировании нарратива исторических обид (в первую очередь, направленных против Японии), выделяется Институт национальных проблем (민족문제연구소) и управляемый им музей колониальной истории.

Институт национальных проблем был основан в начале 1990-х годов, и изначально назывался Институт *анти*национальных проблем (반민족문제연구소). Организация была создана сторонниками Им Чжонгука (임종국) — писателя, общественного деятеля

---

¹ Проблемы исторического прошлого в отношениях Японии со странами-соседами / под ред. Д.В. Стрельцова. М. : Аспект-Пресс, 2022. С. 95—96.

Рис. 5. Голубь-маскот Музея принудительной мобилизации в Пусане. Фото И.В. Дьячкова

ля и историка, который отметил попытками осмысления роли самих корейцев в проведении японской колонизации и создания списка лиц-коллаборантов.

Открытие музея, посвященного непосредственно колонизации, совпало с очередным витком «исторических войн» между Республикой Корея и Японией: он начал работу в 2018 году. Администрация музея заявляет об отсутствии помощи со стороны властей в процессе открытия. В то же время Институт национальных проблем пользовался определенной поддержкой со стороны органов власти в президентство Мун Чжэина. Так, второй музей под управлением института — «Мемориальный музей новой и новейшей истории» (근현대사기념관) — был построен управой сеульского района Канбук-ку и передан Институту в управление¹. Кроме того, в 2020 г. «Институт» был отобран мэрией Сеула как одна из организаций, имеющих право проводить повышения квалификации для работников в сфере образования.

Постоянная экспозиция музея колониальной истории делится на две большие части. Первая часть рассказывает о ходе колонизации, основных событиях и исторических персонажах. Нарратив схож с тем, что можно увидеть в государственных музеях на данную тематику: Япония — держава-агрессор, колонизация для корейцев имела сугубо негативные последствия, действия Токио были встречены массовым сопротивлением. Повторяется тезис «Корейский полуостров в составе Японии — это одна гигантская тюрьма» (рис. 6).

Посетители могут ознакомиться с двумя инсталляциями, помогающими лично почувствовать жизнь в колониальной Корее. Разумеется, испытать предлагается нега-

¹ 근현대사기념관 — 기념관 개요 = Мемориальный музей новой и новейшей истории — О музее. URL: http://mhmh.or.kr/about_us/status (дата обращения: 12.07.2025)

Рис. 6. Стенд «Огромная тюрьма. Корейцы в сетях репрессивных законов». Фото Д.Е. Шкатова

тивные стороны колониального бытия — индоктринацию и наказания. Это «Школа», где воссоздан школьный класс начала 1940-х годов с провоенными и антиамериканскими лозунгами на доске, и практически идентичная аналогичным стендам в Содэ-муне «Тюрьма», где воссоздана сцена допроса над деятелем движения за независимость и продемонстрирована модель одиночной камеры.

Необходимо отметить, что среди важных задач музея — взаимодействие с японской аудиторией и демонстрация участия японцев в мемориализации. По свидетельству опрошенных сотрудников, японские граждане составляют 10—15% посетителей. Более того, руководство музея вложило в поисковую оптимизацию, чтобы сайт был первой строкой выдачи в популярных интернет-поисковиках при запросе «Сеул музей» на японском языке. На японском сопровождаются не только пояснительные тексты к разделам экспозиции, но и подписи ко многим экспонатам, представленным в музее (рис. 7). Многие предметы коллекции отмечены как дар того или иного японца. Кроме того, по свидетельствам сотрудников, японскими частным лицами было перечислено около 100 млн вон на создание музея.

Вторая часть экспозиции ориентирована в первую очередь на внутреннюю аудиторию. Она посвящена проблеме «чхинильпха» (친일파), «прояпонской фракции», то есть корейцев, выбравших сотрудничество с японскими властями. Один из стендов посвящен историческим персонажам, которые начинали свою деятельность как борцы за независимость, но в итоге стали чхинильпха — поэтам Ли Гвансу и Чхве Нам-

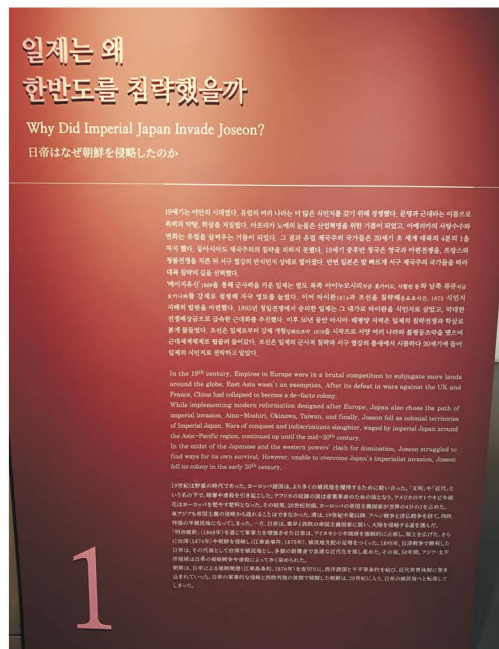

Рис. 7. Сопроводительный текст «Почему императорская Япония захватила Корею?» на трёх языках — корейском, английском и японском. Фото Д.Е. Шкатова

сону, основателю газеты «Тона Ильбо» Ким Сонсу, религиозной и общественной деятельнице Ким Хваллян. Внимание привлекает стенд, показывающий «династию чхинильпха» — детей и внуков двух братьев, Юн Уннёля и Юн Ённёля¹, многие из которых отнесены к коллаборационистам, но занимали высокие правительственные должности после обретения Кореи независимости (рис. 8).

Рис. 8. Стенд, посвященный клану Юнов из Пхэпхёна — «династии чхинильпха». Фото Д.Е. Шкатова

Большой раздел посвящен борьбе демократических активистов за привлечение чхинильпха, пусть и посмертное, к ответственности за их преступления против независимости и народа Кореи. Историческая обида на японцев настолько сильна, что любое нейтральное или положительное соприкосновение с японской властью, неизбежное для политически инертного большинства и обязательное для «карьеристов», трактуется в музее как «ритуальная нечистота», причём наследственная. Как указывают авторы экспозиции, после освобождения Кореи лишь небольшая часть сотрудничавших с японцами понесла наказание, а многие продолжили работу в правительственном аппарате. Стенды сообщают посетителю, что освобождение не завершится, пока корейское общество не сможет осмыслить и «прожить» эту историческую обиду.

¹ Семья — выходцы из клана «Юнов из Пхэпхёна». Среди потомков братьев есть и президент «второй республики» Юн Босон (1960—1962). Как ни странно, президент Юн Согёль (2022—2025) — выходец из другого клана, «Юны из Хэпхёна», хотя и его предки активно общались с японцами до и после Освобождения.

Отдельное внимание уделено предыдущему проекту «Института национальных проблем» — «Биографическому словарю прояпонских коллаборационистов» (친일파인명전). Работа над ним велась с 2001 по 2009 гг. коллективом из нескольких сотен ученых. На основе японских архивных документов установлены 4389 имен корейцев, которые «содействовали аннексии Кореи Японией; работали в органах японской колониальной власти; противодействовали антияпонскому движению; содействовали Японии в ее агрессивных войнах; будучи интеллектуалами, религиозными деятелями, а также деятелями культуры и искусства, содействовали колониальному правлению и агрессивным войнам Японии; проявили себя как другие прояпонские пособники»¹.

Ещё одним музеем, который управляется НКО и затрагивает тему исторических обид к Японии, является Интерактивный музей островов Токто (독도체험관). Музей управляется Фондом истории Северо-Восточной Азии, некоммерческой организацией, тесно связанной с министерством иностранных дел Республики Корея, одной из задач которых является публичная дипломатия и распространение «правильного» взгляда на историю не только внутри страны, но и за рубежом².

Музей полностью оправдывает свое название — он предлагает посетителям, в том числе дошкольного и младшего школьного возраста, множество возможностей взаимодействовать с экспонатами. Среди них — интерактивные доски с программой «Цифровая школа Токто», возможность наблюдать за островами в прямом эфире, различные викторины и т. д. В разделе, посвященном истории Токто, можно найти детальную информацию об освоении островов в Средневековье, многочисленные исторические свидетельства, которые должны подчеркивать их «исконность» как корейских земель. Подробно описано возвращение островов под корейскую юрисдикцию после освобождения в 1945 году (рис. 9). Все это, как и формируемый музеем культовый статус островов (вряд ли какая-либо другая территория Республики Корея становится объектом большего внимания властей и общества или наделяется большей эмо-

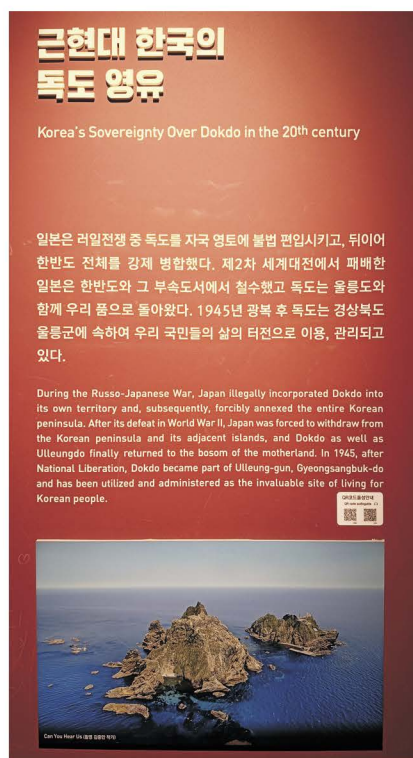

Рис. 9. Стенд «Корейский суверенитет над Токто в новое и новейшее время». Фото Д.Е. Шкатова

¹ 친일인명사전 — 한국민족문화대백과사전 = Биографический словарь прояпонских коллаборационистов — Большая энциклопедия культуры корейского народа. URL: https://encykorea.aks.ac.kr/Article/E0079_420 (дата обращения: 12.07.2025).

² 비전 및 전략 — 재단소개 — 동북아역사재단 = Видение и стратегия — О фонде — Фонд истории Северо-Восточной Азии. URL: https://www.nahf.or.kr/gnb01/snb04_03.do (дата обращения: 12.07.2025).

циональной ценностью), должно подсказывать посетителю мнение, что любые попытки со стороны Японии оспорить территориальную принадлежность островов необоснованны, незаконны и противоестественны.

Скромнее устроен частный музей «женщин для утешения» при хосписе «Дом, где делятся» (나눔의 집), где живут несколько бывших *вианбу*. Он расположен в часе езды от Сеула буквально среди загородных домов и огородов, вдали от трассы. Комплексом руководит буддийская организация. На территории стоят бюсты уже ушедших «бабушек» (так, как правило, называют *вианбу* в мемориальном дискурсе) и размещены плакаты о биографии и деятельности живущих.

Музей довольно беден в плане исторических экспонатов — в основном это фотографии и репродукции, а также различные художественные произведения. Зато отдельный обширный зал посвящён подробному историческому разбору проблемы *вианбу* в двусторонних отношениях с Японией, с предметным анализом эволюции позиции Токио и её изъянов в то или иное время.

Находка для исследователей — открытость музея в вопросах политической деятельности и о финансировании. Так, внимания заслуживает представленный в музее истории *вианбу* список лиц и организаций, совершивших пожертвования в пользу музея (рис. 10). Список начинается 2004 г. и заканчивается 2019 г., при этом, судя по всему, список дарителей за 2019 год неполный. Указаны лишь те, кто внёс от 1 млн вон (примерно 865 долл. по среднему курсу 2010 года¹) и выше. Этот стенд помогает

The image shows a large display board in a museum, divided into sections for each year from 2004 to 2019. Each section contains a list of donors and their contributions in Korean won. The board is organized into columns, with names and amounts listed for each year. The text is in Korean, and the board is a key exhibit in the museum's history of *viannbu*.

Рис. 10. Стенд со списком лиц и организаций, совершивших пожертвования в пользу музея «женщин для утешения». Фото И.В. Дьячкова

¹ 미국 달러화 (USD) ~ 대한민국 원화 (KRW) 환율 변동 기록 (2010년 7월 5일월요일) = Изменения курса американского доллара к корейской воне (5 июля 2010 года, понедельник). URL: <https://www.exchangerates.org/ko/exchange-rate-history/usd-krw-2010-07-05> (дата обращения: 12.07.2025).

составить примерное представление о жертвователях, а также о динамике их активности по годам.

Очевиден рост количества пожертвований (и их сумм) в пору наивысшего внимания власти к «женщинам для утешения» — времена Пак Кынхе и Мун Чжэина. В этот период маленький музей щедро одаривали и госорганы, и крупный бизнес, и звёзды эстрады. Пожертвования до и после этого промежутка значительно скромнее. Такая же динамика заметна и в визитах зарубежных гостей разного ранга. Судя по всему, в пору большей актуальности вопроса музей часто включался южнокорейскими госорганами в программы для зарубежных делегаций среднего ранга, чтобы привить им верное понимание истории. Сегодня же комплекс явно не так популярен, если не сказать — пребывает в некотором запустении.

Год	Пожертвований более 1 млн вон
2004	22
2005	23
2006	22
2007	29
2008	25
2009	49
2010	36
2011	42
2012	50
2013	56
2014	66
2015	90
2016	215
2017	184
2018	292
2019	94

Совершивших пожертвования можно разделить на несколько групп. Во-первых, это органы государственной и местной власти и госчиновники. У последних в списке указана должность. Это позволяет сделать вывод, что деньги вносились в официальном, а не личном качестве. Несколько раз дарителями выступали министры иностранных дел Республики Корея, есть взносы и от имени самого министерства. В списке нередки пожертвования от вице-премьеров, губернаторов, администраций различных районов Сеула или городов провинции Кёнгидо. Стоит отметить, что пожертвований, совершенных от имени политических партий, мало. Было обнаружено лишь несколько пожертвований 2013—14 гг. от консервативной партии «Сэнуридан», предшественницы нынешней оппозиционной партии «Сила народа».

Заметную долю дарителей составляют школы Сеула и столичного региона. Это дополнительно свидетельствует подтверждением тезиса о тесной работе музеев (и конкретно этого заведения) именно с молодым поколением и системой образования. Вполне вероятно, что взносы и отправка школьных экскурсий — часть единого комплекса отношений между музеем и учебными заведениями.

Часто пожертвования совершали коммерческие компании, причем многие из них являются регулярными донорами, жертвуя из года в год, как, например, сеть кофеен «Кофебин» (커피빈).

Среди спонсоров отдельно стоит выделить деятелей массовой культуры. Так, несколько пожертвований сделали члены коллектива группы «Эксо» (엑소/엑소), а в 2019 г. 2 млн вон музеем перевёл коллектив группы «Би-ти-эс» («Пантхан сонёндан»). Даты, совпадающие с пиками обострений по поводу обид говорят, что это, скорее всего, имиджевый ход, тем более что суммы взносов крайне невелики по сравнению с оборотами шоу-бизнеса. Не редкость — пожертвования совершались от имени фан-клубов звёзд эстрады.

При этом самые большие по суммам пожертвования были сделаны самими «бабушками», а именно — Пэ Чхунхи. От ее имени в 2019 г. совершено несколько пожертвований размером от 31 до 49 млн вон, хотя сама Пэ Чхунхи скончалась в 2014 г. Скорее всего, речь идёт о передаче музеем полученной посмертно компенсации, которую *вианбу* получили из южнокорейских фондов при Мун Чжэине на фоне распада соглашения 2015 г. с Японией [Дьячков, 2019, 78—79]. Музей масштабно спонсируется и «смежным» с ним «Домом, где делятся» — 56 млн вон в 2018 г.

В целом проблема «женщин для утешения» остаётся центральной темой мемориализации и соответствующей иконографии. Складывается впечатление, что, авторы экспозиций и мемориалов намеренно отсылают к ней, поскольку она наиболее знакома широкой аудитории. Сеульский памятник при Юн Согёле оказался закрыт заграждениями и пикетами, рассмотреть его весьма непросто (рис. 11). Однако его изображения можно увидеть во многих музеях, которые так или иначе рассказывают о первой половине XX в. Образ девушки на стуле воплощает не только и не столько прошлое (собственно историю *вианбу*), сколько его актуализированную версию в *сегодняшней* политике (то есть, собственно, историческую обиду). Более того, сама тема *вианбу* стала своего рода маркером или символом исторических обид в отношении Японии вообще. Ещё в 2017 г. был учреждён «день прославления» *вианбу* — 14 августа, и он не случайно предшествует годовщине Освобождения Кореи, празднуемой 15 августа.

Кроме того, *вианбу* упомянуты на многих «остановках» «тропы национального позора» на горе Намсан, например, на месте резиденции генерал-губернатора или на площадке близ музея Ан Чжунгына, хотя связь между этими сюжетами не прямая. Напоминания порой весьма прямолинейны. Не слишком тактичной выглядит, например, надпись у одной из стартовых точек «тропы», на крутом подъёме: «Подъём не настолько труден, как история, которую прожили бабушки» (рис. 12).

Другим «общим местом» некоторых экспозиций становятся сравнения японского владычества в Корее с истреблением евреев нацистской Германией. Такие аналогии сделаны, в частности, в музее *вианбу* и в музее колонизации. Оставив в стороне обос-

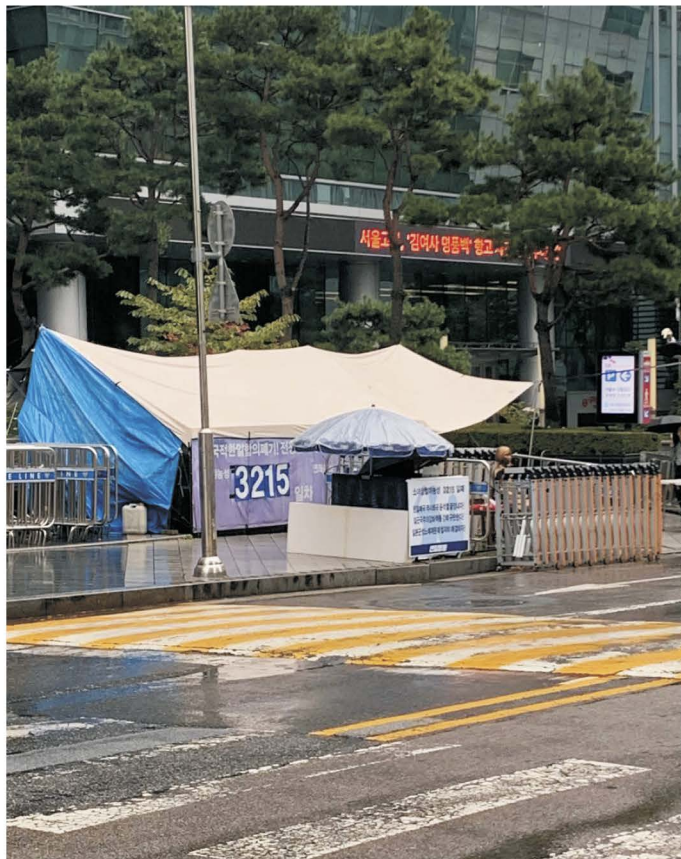

Рис. 11. Закрытый памятник *вианбу*. Фото И.В. Дьячкова

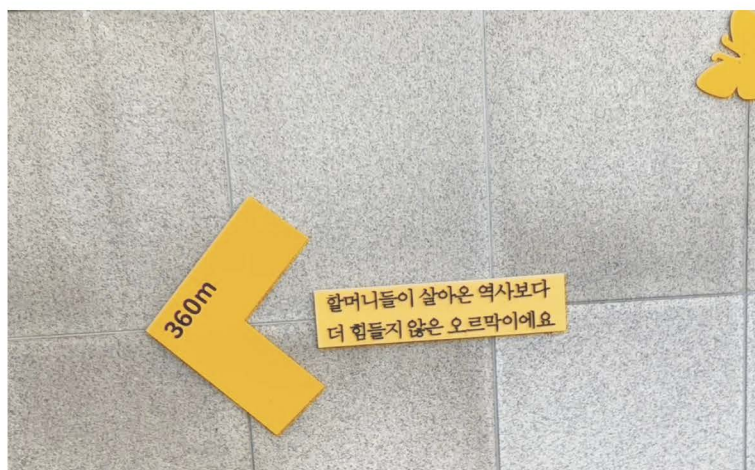

Рис. 12. Указатель с надписью «Подъём не настолько труден, как история, которую прожили бабушки». Фото И.В. Дьячкова

нованность сравнения, предположим, что, скорее всего, авторами экспозиций движет не глумливое стремление состязаться с жертвами нацизма в степени страданий, а попытка найти понятную западным иностранцам точку отсчёта из «их», «иностранной» истории, далёкой от среднего южнокорейца.

В 2025 году в результате внеочередных президентских выборов в Республике Корея сменился президент. Им стал Ли Чжэмён, давний политический оппонент Юн Согёля, представляющий лагерь демократов. Одной из отличительных черт его политической платформы в последние годы была апелляция к антияпонским настроениям в обществе и критика власти за уступки Японии. Закономерно, встает вопрос: как будет строиться политика мемориализации обид при новом президенте?

Прогноз авторов выглядит так: новый президент не будет целенаправленно ухудшать заметно потеплевшие за последние годы отношения с Токио¹, не отказываясь при этом от попыток решить в свою пользу «исторические споры». Примечательно, что новый лидер, придя к власти, забыл антияпонскую риторику. Хотя Ли Чжэмён заметно более сдержан в положительных оценках восточного соседа, нежели предшественник, его действия красноречивы: он стал первым после 1965 г. лидером Республики Корея, после вступления в должность сразу посетившим Токио². В военно-политической и экономической сфере Ли Чжэмён продолжил тот же курс в отношении Японии, который замыслил и проводил Юн Согёль.

В то же время можно ожидать повышения активности НПО, работающих в сфере исторической политики, так как многие из них, как было указано выше, работают в рамках антияпонского мемориального дискурса, и в нынешних условиях у них оказываются развязаны руки. Не следует ожидать и ослабления усилий по государственной мемориализации обид. Иными словами, демократическая администрация, опираясь на военно-политический «прагматизм», не протягивает ниточку между прошлым и настоящим официально, но в Республике Корея будет кому «громко помнить» о прошлом соседа.

Подтверждение этому можно увидеть в речи Ли Чжэмёна на 80-ю годовщину Освобождения Кореи. Выступление выдержано в подобающем торжественном духе и делает акцент не на обидах и угнетении, а на героизме сопротивлявшихся корейцев (кто разгромил Японию в 1945 г., разумеется, напрямую не упомянуто). Япония же названа соседом, с кем Республика Корея «делит двор», подчеркнута выгода от сотрудничества с Токио. Вместе с тем, новый президент, в отличие от предшественника, не восславляет достижения бывшей метрополии, и напоминает, что следует «болезненной историю смотреть в лицо» и «принять её вместе»³. Иными словами, дверь для критики Японии потенциально остаётся открытой, и она может стать как внутри-

¹ “일본에 좀 빨리 가려 했는데” ...이 대통령이 밝힌 대일 정책 접근법 = «Собирался поскорее поехать в Японию»... Президент Ли Чжэмён раскрыл свой подход к политике в отношении Японии URL: <https://news.kbs.co.kr/news/pc/view/view.do?ncd=8294679> (дата обращения: 12.07.2025).

² Le Nhu Mai. Lee's Historic Trip to Tokyo: A Calculated Rapprochement // The Diplomat. 25.08.2025. URL: <https://thediplomat.com/2025/08/lees-historic-trip-to-tokyo-a-calculated-rapprochement/> (дата обращения: 12.10.2025).

³ 이재명 대통령의 80주년 광복절 경축사 전문 // 대한민국 외무부. = Полный текст праздничной речи президента Ли Чжэмёна на 80-ю годовщину Освобождения Кореи. URL: https://overseas.mofa.go.kr/ph/ko/brd/m_3640/view.do?seq=1346442 (дата обращения: 12.10.2025).

политическим инструментом, так и средством дипломатического давления на Токио (по похожему сценарию действовал президент Ли Мёнбак).

Ещё при президенте Юн Согёле в прессе Республики Корея стали публиковаться результаты опросов, из которых следует снижение антияпонских настроений в южно-корейском обществе; сейчас этот тренд продолжается¹. Оставив в стороне вопрос о том, отражают ли такие результаты реальность или государственный запрос, заметим, что не общественное мнение определяет политику сеульских властей, а наоборот. Сейчас, когда по внешнеполитическим причинам целесообразно сближение с Токио, южнокорейские власти в том числе для сохранения лица после отказа от «принципиальной позиции» по обидам, готовы поддержать (если не сказать — сконструировать) нарратив о снижении антияпонских настроений.

Поверить, что антияпонские настроения могут снизиться крайне трудно именно потому, что их подпитывает вся система исторического образования и музейной работы. Подход к мемориализации обид не меняется с резкой сменой политики центральных властей. Памятники и музеи, сохраняющие и распространяющие определённый взгляд на прошлое, прямо или косвенно призывающие спросить с японцев за обиды колониальной эпохи, остаются. Трудно себе представить, что власть может решиться на их закрытие или демонтаж. Создать какой-либо конкурирующий «антимузей», продвигающий, скажем, нарратив о колониальной модернизации, было бы настолько же непросто. Максимум, что возможно сделать с конъюнктурно неудобными мемориалами — замаскировать (в случае с памятником *вианбу* это было сделано буквально), лишить аудитории (например, не привозить иностранцев в «Дом, где делался») или финансирования. Последнее довольно трудно: частные организации всё же не зависят от государства, у прочих бюджет нельзя урезать без значительного резонанса и бюрократического сопротивления.

Иными словами, мемориализация обид возможна, а «демемориализация» — очень трудна. В каком-то смысле конструирование памяти — билет в один конец. Нельзя не заметить, что такой же логике подчинена и политическая актуализация исторических обид: во внешней политике тоже любой отход от эмоционально взятой высоты выглядит как капитуляция [Стрельцов, 2022, 98—99]. При этом имеющаяся мемориализация усиливает поддержку только определённой политики; между ними возникают синергия и положительная обратная связь.

Вновь следует вспомнить, что целевая аудитория исторических музеев — именно школьники, для которых их регулярное и организованное посещение — важная часть образования. Очевидно, что рядовой кореец, с детских лет впитывающий определённое представление о колониальном периоде, о жертвах и об обидчиках, крайне скептически будет настроен по поводу власти, отрицающей то, на чём он был воспитан, или молчащей о том, о чём молчать нельзя. Это не исключает политического сближения с Японией, но оно не может быть широко и «окончательно» принято, если будет построено на отрицании обид прошлого.

---

¹ Shon Duk-ho. Koreans' Favorability Towards Japanese People Hits Record High Amid Changing Sentiments // Chosun Ilbo. 15.08.2025. URL: https://biz.chosun.com/en/en_society/2025/08/15/2V46Z3RPLFD2TH4RUMXRS44TPE/ (дата обращения: 12.10.2025)

Литература

Дьячков И.В. Историческая память и политика: проблема «женщин-для-комфорта» в современных южнокорейско-японских отношениях. *Японские исследования*. 2019. № 4. С. 72—87.

Дьячков И.В. Проблема «Комфортанток» в южнокорейско-японских отношениях вчера и сегодня. *Восточная Азия: прошлое, настоящее, будущее*. 2020. № 7, С. 113—123.

Ким, Н.Н., Соловьёв, А.В. Антиколониальные и постколониальные нарративы в контексте политического мифа в КНДР и Республике Корея. *Международная аналитика*. 2023. Том 14 (2). С. 49—72. URL: https://doi.org/10.46272/2587_8476_2022_14_2_49_72.

Стрельцов Д.В. (ред.) 2022. *Проблемы исторического прошлого в отношениях Японии со странами-соседами* Москва: Аспект-Пресс. 336 с.

Современные проблемы Корейского полуострова: 2024. М.: ИКСА РАН, 2024. 184 с.

Стрельцов Д.В. Исторические обиды в отношениях Японии и Республики Корея более чем через полвека после их нормализации. *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 2020. Т. 11. Выпуск 12 (98). Часть I. URL: https://history.jes.su/s207987840010266_1/. DOI: 10.18254/S207987840010266_1 (дата обращения: 12.07.2025).

References

Arrington, C.L. (2019). The mechanisms behind litigation's "radiating effects": Historical grievances against Japan. *Law & Society Review*, 53(1), 6—40.

Dyachkov, I.V. (2019). Istoricheskaya pamyat' i politika: problema "zhenshchin dlya komforta" v sovremennykh yuzhnokoreysko-yaponskikh otnosheniyakh [Historical memory and politics: the "comfort women" issue in contemporary South Korea—Japan relations]. *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, (4), 72—87. (In Russ.).

Dyachkov, I.V. (2020). Problema "komfortantok" v yuzhnokoreysko-yaponskikh otnosheniyakh vchera i segodnya [The "comfort women" issue in South Korean—Japanese relations: yesterday and today]. *Vostochnaya Aziya: proshloe, nastoyashchee, budushchee*, (7), 113—123. (In Russ.).

Kang, H. (2023). Gieogui gukjejeongchiwa gungnaejeongchijeok yoin yeongu: hanil galdeungui yeoksareul jungsimeuro [A study on factors of memory-based international and domestic politics: Focusing on the history of Korea—Japan conflict]. Doctoral dissertation. Seoul: Sookmyung Women's University. (In Korean).

Kim, N.N., Solovyev, A.V. (2023). Antikolonialnye i postkolonialnye narrativy v kontekste politicheskogo mifa v KNDR i Respublike Koreya [Anticolonial and postcolonial narratives within the context of political myth in the DPRK and the Republic of Korea]. *Mezhdunarodnaya analitika*, 14(2), 49—72. (In Russ.).

Park, Y. (2024). *Comfort women of the Japanese Empire — Colonial rule and the battle over memory*. Routledge.

Sato, N. (2011). Paying a visit to Seodaemun Prison History Hall. *Dongbug'a Munhwa Yeon'gu [Journal of North-east Asian Cultures]*, 1(27), 169—186. URL: <https://doi.org/10.17949/jneac.1.27.201106.009> (In English).

Sovremennyye problemy Koreyskogo poluostrova: 2024 [Current issues of the Korean Peninsula: 2024]. (2024). Moscow: IKSA RAN. (In Russ.).

Strel'tsov, D.V. (2020). Istoricheskie obidy v otnosheniyakh Yaponii i Respubliki Koreya bolee chem cherez polveka posle ikh normalizatsii [Historical grievances in Japan—South Korea relations

more than half a century after normalization]. *Istoriya*, 11(12[98], Part I). URL: <https://doi.org/10.18254/S2079878400102661> (In Russ.)

Streltsov, D. (ed.) (2022). *Problemy istoricheskogo proshlogo v otnosheniyakh Yaponii so stranami-sosedyami* [Problems of historical past in Japan's relations with neighboring countries]. Moscow: Aspekt-Press. (In Russ.).

Woo, Y. (2020). Dong-asia haehang dosi ui jeonjaeng gwa singminji yusan: Singgapoleowa Busan-e hwaryong bangshik bigyo [War and colonial legacies in East Asian seaport cities: A comparative use in Singapore and Busan]. *Inmun Sahoe Gwahak Yeon'gu* [Journal of Humanities and Social Sciences], 21(1), 53—83. (In Korean).

Wu, C. (ed.) (2022). *Cultures of memory in Asia — Dynamics and forms of memorialization*. Routledge.

Поступила в редакцию: 21.08.2025

Received: 21 August 2025

Принята к публикации: 23.10.2025

Accepted: 23 October 2025

BOOK REVIEWS

DOI: 10.55105/2500-2872-2025-4-145-153

Р.С. Авилов

**«В отечественной историографии деятельность разведки японского флота рассматривалась слабо...»
Рецензия на книгу А.Г. Зорихина «Российско-японское противостояние на море. Дуэль флотов и разведок. 1875—1922»**

Аннотация. В статье рассматривается содержание книги А.Г. Зорихина «Российско-японское противостояние на море. Дуэль флотов и разведок. 1875—1922. (Москва: Центрполиграф. 2025. 351 с. Серия «Новейшие исследования по истории России». ISBN 978-5-227-11029-9). В обзоре обозначены главные темы, к которым обращался автор исследования: русско-японское военно-морское соперничество в 1875—1905 гг., т. е. в период, предшествующий Русско-японской войне, и в ходе самого конфликта, продолжение этого соперничества накануне и в годы Первой мировой войны, работа японской военно-морской разведки в годы Гражданской войны в России и японской интервенции на российском Дальнем Востоке в 1918—1922 гг. Отмечается высокий научный уровень исследования, введение в научный оборот значительного количества новых источников из японских архивов, глубина и качество их анализа, обоснованность выводов. Согласно выводу автора рецензии, книга вносит существенный вклад сразу в несколько направлений исследований: историю русско-японского военно-морского соперничества, историю разведки, военную историю Дальнего Востока, историю Русско-японской войны 1904—1905 гг., Первой мировой войны, Гражданской войны в России и японской интервенции.

Ключевые слова: разведка, спецслужбы, японская армия, Дальний Восток, Русско-японская война 1904—1905 гг., Цусимское сражение, Первая мировая война, японская интервенция.

Автор: Авилов Роман Сергеевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (адрес: 690001, Владивосток, ул. Пушкинская, д. 89).
ORCID: 0009-0007-7219-3939. E-mail: avilov-1987@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Авилов Р.С. «В отечественной историографии деятельность разведки японского флота рассматривалась слабо...» Рецензия на книгу А.Г. Зорихина «Российско-японское противостояние на море. Дуэль флотов и разведок. 1875—1922» // Японские исследования. 2025. № 4. С. 145—153.
DOI: 10.55105/2500-2872-2025-4-145-153.

R.S. Avilov

“In Russian historiography, the intelligence activities of the Japanese Fleet were poorly considered...” Book review: *Russian-Japanese Rivalry at Sea. A Duel of Fleets and Intelligence Services. 1875—1922* by A.G. Zorikhin

Abstract. The article examines the contents of the book *Russian-Japanese Rivalry at Sea. A Duel of Fleets and Intelligence Services. 1875—1922* by A.G. Zorikhin (Moscow: Tsentrpoligraf, 2025. 351 p. Series “Contemporary Research on Russian History.” ISBN 978-5-227-11029-9). The review outlines the main topics addressed by the author of the book: Russian-Japanese naval rivalry in 1875—1905, i.e., in the period preceding the Russo-Japanese War and during the conflict itself, the continuation of this rivalry on the eve and during the First World War, the work of Japanese naval reconnaissance during the Civil War in Russia and the Japanese Siberian intervention in 1918—1922. The reviewer notes the high academic level of the research, the introduction into scientific circulation of a significant number of new sources from Japanese archives, the depth and quality of the author’s analysis, and the validity of the conclusions. According to the reviewer’s conclusion, the book makes a significant contribution to several areas of research at once: history of Russian-Japanese naval rivalry, history of intelligence services, military history of the Far East, history of the Russo-Japanese War of 1904—1905, the First World War, the Russian Civil War, and the Japanese Siberian intervention.

Keywords: reconnaissance, special services, Japanese military, Far East, Russo-Japanese War of 1904—1905, Battle of Tsushima, World War I, Japanese Siberian intervention.

Author: Avilov Roman S., Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch, Russian Academy of Sciences (address: Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch, Russian Academy of Sciences, 690001, 89 Pushkinskaya St., Vladivostok, Russia).
ORCID: 0009-0007-7219-3939. E-mail: avilov-1987@mail.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Avilov R.S. (2025). «V otechestvennoi istoriografii deyatel'nost' razvedki yaponskogo flota rassmatrivalas' slabo...» Retsenziya na knigu A.G. Zorikhina «Rossiisko-yaponskoe protivostoyanie na more. Duel' flotov i razvedok. 1875—1922» [“In Russian historiography, the intelligence activities of the Japanese Fleet were poorly considered...” Book review: *Russian-Japanese Rivalry at Sea. A Duel of Fleets and Intelligence Services. 1875—1922* by A.G. Zorikhin]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2025, 4, 145—153. (In Russian).
DOI: 10.55105/2500-2872-2025-4-145-153.

Подготовленная известным отечественным специалистом в области истории японской разведки во 2-й половине XIX — начале XX в. кандидатом исторических наук Александром Геннадьевичем Зорихиным книга «Российско-японское противостояние на море. Дуэль флотов и разведок. 1875—1922», представляет собой первую

в России книгу по данной теме [Зорихин 2025]. В рукописи она называлась «Секретные российско-японские войны на море: от Мэйдзи до Сёва (1875—1922)», однако впоследствии название было несколько скорректировано.

Работа является продолжением исследования, начатого в двух его ранее вышедших монографиях «Военная разведка Японии против России. Противостояние спецслужб на Дальнем Востоке. 1874—1922 гг.» [Зорихин 2023a] и «Военная разведка Японии против СССР. Противостояние спецслужб в Европе, на Ближнем и Дальнем Востоке. 1922—1945 гг.» [Зорихин 2023b], получивших положительную оценку со стороны исследователей-японистов [Куланов 2023, с. 450—456] и вызвавших пристальное внимание читателей, интересующихся историей специальных служб и русско-японских отношений.

Текст новой книги удачно структурирован, хорошо читается и воспринимается не только специалистом в области истории разведки, военно-морского флота и японоведения, но и простым обывателем, заинтересовавшимся заявленной темой. Книга построена по хронологическому принципу и состоит из двух глав, разделенных на два параграфа каждая. Первая глава рассматривает русско-японское военно-морское противостояние в 1875—1905 гг., т. е. с момента зарождения в Японии военно-морской разведки до окончания войны с Россией. Первый параграф доведен до конца 1901 г., когда в результате ввода русских войск в Маньчжурию в ходе Китайского похода 1901 г. и взятия штурмом Пекина, ситуация на Дальневосточном театре военных действий начала кардинально меняться, вызывая все большие опасения руководства Японии за безопасность как островного государства, так и их собственных планов континентальной экспансии. Во втором параграфе показано, как по мере стагнации русско-японских отношений и скатывания двух стран к войне, деятельность японской военно-морской разведки по получению данных о русском флоте и военно-морской инфраструктуре становилась все более активной, став в итоге одним из факторов обеспечивших японцам превосходство на море и победу в Цусимском сражении.

Вторая глава посвящена работе японской военно-морской разведки на русском направлении в сложный исторический период — 1906—1922 гг., ставший эпохальным не только для Дальнего Востока, но и для всего человечества. Принципиально важно, что история внешнеполитического противостояния в регионе, Первой мировой войны и Гражданской войны в России не заслонила в работе непосредственно предмет исследования — беда огромного количества современных публикаций. Первый параграф отражает дискуссии в военно-морском ведомстве Японии и разведывательном сообществе об основных и наиболее вероятных противниках островного государства после подписания с Россией Портсмутского мирного договора 1905 г., сложность оценки США как нового, серьезного противника на Тихом океане и принятия начавшегося процесса сближения с Российской империей. Параграф доведен до 1916 г. — подписания союзного договора между двумя странами, который и по сей день остается высшей точкой развития русско-японских отношений за всю их историю. Второй параграф охватывает период 1917—1922 гг. и показывает трудности японской военно-морской разведки в попытках разобраться с тем, что же происходило тогда в России, рассказывает о степени участия офицеров этой службы в японской интервенции на дальневосточные территории бывшей Российской империи, о противостоянии с военной разведкой, продвигавшей не только понимаемые несколько по-

другому интересы империи Микадо, но и свои собственные, узковедомственные. Параграф доведен до 1922 г. — года установления советской власти на наиболее значимой части территории бывших дальневосточных владений Российской империи.

Автор изначально ставил задачу подготовить обобщающую работу, что ему вполне удалось. Тем не менее, очевидно, что при более детальном и глубоком рассмотрении проанализированных в монографии процессов на более коротких исторических отрезках, каждая из представленных глав, а, при наличии источниковой базы, и параграфов, может быть развернута в отдельную монографию, обладающую не меньшей научной ценностью.

С научной точки зрения, рассматриваемая книга является уникальной. К сожалению, почти все работы, написанные у нас в стране по истории японской разведки, подготовлены по материалам отечественных архивов и отражают скорее официальную позицию отечественных служб, ответственных в разное время за контрразведывательную деятельность, об их успехах в деле «доблестной поимки японских шпионов». К реальной истории работы японской разведки на отечественном направлении, подобные «исследования», к числу которых, увы, принадлежит и значительная часть защищенных диссертаций, не имеют никакого отношения. В этом смысле подготовленная книга явилась достойным исключением из правил. Она стала третьей в нашей стране книгой по истории японской разведки этого периода, написанной на японских, а не русских источниках (первые две — указанные выше работы этого же автора), и второй работой по японской военно-морской разведке (первая — так и не опубликованная кандидатская диссертация А.В. ПолUTOва «Японская военно-морская разведка и ее деятельность против России накануне Русско-японской войны 1904—1905 гг.», защищенная в 2011 г. во Владивостоке и охватывающая значительно меньший хронологический период [ПолUTOв 2011]). Уже это делает новый труд А.Г. Зорихина уникальным и заслуживающим интереса самого широкого круга читателей.

Хорошее знание реалий японской внутренней и внешней политики позволило автору выбрать удачные хронологические рамки исследования, избежав оправданного для России, но совершенно искусственного для Японии изолированного рассмотрения истории становления японской военно-морской разведки в конце XIX — начале XX в., ее работы в годы Русско-японской 1904—1905 гг. и Первой мировой 1914—1918 гг. войн, а также во время Гражданской войны 1918—1922 гг. в России, т. е. во время японской интервенции.

Свободное владение автором японским языком, причем в его варианте до 1946 г., непонятном для подавляющего большинства современных японцев, позволило ему полностью уйти от печальной традиции последних десятилетий описывать, а главное — оценивать деятельность японской разведки на территории Российской империи исключительно по материалам российских архивов. В данном случае диссертация по истории японской разведки написана в первую очередь на материалах японских архивов: архива Научно-исследовательского института обороны Министерства национальной обороны Японии, архива МИД и Национального архива Японии. Именно привлечение соискателем источников, недоступных подавляющему числу отечественных исследователей и умелое сопоставление приведенных в них данных с информацией, известной русским спецслужбам и отложившейся в отечественных

архивах, представляет наиболее сильную сторону работы, делающую ее по истине прорывной, а сформулированные в ней выводы — взвешенными и максимально точными. В этом смысле книга встает в один ряд с лучшими современными отечественными трудами по истории русско- и советско-японских отношений этого периода, такими как книги К.О. Саркисова [Саркисов 2015; Саркисов 2019], которые, кстати, почему-то отсутствуют в «списке источников и литературы» рецензируемого исследования, что выглядит несколько странно [Зорихин 2025, с. 310—341, 343—351].

Отсюда и другая сильная сторона работы — привлечение данных с японской стороны позволяет по-новому взглянуть на многие события, связанные с историей России как в целом, так и ее дальневосточных территорий в частности. Остановимся лишь на нескольких подобных сюжетах.

Несмотря на наличие в настоящее время уже 4-томной истории Владивостокской крепости [Авилов, Аюшин, Калинин 2013—2016], вопрос работы на ее территории японской военно-морской разведки оставался совершенно неизученным, а оценка эффективности ее деятельности — просто гадательной. Аналогичным образом обстояло дело и с историей строительства и героической обороны крепости Порт-Артур, русскоязычные публикации о которой до настоящего времени выглядят так, как будто японской разведки там не было вообще. Представленная книга дает ответ на эти вопросы, и в деталях показывает все сложности, с которыми столкнулась японская военно-морская разведка при работе в русских крепостях накануне и в годы Русско-японской войны 1904—1905 гг. [Зорихин 2025, с. 31—36, 45—49, 78—79, 83—91, 95, 99—101, 108—110, 114—125, 136—146]. Что же касается расположенного в низовьях р. Амур г. Николаевска (с 1926 г. — г. Николаевск-на-Амуре), то наличие там представителей японской агентуры станет сюрпризом даже для специалистов [Зорихин 2025, с. 169].

Невозможно обойти вниманием вклад автора в раскрытие темы Русско-японской войны 1904—1905 гг., история которой в нашей стране по-прежнему, за исключением буквально нескольких книг, часть из которых переводные, базируется главным образом на материалах отечественных архивов. Между тем, А.Г. Зорихину удалось документально проследить процесс постепенной подготовки Японии к войне с Россией в военно-морском отношении с 1870-х гг. [Зорихин 2025, с. 15—69], при том что ранее никто не опускал дату начала этой подготовке ниже 1895 г. В книге показано, что несмотря на значительные трудности, связанные с языком, проблемами шифрования, географическими масштабами Российской империи и, в целом, крайне слабым уровнем информированности японцев о нашей стране, процесс ее изучения в военно-морском отношении происходил в плановом режиме, систематически, и со временем количество начало переходить в качество. Последнему в немалой степени способствовала крайне неэффективная система организации контрразведывательной деятельности в самой России — успехи японской военно-морской разведки во многом объяснялись почти полным отсутствием противодействия со стороны российских государственных органов или такой постановкой дела в последних, которая не особо затрудняла японцам работу.

Чрезвычайно интересен раздел книги, посвященный роли военно-морской разведки в обеспечении непосредственной подготовки Японии к войне с Россией, и обеспечению слежки за передвижением 2-й Тихоокеанской эскадры, успешная орга-

низация которой, в комплексе с данными, полученными от британских союзников, позволила на завершающем этапе точно определить ее местоположение. Результатом стало Цусимское сражение и разгром русского флота в Корейском проливе [Зорихин 2025, с. 69—149]. Примечательно, что несмотря на наличие по второму из этих вопросов книги японского профессора университета Мэйдзё из Нагоя Инаба Тихару, переведенной уже на русский язык [Инаба 2018], соответствующие разделы книги А.Г. Зорихина ощутимо лучше обеспечены японскими же источниками, что позволяет ему заметно корректировать выводы японского профессора [Зорихин 2025, с. 125—134, 149]. Это свидетельствует об очень высоком качественном уровне рецензируемой работы.

Существенен вклад А.Г. Зорихина и в решение ряда проблем истории Гражданской войны в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. Занимающиеся этой темой специалисты уже давно сходятся во мнении, что без привлечения объективных, т. е. японских, данных по истории японской интервенции на российском Дальнем Востоке дальнейшее исследование истории Гражданской войны в регионе как минимум проблематично. И если данные по дипломатической переписке были частично опубликованы К.О. Саркисовым в 2019 г. [Саркисов 2019, с. 83—188], а по действиям военной разведки — тем же А.Г. Зорихиным в 2023 г. [Зорихин 2025, с. 123—224], то вопрос о месте и роли японской военно-морской разведки в период интервенции до последнего времени оставался совершенно неизученным. Между тем без этих данных абсолютно невозможна объективная оценка т.н. Николаевского инцидента 1920 г. — ключевого и наиболее спорного события Гражданской войны на р. Амур. Приведенные в подготовленной книге данные позволяют по-новому взглянуть на эти трагические события [Зорихин 2025, с. 194—278].

Для удобства читателей книга снабжена обстоятельным приложением, сведенным в два больших подраздела: «Организация военно-морской разведки Японии в 1872—1922 гг.» и «Биографические справки». В первом представлены: полные наименования органов японской военно-морской разведки с момента ее создания в 1872 г. по 1933 г.; начальников военно-морской разведки с точными датами вступления в должность и ее оставления; структура центрального аппарата военно-морской разведки с данными о начальниках бюро, отделов и отделений; полный список военно-морских атташе Японии в России и Корее; данные о резидентуре Морского Генерального штаба в Александровске-Сахалинском, Благовещенске, Варшаве, Владивостоке, Гензане, Николаевске-на-Амуре, Одессе, Омске, Париже, Порт-Саиде, Хабаровске, Харбине, Чифу и Санкт-Петербурге (Петрограде) [Зорихин 2025, с. 284—288]. Для второго, А.Г. Зорихиным подготовлены подробные биографические справки по наиболее ярким, талантливым и интересным сотрудникам японской военно-морской разведки в исследованный период [Зорихин 2025, с. 289—309].

Следует подчеркнуть, что все эти справочные данные никогда не публиковались на русском языке и не известны не только большинству любителей истории, разведки, но и крайне малочисленной группе специалистов в области истории разведывательных служб в странах Дальнего Востока. Поэтому, приложение не только прекрасно дополняет основной текст книги, но и имеет самостоятельную научную ценность.

Если не считать отсутствия оригинальных иероглифических названий использованных источников и литературы, которые бы безусловно хотелось видеть в работе всем профессиональным японоведам, но приведение которых сильно усложнило бы процесс издания книги, научно-справочный аппарат монографии практически безупречен. Архивные ссылки точны, библиографические описания цитируемых монографий и статей — правильны. Выборочная проверка архивных ссылок показала их полное совпадение с заявленными источниками. Издание иллюстрировано фотографиями, прежде всего, главных героев повествования.

Книга вносит существенный вклад сразу в несколько направлений исследований: отечественное японоведение, историю русско-японских отношений, военную историю Дальнего Востока, историю военно-морского соперничества на Тихом океане и историю Гражданской войны 1918—1922 гг. в России. Она, безусловно, будет интересна самому широкому кругу читателей. Профессионалам в области истории разведки, военной истории Дальнего Востока и японоведам — так как хорошей обобщающей литературы по истории японской военно-морской разведки на русском и европейских языках просто нет, а японским языком подавляющее большинство специалистов в указанных областях, за исключением последней категории, не владеют. Многочисленным любителям военной истории, истории Русско-японской войны 1904—1905 гг. и Гражданской войны в России — по той же причине. Интересующимся военно-историческим (и не только) туризмом по российскому Дальнему Востоку и сопредельным азиатским странам — как своего рода исторический путеводитель, по местам работы японских шпионов. Поклонники Японии обнаружат в книге не только объективное, но и уважительное отношение автора к иностранной разведывательной школе и военно-морской истории, что в настоящее время бывает далеко не всегда. Таким образом, книга в полной мере получилась, и остается лишь пожелать автору успешного продолжения исследований в этой области.

Библиографический список

- Авилов Р.С., Аюшин Н.Б., Калинин В.И.* Владивостокская крепость: войска, фортификация, события, люди. Ч. I—IV. Владивосток: Дальнаука, 2013—2016.
- Зорихин А.Г.* Военная разведка Японии против России. Противостояние спецслужб на Дальнем Востоке. 1874—1922. М.: Центрполиграф, 2023. 349 с. ISBN 978-5-227-10318-5.
- Зорихин А.Г.* Военная разведка Японии против СССР. Противостояние спецслужб в Европе, на Ближнем и Дальнем Востоке. 1922—1945. М.: Центрполиграф, 2023. 447 с. ISBN 978-5-227-10476-2.
- Зорихин А.Г.* Российско-японское противостояние на море. Дуэль флотов и разведок. 1875—1922. М.: Центрполиграф, 2025. 351 с. ISBN 978-5-227-11029-9.
- Инаба Чихару.* По следу эскадры З.П. Рожественского. Японская военно-морская разведка в годы Японо-русской войны 1904—1905 гг. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. 226 с. ISBN 978-5-98712-870-1.
- Куланов А.Е.* Конец «штабс-капитана Рыбникова». Рецензия на книгу А.Г. Зорихина «Военная разведка Японии против России. Противостояние спецслужб на Дальнем Востоке. 1874—1922 гг.» // Ежегодник Японии. 2023. Т. 52. С. 450—456.

Полутов А.В. Японская военно-морская разведка и ее деятельность против России накануне Русско-японской войны 1904—1905 гг. Дис.: ... канд. ист. наук. Владивосток: Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. 2011. 272 с.

Саркисов К.О. Россия и Япония. Сто лет отношений (1817—1917). М.: ОЛМА Медиа Групп, 2015. 704 с. ISBN 978-5-373-07695-1.

Саркисов К.О. Япония и Советская Россия. Очерки истории (1917—1937). М.: ИВ РАН, 2019. 528. ISBN 978-5-89282-883-3.

References

Avilov, R. S., Ayushin, N. B., Kalinin, V. I. (2013—2016). *Vladivostokskaya krepost': voiska, fortifikatsiya, sobytiya, lyudi. Ch. I—IV* [Vladivostok Fortress: Troops, Defenses, Events, Persons. Parts I—IV]. Vladivostok: Dal'nauka. (In Russian).

Inaba, Chiharu. (2018). *Po sledu eskadry Z.P. Rozhestvenskogo. Yaponskaya voenno-morskaya razvedka v gody Yaponno-russkoi voiny 1904—1905 gg.* [On the Trail of the Squadron of Z.P. Rozhestvensky. Japanese Naval Intelligence During the Japanese-Russian War of 1904—1905]. Moscow, Saint Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives. (In Russian). ISBN 978-5-98712-870-1.

Kulanov, A. E. (2023). Konets «shtabs-kapitana Rybnikova». Retsenziya na knigu A.G. Zorikhina «Voennaya razvedka Yaponii protiv Rossii. Protivostoyanie spetssluzhb na Dal'nem Vostoke. 1874—1922 gg.» [The End of “Staff Captain Rybnikov.” Review of the Book by A.G. Zorikhin, *Military Intelligence of Japan Against Russia. The Rivalry of Special Services in the Far East. 1874—1922*]. *Yearbook Japan*, 52 (1), 450—456. (In Russian).

Polutov, A. V. (2011). *Yaponskaya voenno-morskaya razvedka i ee deyatel'nost' protiv Rossii nakanune Russko-yaponskoi voiny 1904—1905 gg. Dis.: ... kand. ist. nauk.* [Japanese Naval Intelligence and Its Activities Against Russia on the Eve of the Russian-Japanese War of 1904—1905. Dissertation: Candidate of Historical Sciences]. Vladivostok: Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. (In Russian).

Sarkisov, K. O. (2015). *Rossiya i Yaponiya. Sto let otnoshenii (1817—1917)* [Russia and Japan. One Hundred Years of Relations (1817—1917)]. Moscow: OLMA Media Group. (In Russian). ISBN 978-5-373-07695-1.

Sarkisov, K. O. (2019). *Yaponiya i Sovetskaya Rossiya. Ocherki istorii (1917—1937)* [Japan and Soviet Russia. Essays on History (1917—1937)]. Moscow: Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences. (In Russian). ISBN 978-5-89282-883-3.

Zorikhin, A. G. (2022). *Voennaya razvedka Yaponii protiv Rossii. Protivostoyanie spetssluzhb na Dal'nem Vostoke. 1874—1922* [Military Intelligence of Japan Against Russia. The Rivalry of Special Services in the Far East. 1874—1922]. Moscow: Tsentrpoligraf. (In Russian). ISBN 978-5-227-10318-5.

Zorikhin A. G. (2023). *Voennaya razvedka Yaponii protiv SSSR. Protivostoyanie spetssluzhb v Evrope, na Blizhnem i Dal'nem Vostoke. 1922—1945* [Military Intelligence of Japan Against the USSR. The Confrontation of Special Services in Europe, the Middle East, and the Far East, 1922—1945]. Moscow: Tsentrpoligraf. (In Russian). ISBN 978-5-227-10476-2.

Zorikhin A. G. (2025). *Rossiisko-yaponskoe protivostoyanie na more. Duel' flotov i razvedok. 1875—1922* [Russian-Japanese Rivalry at Sea. A Duel of Fleets and Intelligence Services. 1875—1922]. Moscow: Tsentrpoligraf. (In Russian). ISBN 978-5-227-11029-9.

Поступила в редакцию: 14.08.2025

Received: 14 August 2025

Принята к публикации: 23.10.2025

Accepted: 23 October 2025

DOI: 10.55105/2500-2872-2025-4-154-172

Д.В. Стрельцов, К.О. Нака, В.В. Нелидов

Семинар «Япония на этапе политической турбулентности»

Аннотация. В октябре 2025 г. к власти в Японии пришел кабинет Санаэ Такаити, которая 4 октября была избрана председателем Либерально-демократической партии и стала первым за всю истории Японии женщиной-премьером. 30 октября 2025 г. в МГИМО-университете прошел семинар, посвященный политическим событиям прошедшего месяца: внутрипартийной борьбе на выборах председателя партии, распаду правящей коалиции в связи с уходом из нее партии Комэйто, а также формированием новой «коалиции меньшинства» с участием Партии обновления Японии. Участники семинара подробно проанализировали эти события, рассмотрели внутривнутриполитические проблемы, стоящие перед кабинетом Такаити и дали собственное видение перспектив развития ситуации, как в социально-экономической сфере, так и в области внешней политики. В данной публикации содержится стенограмма этого семинара.

Ключевые слова: Такаити Санаэ, антисистемный протест, социальные сети, Партия обновления Японии, соглашение о коалиции, внешняя политика кабинета Такаити.

Авторы: Стрельцов Дмитрий Викторович, доктор исторических наук, профессор и заведующий кафедрой востоковедения МГИМО Университета МИД России (адрес: 119454, Москва, пр-т Вернадского, 76). ORCID: 0000-0001-7177-2831. E-mail: d.streltsov@inno.mgimo.ru

Нака Ксения Олеговна, руководитель представительства МИА «Россия сегодня» в Японии (г. Токио). E-mail: k.naka@ria.ru

Нелидов Владимир Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения МГИМО Университета МИД России (адрес: 119454, Москва, пр-т Вернадского, 76). ORCID: 0000-0003-0173-0438. E-mail: nelidov.v.v@my.mgimo.ru

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Стрельцов Д.В., Нака К.О., Нелидов В.В. Семинар «Япония на этапе политической турбулентности» // Японские исследования. 2025. № 4. С. 154—172. DOI: 10.55105/2500-2872-2025-4-154-172.

D.V. Streltsov, K.O. Naka, V.V. Nelidov

Seminar “Japan at the Stage of Political Turbulence”

Abstract: In October 2025, the cabinet of Sanae Takaichi came to power in Japan. On October 4, she was elected President of the Liberal Democratic Party and became the first female prime minister in the history of Japan. On October 30, 2025, MGIMO University hosted a seminar on the political events of the past month: the internal party struggle during the election of the party president, the collapse of the ruling coalition due to the departure of the Komeito Party, as well as the formation of a new “minority coalition” with the participation of the Japan Innovation Party. The seminar participants analyzed these events in detail, considered the domestic political problems facing the Takaichi cabinet and gave their own vision of the prospects for the development of the situation, both in the socio-economic sphere and in the field of foreign policy. This publication contains a transcript of this seminar.

Keywords: Sanae Takaichi, anti-establishment protest, social media, Japan Innovation Party, coalition agreement, foreign policy of Takaichi Cabinet.

Authors: *Streltsov Dmitry V.*, Doctor of Sciences (History), Professor, MGIMO University (address: 76, Vernadskogo Av., Moscow, 119454, Russian Federation).

ORCID: 0000-0001-7177-2831. E-mail: d.streltsov@inno.mgimo.ru

Naka Ksenia O., International Media Group Rossiya Segodnya, Head of Japan Office (Tokyo). E-mail: k.naka@ria.ru

Nelidov Vladimir V., PhD (History), Associate Professor, Department of Asian and African Studies, MGIMO University (address: 76, Vernadskogo Av., Moscow, 119454, Russian Federation). ORCID: 0000-0003-0173-0438. E-mail: nelidov.v.v@my.mgimo.ru

Conflict of interests. The authors declare the absence of the conflict of interests.

For citation: Streltsov, D.V., Naka, K.O., Nelidov, V.V. (2025). Seminar «Yaponiya na etape politicheskoi turbulentnosti» [Seminar “Japan at the Stage of Political Turbulence”]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2025, 4, 154—172. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2025-4-154-172.

Д.В. Стрельцов

Что происходит сейчас в Японии? У нас тема — «Япония на этапе политической турбулентности». В Японии часто происходят события, когда быстро меняется ситуация, меняется власть, меняется политический курс, политические лидеры, кабинет министров и т. д. Этот год — очень активный в этом плане, ситуация меняется очень динамично.

Японисты знают, что изменения нарастали довольно лавинообразно еще с 2024 г., когда Японию потряс скандал, связанный с политической коррупцией в партии власти. В результате правящая Либерально-демократическая партия впервые за много лет — с 2009 г. — потерпела в октябре 2024 г. поражение на выборах в нижнюю палату. Поражение в каком смысле? Она осталась самой многочисленной партией в парламенте. Но вместе с другой партией Комэйто, ее партнером по коалиции, она потеряла большинство в нижней палате. И конечно это было шоком для ЛДП. В партии перед выборами пришло новое руководство в лице Исиба Сигэру, который стал новым премьером, и перед ним встала задача реабилитироваться за это поражение на выборах в верхнюю палату, которые проходили в Японии в этом году 20 июля.

Я не буду касаться подробно этих выборов, скажу только о результате. Коалиция ЛДП и Комэйто потерпела поражение и в верхней палате, т. е. эти выборы стали продолжением череды провалов партии власти. То есть правящая коалиция не имеет большинства ни в верхней, ни в нижней палате. Это был двойной шок, и в основе этого поражения, с одной стороны, лежало стремление наказать правящую партию за то, что она недостаточно радикально наказала тех депутатов, тех политиков, которые были замешаны в эти коррупционные скандалы, получали откаты, не декларировали политические фонды и т. д. И в обществе зрел гнев по отношению к политической элите.

Но, с другой стороны, в Японии сейчас наблюдается кризис доверия к политическому истеблишменту вообще. Это анти-истеблишмент, это протестные голоса избирателей. Причем нужно сказать, что этот протест зреет вовсе не слева. ЛДП, как Вы знаете, считается правой партией, правоцентристской, консервативной партией, которая исповедует консервативные ценности — это неоконсерваторы. Но, тем не менее, справа зреет мощный протест против истеблишмента, антисистемный протест. Его социальную основу заложили слои избирателей с не очень высокими доходами, которые не очень хорошо устроились в жизни, не имеют постоянной работы, мужчины среднего возраста, у которых традиционные, традиционалистские, антиглобалистские настроения, это протест против глобализма. С другой стороны, для них характерно недовольство по отношению к Либерально-демократической партии, которая допустила не только политическую коррупцию.

Особенность этих выборов была в том, что в центре предвыборной повестки был вопрос об иммиграции. В Японии иммиграция никогда не была значимой проблемой из-за того, что в стране мощное и довольно жесткое антииммиграционное законодательство. Тем не менее, партии, которые стоят справа от ЛДП, партии очень энергичные — например, партия Сансэйто, Консервативная партия — оседлали эту повестку, используя социальные сети. Это тоже новое слово в японской политике, когда политические кампании ведутся с помощью социальных сетей. Раньше в таком масштабе этого не было. В основном это были личные связи с избирателями, прямые контакты, личные встречи в различных форматах, но не с помощью социальных сетей. Сейчас социальные сети сыграли дурную службу правящей партии. Выборы показали, что справа от партии власти находится очень сильный протестный электорат, более того, он дифференцированный. Многие голоса, которые ранее всегда были за правящую партию, ушли от нее, выступив за молодые правые ультраконсервативные партии, включая Сансэйто.

И получилась интересная ситуация, когда, казалось бы, ЛДП в меньшинстве, но доминирует в политической жизни Японии правый фланг, правые партии. Хотя левые, левоцентристские партии в Японии достаточно сильны. Порядка 40% мест в нижней палате — это левые или левоцентристские партии — Конституционно-демократическая партия, Рэйва-но синсэнгуми и т. д. Но все-таки произошло посправление политического пространства Японии.

После того, как прошли эти выборы, все думали, что премьер уйдет в отставку. Он некоторое время рассчитывал, что останется премьером, выжидал развития ситуации, но понял, что ему не удастся избежать ответственности за эти выборы. И пользуясь удобным предлогом — завершением переговоров с Америкой по торго-

вым тарифам, когда Японии удалось снизить эти тарифы, — он объявил о своей отставке.

Что произошло дальше? Избирательная кампания на выборах председателя ЛДП не была столь интенсивной, как это было год назад, когда был избран Исиба. Сейчас было пять кандидатов, а в прошлый раз их было восемь. На нынешней кампании некоторые кандидаты были спойлерами, они не имели шансов избрания. Например, Кобаяси Такаюки и Мотэги Тосимицу никаких шансов не имели, но, тем не менее, они выдвинулись.

Обращало на себя внимание то, что в ЛДП произошел фактический раскол на две крупные группировки. Это, с одной стороны, фракции и депутатские группы, за которыми стоял Асо Таро. Это известный «теневой сёгун», он в свое время был премьером. Он представлял в ЛДП правую, консервативную линию, очень традиционалистскую линию. С другой стороны, это более умеренный «теневой сёгун», который больше стоял за аккуратность, умеренность, за более сдержанную, в том числе во внешнеполитической плоскости, линию — Суга Ёсихидэ.

Суга ставил в первую очередь на такого кандидата, как Коидзуми Синдзиро, сына бывшего премьер-министра Коидзуми Дзюньитиро. Это молодой политик, ему только сорок лет с небольшим. А Асо поддерживал Такаити Санаэ, представителя правых сил в ЛДП.

Борьба была нешуточной. Во второй тур ожидаемо вышли Коидзуми и Такаити. Второй тур все и решил. Такаити победила в основном за счет префектур, то есть за нее сработали не голоса депутатов, а голоса рядовых членов партии. То есть почти все префектуры проголосовали за Такаити — за правого кандидата.

Каковы были кадровые решения после ее прихода к власти Такаити? Она сделала упор на межфракционный баланс сил, т. е. она не назначала по своему желанию, а использовала старую схему. Хотя фракции в ЛДП, за исключением фракций Асо и Мотэги, были распущены, тем не менее, неформальные связи между членами фракций остались. Кроме того, она сделала упор на правых политиков, которые стояли за Асо. И, наконец, она не обращала внимания на то, насколько тот или иной политик был замешан в коррупционный скандал — главное для нее была личная преданность. Часто приводится пример: Хагигура Коити был назначен заместителем генерального секретаря ЛДП, хотя он был лично замешан в скандал — его секретарь был оштрафован. Порядка 27 млн иен он получил, не задекларировав эту сумму.

Почему была избрана Такаити, почему ее поддерживали депутаты от префектур? Тем более что она достаточно правый политик, ее считают ревизионистом, реваншистом. Конечно, ее не любят соседи Японии, в том числе за визиты в храм Ясукуни и т. д. Одна из причин — критическое осмысление выборов 2025 г. Правые избиратели тогда отвернулись от ЛДП, и консервативная повестка Такаити была крайне важна для правящей партии, чтобы остановить поток ухода традиционного электората в сторону других правых партий. И хотя Такаити — первый за всю историю Японии премьер-женщина, она выдвигает крайне консервативные лозунги. Например, она отказывается признать, что женщины могут сохранить девичью фамилию после брака. Она выступает против однополых браков — а в Японии это очень острый вопрос. То есть по многим таким вещам она стоит даже на более правых позициях, чем основная часть депутатов ЛДП. То, что именно женщина проводит такую линию, для

ЛДП очень важно из показательных целей: ей проще такие вещи проводить, чем если бы это был политик-мужчина, и по понятным причинам.

Дальше что произошло? Уходит из коалиции партии Комэйто. Это было 10 октября. Формальная причина — отказ ЛДП обсуждать с ней вопрос о корпоративных пожертвованиях в политические фонды. Это был острый вопрос, который был связан со скандалом 2024 г., но там были и новые вещи. Вот, например, возвращение в партийную номенклатуру ЛДП Хагиуда, этого коррупционного деятеля, которое очень возмутило электорат Комэйто. И то, что ЛДП вела переговоры за спиной Комэйто, например, с Народно-демократической партией, о вхождении в правящую коалицию — это тоже было ударом по Комэйто. Но на самом деле за уходом Комэйто стояла очень простая истина — то, что Комэйто теряет электорат. И ее избиратели, по всем опросам, были крайне недовольны, что Комэйто, находясь в коалиции с ЛДП, фактически прикрывает коррупционную ЛДП. Поскольку ЛДП не проводит политику самоочищения, электорат Комэйто винит свою партию за то, что она сохраняет свое место в коалиции. И, конечно, хотя бы для сохранения своей идентичности выход Комэйто выглядел вполне естественным. Хотя быть в оппозиции всегда хуже, чем быть частью партии власти. Уход Комэйто создал большую проблему для ЛДП, и он остается большой проблемой, потому что электорат Комэйто голосует на выборах на нижнюю палату в мажоритарных округах за ЛДП. По подсчетам, 20—30% депутатов ЛДП избрана именно благодаря голосам электората Комэйто. То есть если Комэйто не будет поддерживать ЛДП, правящая партия потеряет на выборах много мест. Например, если сейчас у ЛДП 196 мест в нижней палате, около 40 мест у нее сразу уйдет, и не факт, что они тогда останутся самой многочисленной партией.

233 места — эта та грань, которую нужно было достичь в нижней палате для получения там большинства, необходимого для избрания премьера. Именно это было критически важно для правящей партии. Был короткий период, когда стоял вопрос — а, может быть, премьером будет не представитель ЛДП? И действительно, тогда шли переговоры между всеми прочими, за исключением КПЯ, партиями — это Конституционно-демократическая, Ниппон Исин-но кай (Партия обновления), Комэйто, Народно-демократическая партия — о том, чтобы найти какого-то кандидата, которого можно было бы противопоставить ЛДП. У этих четырех партий вместе было 234 места, больше половины. Если бы они договорились, они могли бы отправить ЛДП в оппозицию. И даже шла речь о том, чтобы общим кандидатом на пост премьера был Тамаки Юитиро, который возглавлял Народно-демократическую партию.

Но в последний момент ЛДП, предприняв определенные маневры и вступив в закулисные переговоры (и не только закулисные), успела договориться с Исин-но кай (Партией обновления), у которой 35 мест в нижней палате. И Исин в последний момент переметнулась к ЛДП, причем сделала это в очень интересной форме: она согласилась вступить в коалицию с ЛДП, но не входить в правительство. И поддержать Такаити на выборах премьера.

Что стояло в основе мотивации Исин? Конечно, у нее с ЛДП есть много сходства в программных установках. Но за этим решением стояло также то, что Исин теряла голоса избирателей. Действительно, из фракции Исин в нижней палате просто бежали депутаты: у нее изначально было 38 мест, а осталось уже 35. И электорат тоже недоволен Исин. И к тому же стоит учесть, что Исин — партия в основном региональная:

это район Кансай, Западная Япония. И для Исин вхождение в правящую коалицию — это какой-то шанс реабилитировать себя в глазах электората, достичь каких-то программных целей и т. д. И остановить этот процесс увядания партии.

Но выяснилось, что у Исин большие противоречия с ЛДП. Прежде всего, это коррупция, это вопросы законодательного регулирования политических фондов, а также вопросы, связанные с экономической политикой. Исин выступает за «малое правительство» и сокращение бюджетных расходов, а Такаити и возглавляемое ей руководство партии — это сторонники «абэномики». А что такое «абэномика»? Это накачивание экономики деньгами. То есть это совершенно разные подходы к экономической политике.

Но, несмотря на это, Исин, «наступив на горло собственной песне», отказалась от всех своих требований. Единственное, что ей удалось «вытащить» из ЛДП — это обещание сократить количество мест в парламенте на 10%. Но это не самая страшная для ЛДП вещь. И то — ЛДП согласилась «добиваться» этого в течение ближайшей сессии, но никаких иных обязательств она больше не взяла. То есть это был, конечно, откат назад, если не полная капитуляция Исин, просто для того, чтобы войти в коалицию. И после этого Такаити была избрана премьером без всяких вопросов. Тем более, что за нее проголосовало несколько независимых депутатов.

Но какие сейчас проблемные моменты для правительства Такаити Санаэ? Во-первых, это все-таки правительство парламентского меньшинства. Все равно ему придется договариваться с оппозицией — точно, по отдельным законопроектам. Ему придется вести долгие торги. Это гораздо сложнее, чем если бы у власти была партия большинства и любые правительственные законопроекты проходили бы без всяких вопросов.

Второй момент: оппозиция очень жестко настроена против Такаити. Конституционно-демократическая партия и другие левые партии оппозиции относятся к Такаити плохо, потому что в их глазах она все-таки правый политик, милитарист, ревизионист, ястреб. И, более того, Такаити в своей программной речи сказала, что она будет вести диалог с оппозицией только по тем вопросам, по которым у нее нет с ней принципиальных разногласий. Это было шоком для оппозиции. Например, председатель Комэйто Сайто Тэцуро заявил, что это вообще-то путь к диктатуре. Более того, и внутри ЛДП нет никакого единства: группировка, за которой стоял Суга, это т.н. антиосновное течение ЛДП, теперь чувствует себя обделенной. Поскольку ее представители практически не получили никаких постов в правительстве, они теперь смотрят, где Такаити ошибется, чтобы напасть на нее, хотя она и наделила всех своих соперников по выборам ключевыми постами в правительстве. То есть ей еще придется бороться за единство внутри партии. Кроме того, как я уже говорил, есть проблемы, связанные с разными подходами партий правящей коалиции к экономической политике. И есть еще проблемы электоральной политики, потому что в условиях ухода Комэйто непонятно: если будут досрочные выборы, непонятно, как ЛДП сможет победить без ее поддержки. Например, на прошлых выборах 2024 г. в нижнюю палату ЛДП без поддержки Комэйто проиграла бы в 25 округах из 132, где она победила.

И, кроме того, Исин занимает очень аккуратную позицию, понимая, что репутационные издержки очень высоки. И если Такаити будет проводить какую-то политику, которая не понравится избирателям Исин, тогда ответственность ляжет и на саму

Исин. Поэтому они просто выжидают и не входят в правительство, хотя Такаити предложила им два поста в правительстве, в том числе и очень важный пост министра социального обеспечения.

Теперь о внешней политике. Приход Такаити прежде всего означает укрепление японо-американских отношений. Визит Трампа в Токио показал, что в этих отношениях сейчас очередной медовый месяц. Второе — проблемы в японо-китайских отношениях. И проблемы эти связаны не только с высказываниями Такаити, с ее взглядами, но и с тем, что с приходом Такаити в ЛДП исчезла какая-либо крупная политическая фигура, которая бы выступала в качестве медиатора, в качестве посредника в отношениях с Китаем. На кого опирался Китай в своем диалоге с Японией? Во-первых, на Комэйто. А сейчас эта партия ушла из правящей коалиции. В ЛДП же это были люди из ближнего окружения Суга Ёсихидэ. Сейчас их тоже нет в руководстве ЛДП, нет их и в правительстве. То есть в японо-китайских отношениях сейчас назревает кризис.

Что касается России, здесь вопрос сложный. Потому что, с одной стороны, это проамериканская политика Такаити, новый «медовый месяц» в японо-американских отношениях. Но, с другой стороны, Такаити себя считает ученицей и преемницей Абэ Синдзо, который проводил особую линию на российском фронте. И, например, Имаи Такая, который был советником Абэ по российскому треку, не случайно был назначен в администрацию кабинета министров ключевым советником Такаити. То есть, возможно, там будут особые, возможно, не совсем публичные формы диалога, связанные с наследием Абэ, с тем, что Такаити себя считает его преемницей. Но, с другой стороны, Такаити придется считаться с антироссийским консенсусом в японском обществе. Здесь ничего не изменилось, и поэтому если там будут какие-либо изменения, они, скорее всего, будут носить непубличный характер.

К.О. Нака

Процессы, которые сейчас происходят в японской политике, вызывают интерес как у профессионального сообщества, так и у неспециалистов по Японии, как внутри страны, так и за ее пределами.

Вплоть до выборов лидера Либерально-демократической партии 4 октября было совершенно неочевидно, что ЛДП возглавит именно Такаити Санаэ. Во многом это связано с тем, что у нее репутация политика реакционно-консервативных взглядов, занимающего во многом бескомпромиссную позицию. Так, например, она была единственным действующим министром правительства и Абэ Синдзо, и Кисиды Фумио, кто лично трижды в год посещал храм Ясукуни. Если другие политики после того, как занимали официальный пост в правительстве, воздерживались от личных посещений храма, опасаясь внешнеполитического резонанса, то Такаити оставалась самой собой вне зависимости от того, какую должность занимала. Причем когда она баллотировалась в прошлом году и ее спросили о посещении храма Ясукуни, она дала однозначно утвердительный ответ, подчеркнув, что считает это важным.

При этом нельзя не отметить те изменения, которые за этот год претерпели и ее внешний вид, и ее имидж политика. Если с ее внешним обликом, очевидно, работали стилисты, визажисты и косметологи, благодаря чему Такаити стала выглядеть намного моложе, стройнее, спортивнее и современнее, то не менее заметные изменения

произошли и в ее политическом имидже. В этом году в ходе предвыборной кампании, а затем и на пресс-конференции после избрания лидером партии она уклонилась от ответа на вопрос о посещении храма Ясукуни. Во время осенних храмовых праздников, которые совпали по времени с проведением голосования по кандидатуре премьер-министра в парламенте, Такаити воздержалась от личного посещения храма и послала подношение. Это лишь один пример того, насколько она пыталась за этот год смягчить свой имидж чрезмерно жесткого политика националистического толка.

И даже несмотря на все эти усилия, ей было достаточно оступиться, чтобы в самой партии вновь возникли сомнения относительно того, насколько она соответствует возможной роли премьер-министра. Таким явным промахом стало неожиданное даже для ее сторонников высказывание 22 сентября во время предвыборной кампании на пост главы ЛДП о том, что иностранцы пинают оленей в парке Нары. Естественно, это высказывание облетело все СМИ и не прибавило ей сторонников в партии не только потому, что, как выяснилось, этот пример не был ни на чем основан и не нашел подтверждения, сколько потому, что в нем почувствовалась плохо скрываемая ксенофобская риторика. И это несмотря на колоссальную работу, проделанную Такаити для смягчения своего имиджа в глазах партийцев, СМИ и населения.

Таким образом, несмотря на все сглаживания острых углов, Такаити Санаэ для многих оставалась неоднозначной фигурой, а после выступления во время предвыборной кампании, зачастую и непрогнозируемой фигурой даже для своих сторонников в партии.

Перед выборами в ЛДП ее кандидатура была совсем не очевидной в качестве лидера партии. По опросам было понятно, что, скорее всего, основная борьба развернется между ней и Коидзуми Синдзиро — сыном экс-премьер-министра Дзюньитиро Коидзуми. При этом, несмотря на многие минусы кандидатуры Коидзуми — отсутствие своей политической линии, аморфность высказываний, подчас заставляющая задуматься даже об уровне его интеллекта, и другие черты, многими он воспринимался как более реальная и компромиссная фигура на этом посту. Многие аналитики предсказывали победу Коидзуми или Хаяси Ёсимаса при выходе во второй тур вместе с Такаити, а в случае финальной борьбы Коидзуми — Хаяси чаша весов склонялась в сторону Хаяси как более уравновешенной фигуре, устраивающей всех.

В этой борьбе важную роль сыграл «серый кардинал» японской политики Асо Таро. До самих выборов он официально не поддерживал никого и не давал официальных указаний своей фракции, в которую входят 40 депутатов, поддержать одного кандидата. Но во время второго тура выборов, в котором участвовала Такаити и Коидзуми, и казалось бы, перевес должен быть на стороне Коидзуми, японские СМИ обратили внимание, что Такаити Санаэ ведет себя намного спокойнее и увереннее, а Коидзуми, наоборот, выглядит подавленным. Вскоре после окончания голосования и победы Такаити стало известно, что Асо дал указания своей фракции во втором туре «поддержать того, за кого будет большинство рядовых партийцев» — то есть Такаити, так как по всем опросам она пользовалась наибольшей популярностью среди рядовых членов партии.

Однако спустя примерно неделю после выборов выяснилась еще одна важная деталь, которая свидетельствует и о роли Асо в современной японской политике, и о его способности безупречно разыграть многоходовую комбинацию. Стало известно,

что он не просто не призывал свою фракцию отдать голоса за Такаити или за Коидзуми, понимая, что 40 голосов не качнут чашу весов в сторону одного из кандидатов в первом же туре, так как для этого необходима половина голосов, то есть 295. Он предпринял, казалось бы, неожиданный ход — дал понять членам своей фракции, что лучше голосовать за аутсайдеров — за Хаяси Ёсимаса или за Мотэги Тосимицу, которые по всем опросам с трудом могли рассчитывать на 3—4 место в гонке. Оба они ожидаемо проиграли в первом туре. С этого момента и сработал механизм, на который рассчитывал Асо, превративший 40 голосов своей фракции в решающую силу. После того, как Хаяси и Мотэги проиграли первый тур, они должны были призвать своих сторонников голосовать за одного из двух кандидатов первого тура — Коидзуми или Такаити. И тут сработал японский менталитет, на который и сделал ставку Асо. Исходя из принципа *онгаэси*, что дословно переводится как «возвращение благодарности», Хаяси и Мотэги стали просить своих сторонников проголосовать за того, кого порекомендует Асо, то есть за Такаити. За Хаяси в первом туре проголосовали 72 депутата, за Мотэги 34, вероятно, не все они последовали совету, но определенную роль в том, Такаити увеличила число сторонников-депутатов с 64 в первом туре до 149 во втором, этот ход сыграл.

Во втором туре большинство рядовых партийцев проголосовали за Такаити, оказав ей ошеломляющую поддержку: 36 из 47 японских префектур выступили за нее. Это говорит о том, что правый крен в японском обществе приобретает все более выраженную и понятную форму. Очевидно, что это и стало главным аргументом, почему ее поддержал Асо, понимая, что восстанавливать пошатнувшиеся позиции партии можно только с политиком, популярным у рядовых партийцев, то есть и у рядовых избирателей тоже. С политиком, который отражал бы популярность правых взглядов общества.

После выхода давнего партнера ЛДП партии Комэйто из правящей коалиции, что стало для многих в Японии полной неожиданностью, действительно в какой-то момент возникла и широко обсуждалась возможность формирования оппозиционной коалиции и избрания премьер-министра из ее состава. События развивались стремительно и совершенно не по правилам ожидаемого сценария.

Так, лидер главной оппозиционной силы Конституционно-демократической партии Японии экс-премьер-министр Нода Ёсихико, вместо того, чтобы выдвинуться на пост лидера коалиции оппозиционных сил, заявил, что его партия готова поддержать кандидатуру лидера Народно-демократической партии Тамаки Юитиро. Тамаки, которому перспектива стать премьер-министром поначалу польстила, хоть и застала врасплох, в течение нескольких дней осознал все подводные камни этого предложения и, не отказываясь от него публично, не предпринимал активных шагов для формирования вокруг себя коалиции. И это вполне объяснимо: если б он стал премьером, он был бы вынужден смириться с тем, что будет находиться под жестким контролем, а подчас и диктатом конституционных демократов за счет их преобладания в парламенте. В то же время именно ему пришлось бы идти на непопулярные меры и стать лицом правительства Японии в крайне сложной экономической ситуации. Таким образом, он был бы лишен самостоятельности в выборе политических мер, но именно ему пришлось бы сполна за них отвечать. То есть не имея всей полноты полномочий

и проводя, по сути, политику Конституционно-демократической партии, ему пришлось бы отвечать за все их неудачи и ошибки.

Резким контрастом нерешительности оппозиции, которая начала проводить встречи и обсуждения возможной коалиции, стало поведение Такаити. Она в кратчайшие сроки вычленила наиболее «лакомую» цель среди оппозиционных партий, которая была бы близка политически и в то же время обладала достаточно мощным представительством в парламенте, что позволило бы ЛДП не просить о сотрудничестве дополнительно другие оппозиционные партии из-за нехватки голосов. И тут же приступила к сепаратным переговорам с Партией обновления Японии (*Hinpan Исин-но-кай*), совершенно не смущаясь тем, что партия ведет активные переговоры о формировании коалиции с конституционными демократами и другими оппозиционными партиями. Такаити действовала быстро и решительно. Совершив «бросок кобры», она в считанные дни сумела заинтересовать Партию обновления и вывести ее из коалиционных переговоров с оппозицией. Не давая прийти в себя оппозиции, Такаити закрепила успех, сообщив в СМИ о том, что соглашение достигнуто в телефонном разговоре с главой Партии обновления Ёсимура Хирофуми и что в ближайшие часы надо ожидать официального подписания документов.

Возможно, наглядная демонстрация первой женщиной-лидером ЛДП принципа, что «побеждает не тот, кто сильнее, а тот, кому больше надо» подняла ее рейтинг и как премьер-министра после избрания. Получилось, что она стала единственной на японском политическом Олимпе, кто оказался готов действовать решительно и кто был готов взять на себя ответственность за свои решения. Собственно, нежелание взять на себя ответственность в эти дни продемонстрировала не только оппозиция, но и новый партнер ЛДП по правящей коалиции Партия обновления, которая отказалась от министерских портфелей в правительстве Такаити, предпочитая роль наблюдателя за политическими процессами, а не активного деятеля.

Возможно, именно эта решительность Такаити, а также, безусловно, активная дипломатическая неделя сразу после избрания привели к тому, что первые рейтинги правительства Такаити Санаэ, по определению японских СМИ, показали «ракетоподобный взлет». Интересно сравнить их с последними рейтингами правительства Исиба Сигэру, разница вне зависимости от СМИ составляет примерно два раза.

	Исиба Сигэру (сентябрь 2025 г.)	Такаити Санаэ (октябрь 2025 г.)
Nikkei	37%	74%
Mainichi	31%	65%
Sankei	37,9%	75,4%
Kyodo	32,7%	64,4%
Yomiuri	34%	71%
Asahi	36%	68%

Безусловно, нельзя не принимать во внимание то обстоятельство, что в Японии традиционно самые высокие рейтинги бывают именно вскоре после избрания нового премьера и формирования нового кабинета, поэтому очевидно, что так будет и с правительством Такаити Санаэ — его рейтинг начнет снижаться. Насколько быстро и до какого уровня это будет происходить, будет зависеть в первую очередь от того, на-

сколько эффективными станут меры кабинета министров по оздоровлению экономики и смягчению роста цен.

Относительно перспектив и дальнейшей возможной политической трансформации Такаити Санаэ интересно мнение опытного политика, в частности, известного своими пророссийскими взглядами, депутата от ЛДП Судзуки Мунэо. Он сказал, что при Такаити «так плохо, как было в российско-японских отношениях при премьер-министре Кисида и Исиба, не будет. Да, она известна своими радикальными взглядами, но оказавшись на самом вершине, будет вынуждена занять более сбалансированную позицию».

В пользу этой точки зрения говорит и назначение советником ближайшего соратника Абэ Синдзо Имаи Такая, который считает необходимым развитие отношений с Россией, прежде всего в энергетическом секторе, и считает их соответствующими национальным интересам Японии. Также знаковым стало и то, что во время непродолжительного саммита с президентом США Дональдом Трампом Такаити не только поставила вопрос о проектах «Сахалин-1» и «Сахалин-2» на фоне принятых США санкций, но и сумела объяснить, что Япония не сможет поддерживать запрет на импорт газа, так как это затрагивает национальные интересы энергетической безопасности Японии. Несмотря на то, что она лишь озвучила базовую позицию Японии, но это прозвучало на первой же личной встрече с американским президентом и, к тому же, сразу после принятия США санкций против ЛУКОЙЛА.

При этом пока делать какие-либо более конкретные и далеко идущие прогнозы и относительно ее внутренней или внешней политики вообще, и в отношении России в частности, сложно из-за того, что Такаити еще только начала свою деятельность на посту премьера и пока для более основательных выводов еще недостаточно материала.

В.В. Нелидов

Добрый вечер. Коллеги очень подробно рассказали о подоплеке всех этих событий, происходящих в японской политике. И, действительно, за последние недели события и изменения, которые происходят в Японии, имеют буквально тектонический характер. Я попытаюсь сделать какие-то выводы и порассуждать о том, почему японская ситуация вообще интересна. А интересна она потому, что, если мы смотрим на японскую политику, мы видим, что, с одной стороны, это политическая система и страна, в которой какие-то тенденции очень похожи на то, что мы видим в странах Запада, а другие особенности японской политики являются сугубо национальными, и они на первый взгляд могут быть не такими очевидными, но без понимания этих особенностей мы не поймем, что там происходит.

Что в Японии похоже на Запад? Мы видим этот самый «правый поворот», мы видим повышение роли соцсетей в политике. И, казалось бы, на первый взгляд, это то же самое, что происходит в Европе, что происходит в США, казалось бы, Такаити — это «Трамп в юбке», а подъем правого электората — это японский аналог MAGA или каких-то правопопулистских партий в Европе. Это все, конечно, так, и, действительно, в какой-то степени социологические причины похожи: рост количества мужчин, молодых и средних лет, которые недовольны той мейнстримной политикой, которая есть сейчас. Достаточно сказать, что правая партия Сансэйто, которая заняла большое количество мест на последних выборах, выросла из движения «антиваксеров» во

время эпидемии COVID-19. Есть и вопросы миграции, которые, как мы все с вами знаем, во всех странах Запада стоят все более и более остро.

Но все это так, да не так. Что же, собственно говоря, в Японии отличается? Из того, что было сказано, может показаться, что все, что происходит в Японии, эти пертурбации, эти дела внутри ЛДП, эта политика между партиями — все это сводится к какой-то идеологической борьбе между, с одной стороны, правыми силами, с другой стороны — силами центристскими или левоцентристскими. Так вот, все это не совсем так или совсем не так, и вот в чем дело. Начну с бэкграунда.

Уже упоминалось, что достаточно давно, на самом деле, 26 лет в коалиции с правящей ЛДП была партия Комэйто. Партия Комэйто — весьма специфическое политическое образование, потому что изначально она возникла еще в 1960-х гг. как политическое крыло религиозной секты, буддийской организации «Сока гаккай». В то время это была оппозиционная сила, которая занимала позиции левоцентристские, но основной частью ее политических взглядов был пацифизм. И то, что после нескольких десятилетий в оппозиции она, наконец, входит в правительство и в коалицию с ЛДП, казалось бы, по западным меркам было чем-то немыслимым. То есть, с одной стороны, правоцентристы из ЛДП, причем которые настаивают на реформе пацифистской конституции, на росте военной мощи Японии, а с другой стороны — пацифистская Комэйто.

Но у японских избирателей никакого когнитивного диссонанса эта ситуация не вызывала, потому что, во-первых, идеология для японских политических сил по большому счету вторична. Во-вторых, потому что сама Комэйто оправдывала это тем, что якобы они будут — и они часто употребляли это слово — «тормозом» для ЛДП, что, дескать, да, в какой-то степени мы поступаемся идеологической цельностью, но, с другой стороны, какие-то наиболее одиозные шаги правящей партии по вопросам, например, пересмотра конституции или политики в сфере безопасности — мы их будем тормозить.

И этот «развод» после долгих отношений, который произошел совсем недавно, то есть буквально 10 октября стало известно о развале коалиции, он тоже был связан, прежде всего, не с идеологическими разногласиями. Да, действительно, после того как Такаити была избрана председателем ЛДП, стало говориться о том, что руководство Комэйто недовольно ее идеологическими позициями. Но вскоре в прессе появились сообщения о том, что на самом деле по вопросам, связанным, например, с миграцией или с историческим прошлым, в общем и целом, был достигнут компромисс. А то, что стало пресловутой соломинкой, которая переломила хребет верблюду, на самом деле не какие-то острые идеологические проблемы. Это были как раз вопросы, связанные с политической коррупцией, конкретно, 7 октября — назначение уже упомянутого политика, Хагиуда Коити, на должность исполняющего обязанности генерального секретаря ЛДП. Это стало поводом — не причиной, но, по крайней мере, поводом — для развала коалиции.

И, с другой стороны, что касается новой коалиции, теперь уже между ЛДП и Партией обновления Японии (*Ниппон исин но кай*). Опять-таки, на первый взгляд может показаться, что это логично: с одной стороны, правоцентристская ЛДП, с другой — Партия обновления, и ее часто характеризуют как правопопулистскую или правоцентристскую. Но здесь я хотел бы напомнить, что все-таки до последнего мо-

мента не совсем было очевидно, что именно с Партией обновления будет заключено соглашение о коалиции. В принципе, теоретически при другом развитии событий могли быть и другие варианты. К примеру, упоминалось в прессе, что Народно-демократическая партия могла бы стать, возможно, партнером ЛДП по коалиции. Не конституционные демократы, потому что Конституционно-демократическая партия — все-таки левоцентристы, и значительная часть их политической платформы — это критика ЛДП, но тем не менее.

Опять же, как уже упомянул Дмитрий Викторович, по сути, Партия обновления Японии отказалась от большинства своих требований, связанных с чем-то таким чувствительным. Действительно, ЛДП согласилась только на сокращение количества мест в парламенте. То есть, опять-таки, с точки зрения Партии обновления, это вопрос не столько идеологический, вопрос не только в том, насколько они смогут продвигать свою идеологическую программу, которая по большому счету не так сильно отличается от программы ЛДП, если не брать во внимание некоторые отдельные моменты. Например, такой любопытный момент: один из пунктов их программы — это создание дополнительной, запасной столицы. Подразумевается, что поскольку Исин — это партия с базой в Осаке, то Осака могла бы стать такой дополнительной, запасной столицей в Японии. Но, опять-таки, им важно то, что они войдут во власть, и это главная задача любой политической силы в Японии.

Ну и, наконец, попробую порассуждать, во-первых, о перспективах нового правительства, а во-вторых, о том, что нас с вами интересует больше всего, а именно внешнеполитический курс Японии, отношения Японии с Россией, отношения Японии с Соединенными Штатами и — а в случае с Японией все это непосредственно связано с отношениями с США — вопрос о политике в сфере безопасности и, в частности, перспективы изменения конституции.

Начну с последнего, а именно конституционной реформы. Это то, о чем, на самом деле, Либерал-демократическая партия говорит практически столько же, сколько она существует, а существует она с середины 1950-х гг., то есть уже много десятилетий. Мое мнение таково, что в обозримой перспективе, скорее всего, этого не будет и вот почему. Несмотря на то, что, действительно, и ЛДП, и Партия обновления Японии говорят об этом как о желательной цели, но вопрос этот чрезвычайно сложный. Дело в том, что, согласно японскому конституционному праву, очень велики требования для пересмотра конституции. Нужно две трети голосов в обеих палатах парламента, и после этого нужно провести общенациональный референдум, на котором нужно получить больше половины голосов за проект пересмотра конституции. Ни о каких двух третях голосов в парламенте речи не идет и в обозримом будущем идти не может.

Более того, даже в середине 2010-х гг., когда позиции ЛДП и тогда ее партнера Комэйто были намного сильнее, даже на голосование в парламенте этот вопрос конституционной реформы не был вынесен, и на тот момент правящие силы не смогли договориться даже о конкретных формулировках. То есть большинство членов правящей партии были согласны, что менять конституцию вроде бы надо, а как менять, что именно там менять, какую статью менять — на этот счет консенсуса не было.

Но и сейчас тоже некоторые комментаторы представляют это таким образом, что, дескать, Япония собирается отказываться от государственного пацифизма, от пресловутой 9-й статьи, которая постулирует отказ от войны как суверенного права нации,

от угрозы или применения силы как средства решения международных споров. Но это не так, потому что те проекты пересмотра конституции, которые обсуждаются сейчас, по большому счету сводятся к тому, что все эти пацифистские постулаты останутся, и единственное, о чем говорится, это то, что в конституции будет прописано существование Сил самообороны. Это могло бы быть примерно в том виде, что да, Япония отказывается от войны, да, Япония отказывается от обладания средствами ведения войны, но при этом у Японии есть Силы самообороны, и это не противоречит сказанному выше. Но даже если взять такой максимально компромиссный проект — мне кажется, что в обозримом будущем правящей коалиции будет не до этого.

Теперь что касается внешней политики. Если говорить о японо-американских отношениях, то союз с Соединенными Штатами — это «мировое древо», на котором держится все мироздание японской политики, и здесь точно никаких радикальных изменений не будет. Есть консенсус между почти всеми мейнстримными японскими политическими силами относительно того, что японо-американский союз — это хорошо, что Япония и дальше будет его развивать. Отдельные политики, которые выражают некоторый скептицизм, существенной роли не играют. Так и здесь мы видим: прошел саммит с Трампом, получена красивая картинка, для чего это все и организовывалось. То есть здесь никаких перспектив ослабления японо-американского союза или какой-то его радикальной трансформации быть не может.

Опять же, некоторые комментаторы, не особенно разбирающиеся в японской политике, находятся в плену, откровенно говоря, ошибочного мнения, что вот, в Японии пришли к власти националисты, которые настаивают на более значимой роли Японии на международной арене, и это значит, что Япония будет постепенно уходить из-под контроля Соединенных Штатов. Это не так, потому что и исторически, и на данный момент именно условно националистические силы в Японии, то есть, в частности, консерваторы из ЛДП, по большей части были наиболее проамерикански настроенными. То есть для японских националистов сильная Япония — это Япония — союзник соединенных Штатов. Что будет через 50—100 лет, предсказать невозможно, но сейчас то, что есть, то есть.

Что же касается российско-японских отношений, то здесь тоже, в общем, действуют силы, которые намного сильнее, чем то, что может изменить отдельно взятый японский политик. Тем более что японский премьер — это не то же самое, что президент Соединенных Штатов или лидер какой-то другой крупной страны, который действительно обладает значительными полномочиями и который может развернуть внешнеполитический курс своей страны на 180 градусов. В Японии действительно существует — будем называть вещи своими именами — антироссийский консенсус. То есть практически все партии занимают известно какую антироссийскую позицию, и здесь отдельные голоса, которые звучат, причем которые не то, что пророссийские, а которые просто начинают задавать вопросы и начинают говорить о том, что, может быть, нужно внимательнее посмотреть на причины украинского конфликта, все эти голоса забиваются, маргинализируются, и никаких шансов на изменение ситуации здесь нет.

Что касается заявления Такаити о том, что Японии важно поддерживать какие-то формы экономического сотрудничества с Россией, в частности, для диверсификации поставок энергоресурсов, здесь опять-таки нет ничего особенно нового, потому что Япония, оставаясь верным союзником Соединенных Штатов в том, что касается во-

енно-политических вопросов, зачастую и раньше тоже позволяла себе по некоторым вопросам проявлять инициативу. Есть такой журналистский штамп, что «Япония следует в фарватере политики Соединенных Штатов», и особенно если мы посмотрим на отдельные детали, он не всегда вполне корректен. Достаточно вспомнить Абэ Синдзо, который пошел на сближение с Россией в середине 2010-х гг. после воссоединения Крыма с Россией, хотя президент США Барак Обама очень настоятельно рекомендовал ему этого не делать. Это не помешало Абэ быть одним из самых проамерикански настроенных премьеров, но и с Россией у него было определенное сближение. Но сейчас, как мне представляется, даже условий для такого «сепаратного» сближения нет. Япония продолжает участие в сахалинских нефтегазовых проектах, так что со стороны Такаити речь просто о том, что Япония будет продолжать делать то, что она уже решила делать еще до прихода Такаити к власти.

И, чтобы сделать последний аккорд в этом моем скептическом выступлении, скажу еще вот что: действительно, уже было сказано о достаточно высоком рейтинге нового кабинета, но не будем забывать, что исторически в японской политике этот «эффект новичка» играл очень большую роль. Секрет того, что ЛДП десятилетиями оставалась у власти, во многом в этом и заключался: сменяется первое лицо, старый политик уносит с собой весь негатив, а новый политик получает новый кредит доверия. Проходит год-два-три, редко больше, и цикл повторяется. Поэтому сейчас, когда мы смотрим в будущее, я, честно говоря, не думаю, что эти традиционные закономерности японской политики подвергнутся какому-то радикальному изменению. Действительно, проблем очень много, с которыми сталкивается японское правительство, и далеко не исключено, что в скором будущем этот «эффект новизны», этот кредит доверия, который есть у кабинета Такаити со стороны избирателей, будет израсходован. И произойдет это скорее раньше, чем позже.

Вопрос

У меня вопрос про партию Исин. Как Вы сказали, эта коалиция очень выгодна ЛДП. ЛДП получает ее поддержку, а Исин получает примерно ничего — она не входит в правительство, она не может протолкнуть свои законопроекты, она получила лишь обещание, что возможно ЛДП будет бороться за сокращение парламента. А зачем они это делают — только потому, что они считают, что кандидат от ЛДП в любом случае лучше, чем кандидат от какой-то другой партии оппозиции, или от отчаянья?

Д.В. Стрельцов

Есть общий ответ: быть в партии власти всегда выгоднее, чем быть в оппозиции. Это связано с тем, что, находясь в партии власти, ты можешь, пользуясь своим положением, реализовать какие-то свои проекты. ЛДП будет вынуждена прислушиваться к голосу Исин по каким-то вещам, связанным с социальными программами, с какими-то конкретными инфраструктурными проектами, какими-то обещаниями. То есть это способ повысить свою репутацию.

Вопрос

Зачем Такаити Санаэ, не успев сесть в кресло премьер-министра, тут же приняла участие, пусть и в режиме онлайн, в саммите т.н. коалиции желающих, которая, как

известно, одним из своих пунктов, ставит возможность направления вооруженных сил этой коалиции в случае прекращения огня между Украиной и Россией на линию разграничения вооруженных сил двух стран?

К.О. Нака

Мне кажется, было бы неправильно ждать от Такаити какого-то разворота на 180 градусов по абсолютно всем политическим направлениям, в том числе и по России. Она будет идти в том же фарватере, который уже был задан, это тот же самый курс, который повторяется постоянно всеми ее предшественниками, и она будет так же его повторять и действовать так же: мы вместе с мировым сообществом, прежде всего со странами Семерки, и далее это уже превращается в мантру. Поэтому, мне кажется, это было бы информационной бомбой, если бы она не стала принимать участие в такого рода мероприятиях, по крайней мере сейчас, будучи только что избранной премьером. Потом могут быть какие-то подвижки, но я не думаю, что будет так.

В.В. Нелидов

Я бы хотел бы тоже к этому добавить, что тоже важно понимать, что в японской политике вообще вопросы внешней политики далеко не приоритетны. Для японских избирателей важнее то, что непосредственно влияет на их жизнь, а это вопросы, связанные с экономической политикой, с социальной политикой. Внешняя политика — это что-то далекое и абстрактное, и более-менее существует консенсус на этот счет.

Вопрос

В начале семинара было упомянуто, что политическая система правительства характеризуется быстрой сменой правительств, но в то же время не характеризуется большим числом ярких незаурядных лидеров по типу того же Абэ Синдзо. Хотелось бы спросить: в свете того, что у нас теперь на посту премьер-министра в первый раз женщина, и, во-вторых, это преемница, как она себя считает, Абэ Синдзо, насколько велика вероятность, она предпримет попытку стать ярким независимым лидером и насколько долгим будет это ее политическое путешествие, учитывая трудности внутриполитического характера?

Д.В. Стрельцов

Отсутствие ярких политических фигур в Японии имеет две причины. Первое — это системная причина, связанная с тем, что в Японии, как Вы знаете, вестминстерская политическая модель. Это кабинетно-парламентская модель, когда лидер страны, глава исполнительной власти, очень зависит от внутрипарламентского расклада сил. Он избирается не народом, а депутатами нижней палаты. И если у него нет прочных позиций в нижней палате, он ничего сделать не может. Это фактор, который на него очень сильно влияет, и здесь трудно быть харизматиком. Бывают случаи, конечно, когда у него сильные позиции в парламенте — тогда у него есть простор. Но в данном случае у Такаити как раз невыигрышная ситуация по сравнению с тем же Абэ.

И второе — это менталитет японцев. Они в целом не любят просто каких-то харизматиков. То есть они не любят людей, которые выбиваются из общей массы. Это просто особенность национального характера. Конечно, есть много исключений из

общего правила, но в целом японцы — это нация группизма, где лидер играет меньшую роль, чем в западных странах.

В.В. Нелидов

Если можно, хотел бы добавить, что, может быть, неяпонистам это не столь очевидно, но это одна из фундаментальных цивилизационных черт Японии. Мы привыкли думать, что в политике может быть либо авторитаризм и самодержавие, либо либерализм, и все принимается консенсусом демократическим образом. Япония — это ни то и ни другое. Япония — это, с одной стороны, страна с очень жесткой общественной, политической и какой угодно иерархией, а с другой стороны — это страна, в которой власть, какой бы жесткой она ни была, является децентрализованной и «размазанной» между различными центрами, и это то, как работает японская политика столько, сколько существует Япония, уже полторы тысячи лет. И с этой точки зрения премьер — это совсем не то же самое, что глава государства в любой другой или почти в любой другой стране.

Вопрос

С учетом сложной ситуации для Такаити, того, что ее не так поддерживают даже внутри ее собственной партии, у нее нет широкой базы поддержки, по каким вопросам ей удастся реализовать свой курс, а по каким вопросам ей придется занять более умеренную позицию?

К.О. Нака

Я могу только в общих чертах это сказать. Ей нужно обозначить точку роста, которая даст ей шанс, несмотря на все противоречия, о которых сегодня было сказано, удержаться в кресле. И она сама прекрасно это понимает. Она ставит во главу угла экономическую политику и смягчение эффекта роста цен на население, потому что она понимает, что рост цен способствует росту недовольства в стране. И, как мне кажется, многое будет зависеть от того, насколько ей удастся выйти из этой ситуации, хотя, на мой взгляд, это достаточно сложно.

Вопрос

Коалиция ЛДП и Комэйто показала себя достаточно стабильной структурой, хотя и не такой стабильной, как «система 1955 года». Каковы перспективы у нынешней коалиции?

Д.В. Стрельцов

Здесь может быть только предположительный залог. Дело в том, что коалиция ЛДП и Комэйто, помимо всего прочего, была основана на взаимовыгодном электоральном сотрудничестве, за которым стояло то, что у Комэйто есть мощная организационная база по всей стране — это местные организации «Сока гаккай», которые есть в любой точке Японии. Что касается коалиции ЛДП с Исин. Исин — это партия чисто региональная. У них в нижней палате все депутаты избраны из района Кансай. И если в том же регионе Кансай ЛДП сотрудничала с Комэйто, и избиратели Комэйто голосовали за ЛДП, то здесь у Исин с ЛДП получаются прямые отношения соперничества, если будут проходить выборы. Поэтому с точки зрения электоральной, это коали-

ция нонсенс, это сиюминутная коалиция, которая основана просто на политической конъюнктуре. Как это будет развиваться — сказать очень трудно. Скорее всего, Такаити будет искать других партнеров помимо Исин. Поскольку их голосов не хватает для получения большинства, будут переговоры и с другими партиями. Наиболее подходящая — Народно-демократическая партия, с которой у ЛДП уже есть какие-то контакты. Но насколько это будет эффективно, я не могу сейчас сказать.

Вопрос

Как население относится к назначению Такаити и не начнется ли с этого утеря ею доверия населения?

В.В. Нелидов

Я попробую ответить. Население относится в целом позитивно, но Такаити не является, как бы сказать, гомогенизирующей фигурой. То есть в силу ее правых взглядов, собственно говоря, есть часть населения, которая ее резко не одобряет. Есть часть населения, которая ее поддерживает. Одной из причин того, почему она вообще стала премьер-министром, было то, что нужно было компенсировать крен электората вправо. Руководство партии поняло, что если они не обратятся к правому электорату ЛДП, который начал «убегать» в сторону Сансэйто и других консервативных сил, то они продолжат «убегать» в еще больших количествах, и ЛДП вообще потеряет власть окончательно. Но дело не сводится к простой дихотомии правых и левых сил. В то время как значительная часть избирателей правых взглядов могут одобрять Такаити, они же скептически относятся к другим аспектам ее политики, особенно связанным с политической коррупцией. Буквально те самые опросы общественного мнения, которые находил я: уровень одобрения Такаити — 64%, и это довольно много; но, согласно тому же опросу, около 70% избирателей посчитали, как там было сказано, «неуместным» решение назначить Хагигуду и.о. генерального секретаря Либерально-демократической партии. Даже эта поддержка, основанная на идеологической близости, которая даже сама по себе не охватывает весь политический спектр, даже она достаточно хрупкая. Видимо, дальше будем смотреть по действиям Такаити и по тому, насколько она будет или не будет пытаться «очистить» японскую политику.

Вопрос

С 2022 г. курс иены сильно упал, что привело к росту цен на импорт и инфляции. Тогда как зарплаты в Японии растут медленно. Реальные доходы населения с 1990-х гг. снижаются. Правительство Японии заявляет о необходимости структурных реформ. Возможно ли проведение структурных реформ в условиях падения популярности правительства Японии, возглавляемого Либерально-демократической партией?

К.О. Нака

Мне кажется, что в какой-то ближайшей перспективе — условно говоря, возьмем полгода — это будет достаточно сложно. Потому что структурные изменения — это серьезная работа, и это неизбежно приводит к определенным потрясениям, а экономика Японии и ее общество, на мой взгляд, находятся не в том состоянии, когда их стоит встряхивать. Их лучше не кантовать. Потому что проблем очень много — это

проблема доходов, это рост цен, ощутимый всеми слоями общества, и большое количество проблем чисто экономических. Поэтому самое главное, что сейчас может сделать Такаити — это попробовать решить эти проблемы, которые, что называются, стоят перед глазами.

Вопрос

Насколько можно предполагать, что в период правления Такаити будут развиваться отношения со странами помимо США?

В.В. Нелидов

Нужно уточнить, о каких именно странах мы говорим. С одной стороны, если брать Китай, с Китаем, скорее всего, ситуация будет либо стагнировать, либо даже ухудшаться, потому что в этом плане Япония действительно движется за Соединенными Штатами, а Соединенные Штаты в меру своих возможностей и в меру того, насколько вообще современная американская администрация вообще может проводить какую-то последовательную политику, пытаются сдерживать Китай. С другой стороны, внешнеполитическая стратегия Соединенных Штатов во многом заключается в том, чтобы мобилизовывать не только свои ресурсы, но и ресурсы своих союзников в Азии для достижения своих же геополитических целей, в том числе для сдерживания Китая. Поэтому возникновение каких-то новых форматов сотрудничества между странами, которые мы назвали бы странами коллективного Запада, странами-партнерами США — это не что-то, что противоречит внешнеполитической стратегии США, но что-то, что, напротив, является ее органическим и неотъемлемым элементом. Это касается и Четырехстороннего диалога по безопасности, это касается и формата AUKUS, к которому собирается частично присоединяться Япония. Суть в том, что Соединенные Штаты поощряют своих союзников к тому, чтобы они более тесно сотрудничали друг с другом. И именно в этом ключе стоит рассматривать сотрудничество Японии с другими проамериканскими странами, будь то страны Юго-Восточной Азии, Филиппины, например, будь то Австралия или Южная Корея. Поэтому это все будет развиваться, и все это является частью тренда, на развитие которого нацелена, в том числе, внешняя политика США.

Поступила в редакцию: 10.11.2025

Принята к публикации: 17.11.2025

Received: 10 November 2025

Accepted: 17 November 2025

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ПЕРЕЧЕНЬ ПУБЛИКАЦИЙ В ЖУРНАЛЕ «ЯПОНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ» ЗА 2025 ГОД

Авилов Р.С. «В отечественной историографии деятельность разведки японского флота рассматривалась слабо...» Рецензия на книгу А.Г. Зорихина «Российско-японское противостояние на море. Дуэль флотов и разведок. 1875—1922» // Японские исследования. 2025. № 4. С. 140—148. DOI: 10.55105/2500-2872-2025-4-140-148.

Банчева А.И. Дракон «Когай» в XXI веке: состояние окружающей среды в Японии // Японские исследования. 2025. № 1. С. 47—61. DOI: 10.55105/2500-2872-2025-1-47-61.

Борькина А.Ю. «Токийская башня сочувствия» Кудан Риэ: Вавилонская башня наших дней и рождение «нового человека» // Японские исследования. 2025. № 3. С. 129—143. DOI: 10.55105/2500287220253129143.

Бушмакин В.А., Зайцев В.П. «Записи услышанного о Владивостоке»: забытый источник по истории Владивостока конца XIX в. // Японские исследования. 2025. № 1. С. 95—111. DOI: 10.55105/2500-2872-2025-1-95-111.

Грачев М.В., Онищук С.О. Представления о болезнях и методах врачевания в период Хэйан // Японские исследования. 2025. № 4. С. 112—124. DOI: 10.55105/2500-2872-2025-4-112-124.

Дацышен В.Г. Японцы в Харбине в начале XX в. К проблеме русскояпонских отношений на начальном этапе истории КВЖД // Японские исследования. 2025. № 2. С. 38—52. DOI: 10.55105/25002872202523852.

Дегтев И.А. От событий на Халкин-Голе до пакта о нейтралитете: отношения между СССР и Японией в донесениях советских дипломатов в Токио (1939—1941) // Японские исследования. 2025. № 2. С. 5—20. DOI: 10.55105/2500287220252520.

Добринская О.А. Политика Японии в отношении Афганистана после прихода к власти движения «Талибан» // Японские исследования. 2025. № 1. С. 77—94. DOI: 10.55105/2500-2872 2025-1-77-94.

Дьячков И.В., Шкатов Д.Е. Государственная и частная мемориализация исторических обид в отношении Японии в Республике Корея // Японские исследования. 2025. № 4. С. 125—139. DOI: 10.55105/2500-2872-2025-4-125-139.

Зберовская Е.Л., Замахеев В.В. Трансформация образа американских японцев на страницах газет в США: от атаки на Перл-Харбор до указа об интернировании // Японские исследования. 2025. № 1. С. 62—76. DOI: 10.55105/2500-2872-2025-1-62-76.

Изогова Н.Н., Жилина Л.В., Лебедева И.П., Ребрей С.М., Подалко П.Э. Стенограмма семинара Ассоциации японоведов «Приближается ли Япония к гендерному равенству?», 23 января 2025 г., МГИМО Университет // Японские исследования. 2025. № 2. С. 130—160. DOI: 10.55105/2500287220252130160.

Кистанов В.О. Внешняя политика Японии в эпоху Трампа 2.0: будут ли перемены? // Японские исследования. 2025. № 3. С. 5—25. DOI: 10.55105/2500287220253525.

Климов А.В. Служба Мацуда Дэндзюро в Хакодате и его окрестностях с 31 октября 1799 г. по 1 января 1801 г. (по материалам «Рассказов о северных варварах») // Японские исследования. 2025. № 1. С. 112—127. DOI: 10.55105/2500-2872-2025-1-112-127.

Климова О.В. История изучения Сахалина по японским источникам (кон. XVIII — нач. XIX вв.) // Японские исследования. 2025. № 4. С. 5—23. DOI: 10.55105/2500-2872-2025-4-5-23.

Коляда М.С. О книге Н.Н. Трубниковой «“Собрание песка и камней” в истории японской философской мысли» // Японские исследования. 2025. № 1. С. 128—133. DOI: 10.55105/2500 2872-2025-1-128-133.

Кульнева П.В. Нанкинская резня в произведениях китайских и японских художников: обида и осознание трагедии // Японские исследования. 2025. № 3. С. 106—128. DOI: 10.55105/2500287220253106128.

Куряев И.Р. Функции авторских комментариев в манге «Призрак в доспехах» Сиро: Масамунэ // Японские исследования. 2025. № 1. С. 17—27. DOI: 10.55105/2500 2872-2025-1-17-2

Лугавцова А.П. Восприятие проблем японского общества через призму «критического буддизма» // Японские исследования. 2025. № 1. С. 6—16. DOI: 10.55105/2500-2872 2025-1-6-16

Матвеева О.К. Скрипторий по переписке сутр эпохи Нара: административные и трудовые практики на примере «Проекта трех сутр» (754 г.) // Японские исследования. 2025. № 4. С. 24—43. DOI: 10.55105/2500-2872-2025-4-24-43.

Мещеряков А.Н. Личность Фукудзава Юкити: быть самим собой // Японские исследования. 2025. № 2. С. 69—84. DOI: 10.55105/25002872202526984.

Новосёлова Е.О. Японские буддийские журналы как средство поддержки миссионерской деятельности в конце XIX — начале XX века // Японские исследования. 2025. № 2. С. 21—37. DOI: 10.55105/25002872202522137.

Полхов С.А. Рецензия на книгу Е.Л. Скворцовой и А.Л. Луцкого «Миры японской культуры» // Японские исследования. 2025. № 2. С. 122—129. DOI: 10.55105/2500287220252122129.

Пужаев В.В. Становление юридического образования в Японии в первой половине эпохи Мэйдзи: очерк истории *Мэйхо:рё*: и *Сихо:сё*: *хо:гакко*: // Японские исследования. 2025. № 4. С. 90—111. DOI: 10.55105/2500-2872-2025-4-90-111.

Пужаев В.В., Романовская В.Б. Частные юридические школы в Японии в период Мэйдзи // Японские исследования. 2025. № 1. С. 28—46. DOI: 10.55105/2500-2872-2025-1-28-46.

Романенко Д.А. Роль японских политических акторов в создании фундамента новой системы образования в Японии в период оккупации // Японские исследования. 2025. № 3. С. 66—84. DOI: 10.55105/25002872202536684.

Семенова Н.К. (2025). Конкуренция и сотрудничество в морской торговле: динамика китайско-японских отношений в условиях геополитической напряженности // Японские исследования. 2025. № 3. С. 26—49. DOI: 10.55105/25002872202532649.

Стрельцов Д.В., Нака К.О., Нелидов В.В. Семинар «Япония на этапе политической турбулентности» // Японские исследования. 2025. № 4. С. 149—167. DOI: 10.55105/2500-2872-2025-4-149-167.

Симонова-Гудзенко Е.К. Людмиле Михайловне Ермаковой 80 лет! // Японские исследования. 2025. № 3. С. 165—173. DOI: 10.55105/2500287220253165173.

Суховерхов А.В. Криницкая Ю.О. Эстетизация мудрости и обыденности как отличительная особенность интеллектуальной культуры Японии // Японские исследования. 2025. № 4. С. 44—58. DOI: 10.55105/2500-2872-2025-4-44-58.

Терзи А.Е. Официальная помощь развитию Японии для Филиппин: оценка эффективности // Японские исследования. 2025. № 4. С. 59—72. DOI: 10.55105/2500-2872-2025-4-59-72.

Тихоцкая И.С. Зеленый урбанизм в Японии: от экотаунов к «городам зеленого будущего» // Японские исследования. 2025. № 3. С. 50—65. DOI: 10.55105/25002872202535065.

Трубникова Н.Н. Ранняя история японского буддизма в «Самбо:э» // Японские исследования. 2025. № 3. С. 144—164. DOI: 10.55105/2500287220253144164.

Фокин Я.П. Эволюция репрезентации Токийского трибунала в исторических нарративах правоконсервативных негосударственных организаций Японии // Японские исследования. 2025. № 3. С. 85—105. DOI: 10.55105/250028722025385105.

Чижевская М.П. Политика Японии в отношении палестиноизраильского конфликта: разнонаправленные интересы и ограничивающие факторы (2023—2024 гг.) // Японские исследования. 2025. № 2. С. 101—121. DOI: 10.55105/2500287220252101121.

Швыдко В.Г. Три года премьерства Кисида Фумио: «новый капитализм» и ответственность экономического курса // Японские исследования. 2025. № 2. С. 85—100. DOI: 10.55105/250028722025285100.

Шкунов В.Н. Аборигенное население Дальнего Востока в российско-японской торговле в XVIII—XIX в. (по дореволюционным источникам) // Японские исследования. 2025. № 2. С. 53—68. DOI: 10.55105/25002872202525368.

Ясинский А.А. Медицина в «Тикусай-моногатари» // Японские исследования. 2025. № 4. С. 73—89. DOI: 10.55105/2500-2872-2025-4-73-89.

BIBLIOGRAPHY 2025

Avilov R.S. (2025). «V otechestvennoi istoriografii deyatel'nost' razvedki yaponskogo flota rassmatrivalas' slabo...» Retsenziya na knigu A.G. Zorikhina «Rossiisko-yaponskoe protivostoyanie na more. Duel' flotov i razvedok. 1875—1922» [“In Russian historiography, the intelligence activities of the Japanese Fleet were poorly considered...” Book review: *Russian-Japanese Rivalry at Sea. A Duel of Fleets and Intelligence Services. 1875—1922* by A.G. Zorikhin]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2025, 4, 140—148. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2025-4-140-148.

Bancheva, A.I. (2025). Drakon «Kogai» v XXI veke: sostoyanie okruzhayushchei sredy v Yaponii [Kogai in the 21st century: Environmental issues in Japan]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2025, 1, 47—61. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2025-1-47-61.

Borkina, A.Yu. (2025). «Tokiiskaya bashnya sochuvstviya» Kudan Rie: Vavilonskaya bashnya nashikh dnei i rozhdenie «novogo cheloveka» [Tokyo Sympathy Tower by Qudan Rie: The Tower of Babel of our days and the birth of the “new hu man”]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2025, 3, 129—143. (In Russian). DOI: 10.55105/2500287220253129143.

Bushmakina, V.A., Zaytsev, V.P. (2024). «Zapisi uslyshannogo o Vladivostoke»: zabytyi istochnik po istorii Vladivostoka kontsa XIX v. [“Records of Things Heard on Vladivostok”: A forgotten source on the history of Vladivostok in the late 19th century]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2025, 1, 95—111. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2025-1-95-111.

Chizhevskaya, M.P. (2025). Politika Yaponii v otnoshenii palestino izra il'skogo konflikta: raznonapravlenkiye interesy i ogranichivayushchie faktory (2023— 2024 gg.) [Japan's Policy regarding the IsraeliPalestinian conflict: Balancing divergent interests and strategic constraints (2023—2024)]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2025, 2, 101—121. (In Russian). DOI: 10.55105/2500287220252101121.

Degtev, I.A. (2024). Ot sobytiy na KhalkinGole do pakta o neitralitete: otnosheniya mezhd u SSSR i Yaponiei v doneseniya kh sovetskikh diplomatov v Tokio (1939-1941) [From the Khalkhin Gol events to the Neutrality Pact: Relations between the USSR and Japan in the reports of Soviet diplomats in Tokyo (1939—1941)]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2025, 2, 5—20. (In Russian). DOI: 10.55105/2500287220252520.

Datsyshen, V.G. (2024). Yapontsy v Kharbine v nachale XX v. K probleme russkoyaponskikh otnoshenii na nachal'nom etape istorii KVZhD [Japanese in Harbin in the

early 20th century. RussianJapanese relations during the early history of the Chinese Eastern Railway]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2025, 2, 38—52. (In Russian). DOI: 10.55105/25002872202523852.

Dobrinskaya, O.A. (2025). Politika Yaponii v otnoshenii Afganistana posle prikhoda k vlasti dvizheniya «Taliban» [Japan's Afghanistan policy after the Taliban's return to power]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2025, 1, 77—94. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2025-1-77-94.

Dyachkov, I.V., Shkatov, D.E. (2025). Gosudarstvennaya i chastnaya memorializatsiya istoricheskikh obid v otnoshenii Yaponii v Respublike Koreya [State-controlled and private memorialization of historical grievances *vis-à-vis* Japan in the Republic of Korea]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2025, 4, 125—139. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2025-4-125-139.

Fokin, I.P. (2025). Evolyutsiya reprezentatsii Tokiiskogo tribunala v isto richeskikh narrativakh pravokonservativnykh negosudarstvennykh organizatsii Yaponii [Evolution of the Tokyo Tribunal's representation in the historical narratives of rightwing conservative nonstate organizations in Japan]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2025, 3, 85—105. (In Russian). DOI: 10.55105/250028722025385105.

Grachev, M.V., Onishchuk, S.O. (2025). Predstavleniya o boleznyakh i metodakh vrachevaniya v period Kheian (794—1185) [Ideas about disease and healing methods in Heian-era Japan]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2025, 4, 112—124. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2025-4-112-124.

Izotova, N.N., Zhilina, L.V., Lebedeva, I.P., Rebrey, S.M., Podalko, P.E. (2025). Stenogramma seminar Assotsiatsii yaponovedov «Priblizhaetsya li Yapo niya k gendernomu ravenstvu?», 23 yanvarya 2025 g., MGIMOUниверситет [Transcript of the Association of Japanologists seminar “Is Japan Approaching Gender Equality?”, January 23, 2025, MGIMO University]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2025, 2, 130—160. (In Russian). DOI: 10.55105/2500287220252130160.

Kistanov, V.O. (2025). Vneshnyaya politika Yaponii v epokhu Trampa 2.0: budut li peremeny? [Japan's foreign policy in the era of Trump 2.0: Will there be changes?]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2025, 3, 5—25. (In Russian). DOI: 10.55105/2500287220253525.

Klimov, A.V. (2025). Sluzhba Matsuda Dendzyuro v Khakodate i ego okrestnostyakh s 31 oktyabrya 1799 g. po 1 yanvarya 1801 g. (po materialam «Rasskazov o severnykh varvarakh») [Matsuda Denjuro's service in Hakodate and the surrounding area from October 31, 1799, to January 1, 1801 (Based on the “Tales of the Northern Barbarians”)]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2025, 1, 112—127. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2025-1-112-127.

Klimova, O.V. (2025). Istoriya izucheniya Sakhalina po yaponskim istochnikam (kon. XVIII — nach. XIX vv.) [History of the study of Sakhalin based on Japanese sources (late 18th — early 19th centuries)]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2025, 4, 5—23. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2025-4-5-23.

Kolyada, M.S. (2025). O knige N.N. Trubnikovoi «“Sobranie peska i kamnei” v istorii yaponskoi filosofskoi mysli» [Book Review: Trubnikova, Nadezhda N. (2024). “Shasekishū” in the History of Japanese Philosophy]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2025, 1, 128—133. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2025-1-128-133.

Kulneva, P.V. (2025). Nankinskaya reznya v proizvedeniyakh kitaiskikh i yaponskikh khudozhnikov: obida i osoznanie tragedii [The Nanjing Massacre in the works of Chinese and Japanese artists: Resentment and awareness of the tragedy]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2025, 3, 106—128. (In Russian). DOI: 10.55105/2500287220253106128.

Kuryaev, I.R. (2025). Funktsii avtorskikh kommentariiev v mange «Prizrak v dospekhakh» Siro: Masamune [Functions of author’s commentaries in the manga “Ghost in the Shell” by Shirō Masamune]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2025, 1, 17—27. (In Russian). DOI: 10.55105/25002872-2025-1-17-27.

Lugavtsova, A.P. (2025). Vospriyatie problem yaponskogo obshchestva cherez prizmu «kriticheskogo buddizma» [The perception of the problems of Japanese society through the prism of “Critical Buddhism”]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2025, 1, 6—16. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2025-1-6-16.

Matveeva, O.K. (2025). Skriptorii po perepiske sutr epokhi Nara: administrativnye i trudovye praktiki na primere «Proekta trekh sutr» (754 g.) [Nara period sutra copying scriptorium: Administrative and labor practices through the example of the “Three Sutras Project” (754)]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2025, 4, 24—43. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2025-4-24-43.

Meshcheryakov, A.N. (2025). Lichnost' Fukudzava Yukiti: byt' samim so boi [Fukuzawa Yukichi's personality: Being yourself]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2025, 2, 69—84. (In Russian). DOI: 10.55105/25002872202526984.

Novoselova, E.O. (2024). Yaponskie buddiiskie zhurnaly kak sredstvo podderzhki missionerskoi deyatel'nosti v kontse XIX — nachale XX veka [Japanese Buddhist journals as a means of supporting missionary activities in the late 19th — early 20th centuries]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2025, 2, 21—37. (In Russian). DOI: 10.55105/25002872202522137.

Polkhov S.A. (2025). Retsenziya na knigu E. L. Skvortsovoi i A. L. Luts kogo «Miry yaponskoi kul'tury» [Book review: “Worlds of Japanese Culture” by Elena L. Skvortsova and Alexander L. Lutsky]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2025, 2, 122—129. (In Russian). DOI: 10.55105/2500287220252122129.

Puzhaev, V.V. (2025). Stanovlenie yuridicheskogo obrazovaniya v Yaponii v pervoi polovine epokhi Meidzi: ocherk istorii *Meikho:re*: i *Sikho:se*: *kho:gakko*: [The development of legal education in Japan in the first half of the Meiji era: An outline of the history of *Meihōryō* and *Shihōshō Hōgakkō*]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2025, 4, 90—111. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2025-4-90-111.

Puzhaev, V.V., Romanovskaya, V.B. (2025). Chastnye yuridicheskie shkoly v Yaponii v period Meidzi [Private law schools in Japan during the Meiji period]. *Yaponskiye*

issledovaniya [Japanese Studies in Russia], 2025, 1, 28—46. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2025-1-28-46.

Romanenko, D.A. (2025). Rol' yaponskikh politicheskikh aktorov v soz daniia fundamenta novoi sistemy obrazovaniya v Yaponii v period okkupatsii [The Role of Japanese political actors in the establishment of the basis of a new education system in Japan during the occupation period]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2025, 3, 66—84. (In Russian). DOI: 10.55105/25002872202536684.

Semenova, N.K. (2025). Konkurentsia i sotrudnichestvo v morskoi torgovle: dinamika kitaiskoyaponskikh otnoshenii v usloviyakh geopoliticheskoi napryazhennosti [Competition and cooperation in maritime trade: The dynamics of SinoJapanese relations in the context of geopolitical tensions]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2025, 3, 26—49. (In Russian). DOI: 10.55105/25002872202532649.

Shkunov, V.N. (2025). Aborigennoe naselenie Dal'nego Vostoka v rossiis koyaponskoi torgovle v XVIII — XIX vv. (po dorevolutsionnym istochnikam) [The aboriginal population of the Far East in the RussianJapanese trade in the 18th — 19th centuries (based on pre revolutionary sources)]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2025, 2, 53—68. (In Russian). DOI: 10.55105/25002872202525368.

Shvydko, V.G. (2025). Tri goda prem'erstva Kisida Fumio: «novyi kapita lizm» i preemstvennost' ekonomicheskogo kursa [Fumio Kishida's three years as prime minister: "New capitalism" and familiar economic policy]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2025, 2, 85—100. (In Russian). DOI: 10.55105/250028722025285100.

Simonova-Gudzenko, E.K. (2025). Lyudmile Mikhailovne Ermakovoi 80 let! [Liudmila Mikhailovna Ermakova turns 80!]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2025, 3, 165—173. (In Russian). DOI: 10.55105/2500287220253165173.

Streltsov, D.V., Naka, K.O., Nelidov, V.V. (2025). Seminar «Yaponiya na etape politicheskoi turbulentnosti» [Seminar "Japan at the Stage of Political Turbulence"]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2025, 4, 149—167. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2025-4-149-167.

Sukhoverkhov, A.V., Krinitskaya, Y.O. (2025). Estetizatsiya mudrosti i obydennosti kak otlichitel'naya osobennost' intellektual'noi kul'tury Yaponii [The aestheticization of wisdom and homeliness as a distinctive feature of the intellectual culture of Japan]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2025, 4, 44—58. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2025-4-44-58.

Terzi, A.E. (2025). Ofitsial'naya pomoshch' razvitiyu Yaponii dlya Filippin: otsenka effektivnosti [Japan's Official Development Assistance to the Philippines: Assessment of effectiveness]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2025, 4, 59—72. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2025-4-59-72.

Tikhotskaya, I.S. (2025). Zelenyi urbanizm v Yaponii: ot ekotaunov k «gorodam zelenogo budushchego» [Green urbanism in Japan: From ecotowns to Future city]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2025, 3, 50—65. (In Russian). DOI: 10.55105/25002872202535065.

Trubnikova, N.N. (2025). Rannyya istoriya yaponskogo buddizma v «Sambo:e» [Early history of Japanese Buddhism in Sanbôe]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2025, 3, 144—164. (In Russian). DOI: 10.55105/2500287220253144164.

Yasinskiy, A.A. (2025). Meditsina v «*Tikusai-monogatari*» [Medicine in the *Chikusai Monogatari*]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2025, 4, 73—89. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2025-4-73-89.

Zberovskaya, E.L., Zamakhaev, V.V. (2025). Transformatsiya obraza amerikanskikh yaponsev na stranitsakh gazet v SShA: ot ataki na Perl-Kharbor do ukaza ob internirovanii [Transformation of the image of Japanese Americans in U.S. newspapers: From the raid on Pearl Harbor to the internment act]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2025, 1, 62—76. (In Russian). DOI: 10.55105/2500 2872-2025-1-62-76.

Научное издание

Японские исследования
№ 4, 2025

Редактор русских текстов:	М.А. Кириченко
Редактор английских текстов:	В.В. Нелидов
Верстка:	С.Ю. Тарасов

Дата публикации	Декабрь 2025 г.
-----------------	-----------------

Адрес: Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32.
Институт Китая и современной Азии РАН.

E-mail: japanstudiesinrussia@gmail.com

Scientific edition

Japanese Studies in Russia
No. 4, 2025

Editor (Russian):	M.A. Kirichenko
Editor (English):	V.V. Nelidov
Layout:	S. Tarasov

Date of issue	20 December 2025
---------------	------------------

Address: Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy
of Sciences, 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation.

E-mail: japanstudiesinrussia@gmail.com